

ЭЛИАС ВЕССÉН

СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ

Перевод со второго шведского издания и примечания
С. С. МАСЛОВОЙ-ЛАШАНСКОЙ

Под редакцией и с предисловием
проф. С. Д. КАЦНЕЛЬСОНА

40915

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

DE NORDISKA SPRÅKEN

av
ELIAS WESSÉN'

Andra Upplagan

STOCKHOLM,

1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга шведского лингвиста Э. Вессена «Скандинавские языки» содержит в себе краткие данные о членении и распространении скандинавских языков и диалектов, о количестве говорящего на них населения, а также сведения из области исторического прошлого этих языков и их литературного оформления. В силу сжатости и общедоступности изложения книга может служить пособием по введению в скандинавистику для лиц с филологическими, историческими и географическими интересами. Читатель должен быть, однако, с самого начала предупрежден о ряде принципиальных пороков и недостатков книги. Читатель совершил бы непростительную ошибку, если бы подошел к книге как к руководству, в котором отобраны лишь строго проверенные и абсолютно достоверные факты. В действительности дело обстоит иначе. Будучи сводкой важнейших итогов буржуазных сравнительно-исторических исследований в области скандинавистики, книга Вессена несет на себе печать того тенденциозного формалистического учения, в лоне которого она возникла.

Порочность методологии буржуазного языкознания сказалась в этой книге прежде всего в части исторического построения. Рассматривая историю скандинавских языков, Вессен опирается на так называемую «генеалогическую», или «праязыковую», теорию, лежащую в основе всех буржуазных историко-языковых построений. Согласно этой теории, все скандинавские языки и диалекты являются потомками единого общескандинавского, или «прасеверного», языка, восходящего будто бы к гипотетическому общегерманскому праязыку, в свою очередь возводимому к мнимой индоевропейской праязыковой общности. Все индоевропейские языки — славянские, германские, романские с латинским, албанский, греческий, иранские, санскрит, армянский и др. — рассматриваются буржуазной наукой как позднейшие ответвления от ствола искусственно восстана-

влияемого языка-родоначальника — индоевропейского пра-языка. Исследование языков при таком подходе произвольно замыкается в рамки отдельных «семей» языков, расово отгороженных друг от друга. Процесс развития языков в пределах одной «семьи» изображается языковедами старой школы как непрерывный процесс распада мнимой первоначальной общности и дробления ее на все новые и новые языки и диалекты.

Основатель материалистического учения о языке, акад. Н. Я. Марр беспощадно разоблачал эти лженаучные воззрения, извращающие реальную историю языков. Возражая против допущения всех и всяческих праязыков как в масштабе праязыка общечеловеческой речи, так и в масштабах отдельных «семей» языков — индоевропейской, финно-угорской — или группировок более мелких — германской, романской и т. д., — Н. Я. Марр резко критиковал старые языковедческие теории. «Этому учению, — писал он, — присуще и расовое деление языков, поскольку остается презумпция, что каждая крупная группировка языков, предполагается, имеет свою прародину и свой праязык, независимый от языков иных по происхождению групп и их праязыков. Соответственно каждый специалист (это уже факт, не подлежащий оспариванию) работает в своем приходе, замыкает углубленные изыскания в своем колодце, и чем глубже при такой постановке дела он мнит себя проникающим в глубины, тем больше уходит от белого света, от материального мира реальности и тем безнадежнее удаляется от действительно в головокружительных глубинах обретающихся источников»*.

В своих праязыковых построениях, уже давно эксплуатируемых буржуазной идеологией в целях оголтелой проповеди расизма и человеконенавистничества, буржуазное сравнительно-историческое (или, как справедливо называл его Н. Я. Марр, формально-историческое) языкознание стремилось опереться на реальные сходства в словаре и морфологической структуре индоевропейских языков. Сведение ряда несомненных черт сходства в области словаря и грамматики к абстрактному праязыковому тождеству — такого основной порок буржуазной истории языка.

* Н. Я. Марр, Избранные работы, т. IV, стр. 3—4.

В области словаря традиционная лингвистика всегда стремилась отделить слова «исконные» или «общеиндоевропейские», восходящие будто бы к изначальному прайзыковому тождеству, от слов заимствованных и «наносных», будто бы случайно проникших в эти языки в превратном ходе позднейшего исторического развития. Такое разграничение в старом языкоznании опиралось на открытые им звуковые соотношения между словами разных индоевропейских языков, — соотношения, известные в старой науке под названием «звуковых законов». Слова, укладывающиеся в нормы регулярных звуковых соотношений, расценивались старым языкоznанием как относящиеся к фонду исконных или общеиндоевропейских слов. Слова с отклонениями от выявленных звуковых норм относились к словам заимствованным и неисконным. Соответственно этому основному положению сравнительно-исторического языкоznания, или, что то же, индоевропеистики, поступает и Вессен. После краткого изложения звуковых соответствий между германскими и другими индоевропейскими языками и, в частности, так называемого перебоя согласных Вессен заключает: «Слово какого-либо германского языка, содержащее согласные, не подвергшиеся перебою, должно рассматриваться как заимствование» (стр. 28).

Это деление слов на «исконные» и «чужие» не выдерживает никакой критики. В основе такого деления лежит отсталая романтическая идеяка об «органическом» развитии языка в «доисторические» эпохи и позднейшем «неорганическом» развитии в эпохи «исторические». Вначале будто бы вырастает основной внутренний костяк языка, на котором впоследствии появляются чужеродные нарости и напластования. Такое разграничение слов неверно как в приложении к заимствованным словам позднейших эпох, так и в отношении так называемых «исконных» слов. Когда формалистическое языкознание определяет ряд слов как заимствования, то оно исходит из голой звуковой формы, игнорируя смысл, значение и самый факт самобытного освоения таких слов и их органического вхождения в живую ткань родной речи. Смешивать слова, пустившие глубокие корни в народную речь, со словами, резко ощущаемыми как заимствования и не получившими прав гражданства в языке, одинаково трактовать их как чужие

слова только на том основании, что эти слова не соответствуют звуковым законам, выявленным сравнительно-историческим языкоznанием, — значит руководствоваться поверхностными и чисто внешними критериями при изучении слов. С другой стороны, неправильно также рассматривать слова, находящиеся в соответствии с исторической фонетикой (звуковыми законами), как «исконные», в смысле возведения таких слов к мнимой праиндоевропейской языковой общности. Формально-сравнительное языкоznание считает «исконными» те слова, которые по отрешенным от реальной исторической жизни звуковым «законам» сводятся им к фиктивному, биологически воспринимаемому прайзыковому тождеству. Подлинная исконность слов и грамматических форм в смысле принадлежности их реальным языкам как продукту общественного творчества конкретных племен, народов и наций, в классовом обществе — конкретных классов, не была, да и, по нормам господствующего в старой науке извращенного мышления, не могла быть вскрыта индоевропеистикой.

Отвергая призрачную идею о существовании расовоизолированных массивов речи, создатель советского материалистического языкоznания Н. Я. Марр писал: «Язык — явление социальное и социально благоприобретенное... Без образования социальных групп и потребности в организованном их общении, без согласования звуковых символов, значимостей, друг с другом и без их скрещения не могло бы возникнуть никакого языка, тем более не мог бы развиться далее какой-либо язык. В этом порядке, чем больше общих слов у многих наличных теперь языков, чем больше видимой и легко улавливаемой формальной увязки языков на пространстве большого охвата, тем больше основания утверждать, что эти общие явления — позднейший вклад, что нарастания их в отдельных языках результат позднейших многократно происходивших скрещений»*.

Н. Я. Марр справедливо отвергал старое понимание родства языков, основанное на реакционных биологических

* Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, Избранные работы, т. II, стр. 399.

и расовых представлениях. «Термин „родство“, — писал Н. Я. Марр, — внесен в лингвистическую науку, когда о происхождении языка или не было никакого представления или оно мыслилось в порядке физического, т. е. кровного родства. Естественно, при таком взгляде на природу речи был безоговорочно усвоен биологический термин и всецело господствовал в такой мере, что органическая связь явлений в двух различных языках не носит иного названия, как „родство“. Термин может быть оставлен, но его надо освободить от обычно придаваемого ему значения, как слова из биологической терминологии». И вслед за этим Н. Я. Марр приходит к замечательным выводам: «Родство — социальное сходжение, неродство — социальное расхождение»*.

Старая лингвистика относила все слова, отвечающие определенным звуковым нормам, к числу слов единого мифического праязыка, из которого будто бы в порядке внутреннего членения отпочковались различные представители данной языковой семьи. В звуковых соответствиях индоевропеисты без дальнейших рассуждений видели доказательство первоначального органического единства родственных языков. При этом не давалось никакого положительного ответа на вопрос о том, какие же реальные исторические процессы скрываются за формально выявленной схемой звуковых соответствий. Компаративисты ничего не видели за звуковыми соответствиями в родственных языках, кроме воображаемого процесса прогрессирующего распада мнимой праязыковой общности. Вся первобытная история языков данной «семьи» представлялась им как результат непрерывных расхождений. Советское материалистическое языкознание приходит к принципиально иным выводам. Если так называемые «звуковые законы» не дают нам возможности разграничить слова, возникшие в данном языке, от слов, заимствованных извне, то не потому, что в древнейшую эпоху будто бы были исключены всякие сходжения между языками, а потому, что нормы звукового развития в древнейшую эпоху отличались от норм позд-

* Там же.

н е й ш е г о з в у к о в о г о р а з в и т и я и разработанные старой лингвистикой приемы не позволяют проследить процессы скрещения и схождения языков, имевшие место в древнейшую эпоху. Слова, укладывающиеся в нормы звуковых соответствий, — это проявление родства языков, а слова, не укладывающиеся в эти нормы, — это заимствования, — так рассуждали приверженцы старого, формалистического языкоznания, как будто бы позднейшие заимствования не свидетельствуют о реальных исторических связях разных народов! Но разве, говоря о родстве, мы не подразумеваем исторических связей и сближений? Позднейшие схождения — такое же проявление «родства», понимаемого общественно-исторически, а не биологически, как и схождения более ранних эпох. Нужно только помнить, как подчеркивал Н. Я. Марр, что «схождения и расхождения бывают различных измерений, т. е. различных измерений бывает так называемое „родство“»*. Укладывающиеся в «звуковые законы» родственные слова также являются результатом процессов схождения и связи общественных коллективов, но в такой исторический период, когда господствовали особые нормы развития звуков и слова об разова ния, отличающиеся от процессов звукового развития и словопроизводства в позднейшие исторические эпохи. Характер и границы распространения той или иной племенной речи были в древнейшие эпохи существенно иными, чем в письменно документированный период развития языка.

Н. Я. Марр сделал много для раскрытия своеобразия звукового развития и словопроизводства в древнейшие эпохи языкового развития. Если традиционное языкоznание подходило к звукам речи как к готовой и в принципе неизменной категории, то Н. Я. Марр убедительно показал, что отдельные звуки речи, или фонемы, являются сравнительно поздним историческим достижением и возникают в результате расчленения первобытных диффузных звуков слогового порядка — «лингвистических элементов», по терминологии Марра. Расчленение первобытных слоговых эле-

* Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 415.

ментов шло в путях столкновения и расчленения слов отдельных социальных групп, выработки словаря и норм племенного произношения. Оттенки звуков речи, имевшие вначале лишь побочное социальное значение как явление местного произношения, с течением времени начинали играть роль различителей смысла, подвергались, по выражению Н. Я. Марра, «семантизации», что неизбежно вело к расщеплению первоначально нерасчлененных слоговых элементов. Отмечая своеобразие звуковых процессов первобытной эпохи, Н. Я. Марр вместе с тем подчеркивал особенности словообразования в начальные эпохи языкового развития, когда расщепление и поляризация значений слов, выделение новых противоположных значений из недр расплывчатых многозначных слов, еще непосредственно сопровождалось расщеплением звуковых комплексов и вычленением новых звуковых единиц. Учет всех этих языковых процессов первобытной эпохи позволил крупнейшему советскому языковеду решительно отвергнуть старое натуралистическое и расистское понятие родства и взамен выдвинуть общественно-историческое его понимание, основанное на раскрытии процессов скрещения и консолидации языков первобытных общественных коллективов.

Отстаивая реакционную идею об изначальном тождестве индоевропейских языков, буржуазные языковеды ссылались обычно не только на сходство лексического состава, корнеслова, но и на заметное сходство морфологических элементов слова. Морфологическому сходству, близости флексивных элементов придавалось в буржуазной науке тем больше значения, что буржуазными учеными владела навязчивая мысль, будто флексивная морфология образует внутренний каркас языка, остающийся в своей основе неизменным при всех обстоятельствах. Раскрытие процессов образования и отпадения флексий разбило и эту догму компаративистики. Наибольшее значение при этом имело открытие того факта, что флексивные элементы в конечном счете восходят к ранее самостоятельным служебным словам, возникшим на основе слов знаменательных. При условии наличия сходных слов в двух соседящих языках и при условии непрекращающихся исторических связей между носителями этих языков процесс превращения знаменательных слов в служебные и служебных

слов в флексивные показатели мог протекать самостоятельно в каждом из этих языков. Так, например, процесс превращения указательного местоимения в артикль с последующим сращением артикла с именем существительным и образованием особого, «определенного» склонения имен существительных протекал в каждом скандинавском языке параллельно.

Последовательно раскрывая процесс образования родства вследствие общения и расхождения различных общественных групп — племен, народов и т. д., — материалистическое языкознание выдвигает принципиально новое положение о генезисе языков. Оно отвергает возможность возникновения каких бы то ни было прайзиков — индоевропейского, германского, прасеверного и др. Общие пласти слов и форм, имеющиеся в индоевропейских, германских и скандинавских языках, должны быть разъяснены не в порядке механического отнесения их к прайзикам различных степеней, а в порядке конкретно-исторического изучения процессов, приведших к образованию этих пластов.

Как должно быть построено такое конкретно-историческое изучение, наглядно показал нам применительно к проблеме рейнских говоров Фридрих Энгельс в своем исследовании «Франкский диалект».

Особо следует в этой связи остановиться на понятии общескандинавского прайзика, или, как его иначе называют, «prasеверного». В то время как в отношении реального существования индоевропейского и общегерманского прайзиков индоевропеисты еще допускают иногда некоторые сомнения, так как вопрос о существовании этих прайзиков относится к области абстрактных построений и гипотез, «prasеверный» язык является, по их мнению, реальным языком, засвидетельствованным в древнейших рунических надписях.

— Было бы, однако, непростительной ошибкой отождествлять язык древнейших рунических надписей с мифическим понятием единого скандинавского прайзика. Такое отождествление недопустимо по ряду оснований. Язык древнейших рунических надписей, весьма скучно засвидетельствованный в дошедших до нас памятниках, вовсе не однороден. Уже исследователями-индоевропеистами были выделены в языке рун элементы, относящиеся к другим нескандинав-

ским германским языкам*. Кроме того, следует учитывать сакральный характер памятников, позволяющий предполагать, что перед нами особый кастовый язык жрецов или писцов, культивировавшийся в особой среде и распространенный на сравнительно большой территории с населением, говорящим на разных языках и диалектах. Должно быть принято во внимание и несовершенство древнейшей рунической письменности, которая могла скрывать под собой разные диалектные нормы. Конечно, данные древнейших рунических надписей дают нам некоторое представление об особенностях морфологии и фонетики скандинавских языков в древнюю пору, но такие заключения должны делаться с большой осторожностью. Что же касается гипотезы о «пра-северном» языке, то в силу изложенных выше общих и специальных соображений она должна быть отвергнута.

Помимо праязыковой ориентации, искажающей реальность исторического процесса, в работе Вессена ощущается еще один резкий порок, вытекающий из общих пороков старой индоевропеистской методологии. История языка сводится в работе Вессена, в основном, к смене звуков и к частичным изменениям морфологии. Лексика, кроме проблемы заимствованных слов и пурристического словотворчества, и синтаксис целиком выпадают из поля зрения этого исследователя. Вессен, как и другие буржуазные языковеды, не учитывает, что, помимо лексики и морфологии формального порядка, существует еще, как выражался Н. Я. Марр, морфология «идееносного», или смыслового, порядка, отражающая все более и более глубокое познание природы человеком в ходе общественной практической деятельности и общественной борьбы. Исторический обзор языков, даже в пределах письменно документированной эпохи, носит у Вессена формальный и поверхностный характер, ограничивающийся внешними сопоставлениями и случайной регистрацией фактов без раскрытия важнейших общественно-исторических причин развития языка как «практического сознания» (Маркс и Энгельс).

* Сводку мнений по этому вопросу см. в вводной части статьи проф. А. И. Смирницкого, К вопросу о языке старших северных рунических надписей («Вестник Московского университета», 1947, вып. 8, стр. 71 и сл.).

Вессен характеризует иногда те или иные языки и диалекты как «архаические» (см., например, стр. 60). Признаком архаичности языка, в частности исландского, по Вессену, является сохранение в языке активно используемой флексии. Прогрессивными языками, подобно Естперсену, Вессен считает языки, развившие взамен флексивной системы аналитические конструкции. Эта предвзятая точка зрения продиктована теми же расистскими основами, на которых построено и все буржуазное языковедение. Языки аналитического строя (английский, датский, французский и некоторые другие), по мнению реакционных языковедов в США и на Западе, сменяют языки флексивной системы как, якобы, более совершенные, характеризующие и более совершенный тип мышления. История ряда индоевропейских языков (индийских, романских и др.) говорит не только об обычном существовании в языках особенностей аналитического и синтетического (флексивного) строя речи, но и об образовании флексивных форм из описательных и других аналитических конструкций. Читатель должен знать это. Представители расистского по своей сущности, формально-исторического языкоznания лишают слова «архаичность» и «прогрессивность» их подлинно-исторического смысла. Это и должен учитывать всякий, имеющий дело с работами подобного типа.

Идеалистически извращенный историзм автора, неправильное понимание им причин исторического развития речи проявляется и при рассмотрении причин гибели норвежского языка в качестве литературного (см. стр. 78 и сл.). Автор отодвигает социально-исторические причины на задний план, а на передний — выдвигает причины «внутриязыкового», «кимманентного» порядка. Основная причина падения древненорвежской письменности заключается, по Вессену, в том, что сам норвежский язык в силу будто бы особенностей его морфологического развития закрыл себе пути к дальнейшему росту и преобразованию его в литературный язык новой формации.

В основе такого утверждения, в конечном счете, лежит реакционный взгляд на сущность языкового развития, согласно которому отдельные языки в разной степени обладают творческими потенциями. Опыт языкового строительства в Советском Союзе, где осуществление

благородных принципов ленинско-сталинской национальной политики подняло разноструктурные, ранее бесписьменные или не развитые в литературном отношении языки до уровня развитой литературной речи, доказывает, что в самом строе языка нет и не может быть ничего такого, что препятствовало бы восхождению данного языка с низшей ступени на более высокую. Если история норвежского языка обнаруживает в определенную эпоху зияющий разрыв и норвежский язык не поднялся на ступень национального языка одновременно с датским и шведским, то это обстоятельство находит себе объяснение не в особом строе норвежского языка, а в особых исторических условиях, которые Вессен не смог целиком обойти и о которых он упоминает вскользь. Для того чтобы какой-либо язык вырос до уровня национального языка, необходимо, чтобы имелось налицо сочетание особых условий, связанных с образованием наций. Эти условия вскрыты в классических работах по национальному вопросу В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Национальный язык — это языковая общность, устанавливающаяся в связи с процессом образования нации. Как указывает товарищ Сталин, «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подъемающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»*.

Процесс создания национального языка является одной из неотъемлемых сторон процесса образования национальных связей. «Во всем мире, — писал В. И. Ленин, — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устраниении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее

* И. Стalin, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 303.

средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяkim и каждым хозяином или хозяйством, продавцом и покупателем»*.

Указывая на общность языка как на одну из существенных и обязательных черт нации, товарищ Сталин резко критикует антимарксистские теории, отрицающие общность языка как одно из необходимых условий формирования нации.

Если образование норвежского национального языка запоздало сравнительно с датским и шведским языками, то это объясняется не имманентными, внутриязыковыми причинами и даже не культурными условиями, а прежде всего длительной экономической и политической отсталостью страны. Характеризуя длительное «застойное существование» Норвегии, Фридрих Энгельс объяснил это отставание изолированностью страны и социально-экономическими условиями**. Длительное экономическое отставание страны вместе с утратой политической самостоятельности в результате Кальмарской унии (1397 г.) были действительной причиной прекращения старой письменной традиции. Вместе с Норвегией политическую самостоятельность утратила и Швеция. Но если Швеция в начале XVI в. сумела вновь обрести независимость, а Норвегия в это время потеряла остатки своей свободы, то это находит объяснение в различии экономических условий. Характерно, что реформация, сыгравшая значительную роль в развитии национального самосознания и национального языка в Швеции, явилась в Норвегии проводником датского влияния и содействовала дальнейшему отеснению норвежского языка.

Порочность методологии Бессена сказалась еще в том, что отдельные скандинавские языки получили в его книге неравномерное освещение. Говоря о конкретном содержании

* В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 20, стр. 368.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 74.

исторического процесса языкового развития, автор обнаруживает непоследовательность. Применительно к одному языку он увлекается вопросами лексики, в другом — он преимущественно выделяет морфологическую сторону, в третьем — он подчеркивает вопросы правописания и т. д. Конечно, в известной мере такой подход обусловлен особенностями развития отдельных скандинавских языков. Но в еще большей степени неравномерность освещения объясняется ограниченностью буржуазной лингвистики, ее формализмом, неспособностью проникнуть в глубинные процессы речевого развития и проследить те сдвиги, которые неминуемо совершаются в строе каждого языка с изменением общественно-исторических условий его существования. Задача подлинно-исторического исследования языка заключается в том, чтобы выявить эти закономерные сдвиги и показать, какими самобытными и своеобразными путями идет реализация этих общих тенденций в строе каждого национального языка. Между тем, Вессен бесконечно далек от выполнения этих требований. Он ограничивается поверхностным описанием фактов, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в одном случае он больше уделяет места явлениям пуритизма и словотворчества, а в другом — занимается главным образом грамматикой, хотя, как известно, лексика и грамматика развиваются параллельно как две неотъемлемые стороны одного и того же процесса развития строя речи.

По объему в книге больше всего места отводится шведскому языку, что легко находит объяснение в национальности автора и его ориентации на шведского читателя. В таком уклоне автора не было бы ничего зазорного, если бы автор не упрекал при этом исландских лингвистов в национально-ограниченной точке зрения и не ратовал за «единую», «общескандинавскую» установку. Получается, что космополитические взгляды автора, становящегося в позу борца за «общескандинавские» и, шире, «общеевропейские» идеалы, на деле направлены к ограничению самобытности и значения других скандинавских языков и к всемерному выпячиванию роли шведского языка. Борьба с национализмом является в устах буржуазного космополита лишь фразой, призванной прикрыть собственную буржуазно-националистическую точку зрения.

С этим связана также оценка пуризма в книге. Э. Вессен (стр. 65) указывает на «опасность пуризма», касаясь исландского языка. Но и в этом вопросе у него проявляется буржуазная космополитическая установка. И здесь Вессен рядится в тогу представителя «общескандинавских» и «общевероятных» интересов, последовательно борюще-гося против националистической пуристической деятельности. В действительности, однако, позиция Вессена в этом важном вопросе фальшива и ничего общего не имеет с подлинно передовыми и демократическими взглядами в области языковой политики.

Позиция Э. Вессена в данном вопросе фальшива вдвойне. Ее фальшь сказывается прежде всего в понятии «интернационализма», которым оперирует автор. Когда автор говорит о «международной культуре», он, конечно, имеет в виду не многонациональную культуру социалистического пролетариата, а буржуазную культуру господствующих классов империалистических стран, стремящихся поработить все народы мира. «Интернациональными» и «общепринятыми» словами буржуазное языкознание называет слова, фактически распространенные в ограниченном круге европейских языков, претендующих на «мировое господство», совершенно игнорируя при этом гигантские языковые массы угнетенного населения колониальных и полуколониальных стран. Понятие «международных слов» становится в трактовке буржуазного языковеда великодержавническим и классово ограниченным. Такие подлинно международные слова, как советизмы, проникшие во все языки мира благодаря международному значению ленинизма, сознательно игнорируются современными буржуазными языковедами.

С другой стороны, глубоко ошибочна в книге Вессена оценка пуризма. Нельзя подходить к пуристической деятельности с одной, раз и навсегда принятой меркой. Одно дело пуризм, осуществлявшийся в широких масштабах немецкими шовинистическими и фашистскими кругами, пуризм, направленный к тому, чтобы повернуть вспять развитие языка и во имя бредовой расистской идеи изгнать из языка такие давным-давно усвоенные широкими массами населения слова, как телефон, автомобиль и т. д. Движущим мотивом такого пуризма было стремление оторвать тру-

дящиеся массы своего народа от трудящихся масс других народов, по возможности ослабить международную солидарность угнетаемых в их борьбе против угнетателей и воспитать народ в духе оголтелой ненависти и презрения ко всем другим народам. Совсем другое дело — пуранизм, преследующий цели демократизации научного и общественно-политического языка и направленный к тому, чтобы отстоять национальную независимость против происков хищников империалистического порабощения и агрессии. Именно таков пуранизм маленького исландского народа, который на протяжении многих веков был вынужден отстаивать свою независимость против королевской Дании, а в течение последнего времени и против бесцеремонного натиска американского империализма, рассматривающего Исландию как одну из своих стратегических баз. Характеризовать исландский пуранизм в таких условиях как реакционный — значит недостойно осуждать стойкость и свободолюбие маленького северного народа в его законном стремлении освободиться от чужой опеки и стать на собственные ноги.

«Индоевропейская лингвистика, — по меткому определению Н. Я. Марра, — есть плоть от плоти и кость от кости отживающей буржуазной общественности»¹. Книга Вессена о скандинавских языках как продукт индоевропейской лингвистики страдает всеми существенными пороками, типичными для индоевропейского языкознания в целом. Если, тем не менее, мы считаем возможным предложить эту книгу в русском переводе вниманию советского читателя, то это объясняется тем, что разработка проблем скандинавистики с позиций советского материалистического языкознания только началась, и книга Вессена, заключающая в себе известный фактический материал, может быть полезна в определенных рамках советским специалистам. При чтении работ, подобных книге Вессена, читатель, должен быть предупрежден об их порочных установках, об их буржуазной тенденциозности и в необходимых местах должен получить правильное освещение вопроса с позиций советского материалистического языкознания. Поэтому снабжение зарубежных работ типа Вессена, используемых в качестве пособий в наших филологических вузах, необходимыми

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. I, стр. 222.

комментариями и вводными замечаниями является практически неотложным делом.

Все основные критические замечания и необходимые исправления вынесены в комментарии. Читатель должен помнить, что собранный в книге Вессена фактический материал может быть полезен советскому специалисту только при условии критического подхода к книге с позиций нового, материалистического учения о языке, разработанного акад. Н. Я. Марром. Предисловие к книге и комментарии помогут читателю в достижении этой цели.

С. Кацнельсон.

В В Е Д Е Н И Е

1. ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

Скандинавскими языками называются родственные между собой языки, на которых говорят обитатели скандинавского Севера (т. е. Швеции, Дании, Норвегии), Фарерских островов и Исландии, а также некоторых районов Финляндии, где имеется население, говорящее по-шведски. В настоящее время существует шесть скандинавских литературных языков¹, а именно: шведский, датский, два норвежских — так называемый «букмол» (т. е. книжный язык) и «новонорвежский» (ранее называвшиеся соответственно «риксмол» и «лансмол»), — фарерский и исландский. Наряду с этими литературными языками существует большое число диалектов.

На шведском языке говорит около 6,5 миллиона человек, включая шведов в Финляндии, на датском — около 3,5 миллиона, на норвежском — приблизительно 3 миллиона, на фарерском — 25 тысяч и на исландском — 115 тысяч человек. К этим цифрам следует прибавить еще эмигрантов из Скандинавии в различных частях света, особенно в США. В США эмигрировало около 650 тысяч шведов, 365 тысяч норвежцев и 150 тысяч датчан, т. е. в общем более миллиона скандинавов. В Канаде имеется сравнительно многочисленная колония исландцев, насчитывающая около 20 тысяч человек.

В Швеции живет около 7 тысяч лопарей и 30 тысяч финнов, в Норвегии — около 19 тысяч лопарей (называемых там «финнами») и 7 тысяч финнов (называемых «квенами»).

Скандинавские диалекты (областные говоры) значительно более многочисленны, чем письменные языки. Границы лингвистических явлений, характеризующих тот

или иной диалект, лишь в отдельных случаях совпадают с государственными границами. Таким образом, шведская языковая область, например, не отделена резкими границами ни от датской на юге, ни от норвежской на западе. Что касается письменных литературных языков, а также разговорной формы литературного языка, опирающейся на письменные нормы, то государственные границы служат здесь одновременно и языковыми границами, причем эта связь государственных границ и литературных языков в основном позднего происхождения. С исторической точки зрения, все скандинавские говоры представляют собой один язык, видоизменяющийся географически². Так, говоры южного Сконе обнаруживают близкое родство с датскими говорами в южной части о. Зеландии. На народном языке о. Борнхольма лежит отпечаток, сближающий его с южносконскими говорами. Восточнонорвежские говоры связаны с говорами Вермланда и Вестердаларна. Емтландский говор служит посредствующим звеном между говорами Трённелага и говорами на побережье Норланда. Исландский и фарерский языки связаны в большой степени с западнонорвежскими говорами.

Скандинавские диалекты можно разделить на следующие группы³:

- 1) ютские говоры,
- 2) говоры датских островов,
- 3) южношведские говоры (включая Борнхольм),
- 4) гётские говоры,
- 5) свейские говоры («среднешведские» и «верхнешведские» говоры),
- 6) норландские говоры,
- 7) восточношведские говоры (в Финляндии),
- 8) готландский (гутнийский) говор,
- 9) восточнонорвежские говоры,
- 10) западнонорвежские говоры,
- 11) фарерский язык,
- 12) исландский язык.

Наиболее архаичные и интересные говоры, если оставить в стороне исландский и фарерский, — некоторые говоры в горных долинах Норвегии (например, в Сэтесдале), ряд северношведских диалектов (например, самый северный в Каликсе), готландский и говоры в Эvre Даларна.

В некоторых случаях скандинавские диалекты осуществляли более последовательно, чем какие-либо другие германские языки, старые тенденции развития, которые проявлялись уже в древнейшие эпохи жизни германских языков*.

Область распространения скандинавских языков со-прикасается с областями распространения других языков в двух местах: с финской территорией на северо-востоке — в районе р. Торнео, в губерниях Васа (южная часть старой области Эстерботтен) и Усима (шведское название Нюланд) — и с немецкой территорией на юго-западе (в Шлезвиге). В обоих пограничных районах пролегают пояса со смешанным населением, в значительной степени двуязычным; поэтому провести географическую границу между шведским и финским и между датским и немецким населением довольно трудно. Но в противоположность картине постепенных диалектных переходов внутри Скандинавии непрерывность здесь отсутствует: языки здесь разграничены ясно. При этом современная датско-немецкая государственная граница (к северу от Фленсбурга, к югу от Тённера) ни в коей мере не является четко выраженной языковой границей, и мы находим население, говорящее по-датски, к югу от границы, в немецком Шлезвиге (по данным переписи 1925 г., около 5700 человек), так же как говорящее по-немецки меньшинство к северу от границы, в датском Шлезвиге. Население той части Шлезвига, которая в 1920 г. после плебисцита воссоединилась с Данией, составляет 177 700 человек**.

В прежнее время на скандинавских языках говорили и за пределами Скандинавии, что в первую очередь было следствием скандинавской экспансии в «период викингов»⁴: в Нормандии — с 900 до 1100 г., в северо-восточной Англии — приблизительно до 1100 г., на Оркнейских островах — с 800 до 1700 г., на Гебридских островах, называвшихся

* О скандинавских народных говорах см. следующие обзорные работы: E. Wesséen, *Vära folkmål*, 1935; J. Brøndum-Nielsen, *Dialekter og Dialektforskning*, 1927; A. B. Larsen, *Oversigt over de norske bygdemål*, 1898.

** О датско-немецкой языковой границе см. H. V. Claussen, *Sprogkårt over Sønderjylland*, 1889 («Svenska landsmålen», т. X, 5). О шведской языковой области см. подробнее E. Wesséen, *Vära folkmål*, стр. 7 и сл., и особо о северной границе в Норботтене, стр. 37.

у скандинавов «Южными островами», — с 800 до 1400 г., на Шетландских островах — с 700 до 1750 г., в Ирландии — с 800 до 1250 г., на острове Мэн — с 800 до 1450 г., в Гренландии — с 986 до 1450 г. В Финляндии на шведском языке говорили отчасти в Сатакунда и в неостровных приходах губернии Турку. На датском языке в прежнее время говорили во всем Шлезвиге вплоть до линии р. Эйдер — Даневирке⁵, где леса и болота отделяли скандинавов от саксов, живших южнее. В средние века немецкий язык был введен в Шлезвиге в качестве языка администрации, когда эта первоначально чисто датская область была соединена с немецкой Голштинией. В результате датский язык в значительной части Шлезвига был постепенно вытеснен немецким.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ С ДРУГИМИ РОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ

Скандинавские языки принадлежат к германской семье языков и представляют самостоятельную, своеобразно развивающуюся ветвь этой семьи. В начале нашего летоисчисления германцы жили в Скандинавии и северной Германии, на запад и на юг до Рейна, на восток до Вислы⁶. Их язык, прагерманский⁷, постепенно распался на диалекты, объединяемые в три главные группы, которые по их положению относительно друг друга в этот древнейший период называют северогерманской, восточногерманской и западногерманской. Восточные германцы являются, видимо, выходцами из Скандинавии (о чем говорят, в частности, некоторые из их племенных названий, рассматриваемых на стр. 41—42). Восточно-германские языки полностью вымерли. Важнейший из них — готский, древнейший германский литературный язык. От готского перевода библии Вульфила (середина IV в.) сохранились лишь части. Важнейший список этой библии — так называемый «Серебряный кодекс» («Codex Argenteus»), написанный около 500 г. в Италии, вероятно, в Равенне, столице Теодориха Великого. В настоящее время «Серебряный кодекс» хранится в Упсале. Западногерманские племена жили главным образом между Эльбой и Рейном. Большая часть их погибла в эпоху переселения

народов, некоторые же вошли в новые племенные образования. В более поздний период переселения народов славянские народы (венды и др.) вышли на северонемецкую равнину, между скандинавами и остальными германцами, и, таким образом, скандинавские языки оказались на ряд столетий отделенными (за исключением крайнего запада) от континентальных германских. В начале средних веков существовали следующие западногерманские языки⁸: древнеанглийский, древнефризский, древненижненемецкий (по нижнему течению Рейна), древнесаксонский (между Рейном и Эльбой), древневерхненемецкий (южнее области древнесаксонского). Первые памятники древнеанглийского и древневерхненемецкого языков относятся к VIII в., первые памятники древнесаксонского — к IX в.*.

В низовьях Эльбы во времена Тацита (около 100 г.) жили лангобарды. Но вскоре они покинули эти места и направились сначала в Венгрию, а затем (в VI в.) в Италию, в названную впоследствии по их имени Ломбардию. К северу от поселений лангобардов, по словам Тацита, лежали большие леса и реки. Большой лес, называвшийся «Железным лесом» (на языке скандинавов **Iarnwith**, на языке саксов **Isarnho**), тянулся от р. Траве до залива Шлей. На западе вдоль р. Эйдер простирались обширные болота. Таким образом, это была редко населенная пустынная местность, служившая естественной границей между Ютландией и страной саксов. Жители назывались по-исландски **Holtsetar** «лесные жители», по-древнесаксонски — **Holtsāti**, откуда произошло название **Holsten**, получившее затем в верхненемецкой переделке форму **Holstein** — Голштиния. На полуострове Ангель, в немецком Шлезвиге, жили англы, которые в V в. вместе с саксами и ютами переселились в Англию. Согласно сообщению историка Беды (ум. в 735 г.), после их ухода осталась незаселенная область между землями ютов и саксов. Постепенно лесные

* Древненижненемецкий язык лежит в основе современного голландского, древнесаксонский — в основе средненижненемецкого, распространившегося с XII в. в результате немецкой экспансии по всей северной Германии, а также в основе современных севернонемецких диалектов. Средненижненемецкий, как мы увидим ниже, оказал в средние века значительное влияние на скандинавские языки.

земли были распаханы и заселены с юга, однако разница в языке между этими новыми поселенцами и их северными соседями в Ютландии была настолько резко выражена, что не могла сгладиться. Уже в IX в. готы столкнулись с необходимостью построить на северном краю дремучего леса крепостной вал Даневирке для защиты от немцев.

Однако кажется маловероятным, чтобы одним только переселением южноютовских племен можно было полностью объяснить возникновение резкой языковой границы между скандинавскими и западногерманскими языками. Большее значение имели оживленные связи, существовавшие между южной Ютландией и различными частями скандинавского севера, особенно Упландом и близлежащими областями. В «период викингов» между Бирка⁹ и Хедебю* проходил оживленный торговый путь. В южной части Ютландии в X в. находилось королевство, основанное шведскими викингами (см. стр. 87). Можно констатировать замечательные совпадения в диалектах от долины оз. Меларена вдоль шведского восточного побережья до южнодатских островов и южной Ютландии**. Постоянные набеги викингов и их поселения укрепляли скандинавский элемент как раз в этой пограничной области, подвергавшейся угрозе с юга. Языковые нововведения, центр которых находился севернее, укреплялись благодаря этому и здесь, и языковое развитие Ютландского полуострова окончательно определилось в чисто скандинавском направлении.

Ряд общих черт, сближающих скандинавские языки с восточногерманскими, восходит к тому времени, когда готы и другие восточногерманские племена жили еще в Скандинавии. Важнейшие из этих черт следующие:

1. Сочетания *-jɪ-* и *-ww-* превратились в *-ggj-* (гот. *-ddj-*) и *-ggw-*. Например, прагерм. **twai-īb* (род. п. от **twai* «два», др.-исл. *tveir*): др.-в.-нем. *zweiiō*, гот. *twaddie*, др.-исл. *tveggia*, др.-швед. *twæggia*; прагерм. **aða* «яйцо»: нем. *Ei*, крымско-гот. *adda*, др.-исл. *egg*, др.-швед. *ægg*.

* По сообщению автора английской хроники Этельвеарда (около 975 г.), саксы называли этот город Слесвиг (Шлезвиг), а даны — Хедебю. Таким образом, здесь налицо двойное имя, так же как у вышеупомянутого пограничного леса *Tarnwith* — *Isarnhō*.

** См. В. Hesselmann, *Ordgeografi och språkhistoria*, 1936, стр. 127 и сл.

(англ. **egg** заимствовано из скандинавского); прагерм. ***haqqan** «рубить»: нем. **hauen**, гот. **haggwan**, др.-исл. **hoggva**, др.-швед. **hugga**; прагерм. ***treucci-** «верный»: нем. **treu**, гот. **triggws**, др.-исл. **tryggr**, др.-швед. **trygger**. Тот же переход наблюдается в др.-исл. **dogg** «роса», швед. **dagg** (нем. **Tau**); др.-исл. **skuggi** «тень», швед. **skugga** (нем. **schauen** «смотреть»); швед. **uggla** «сова» (нем. **Eule**)¹⁰.

2. 2-е л. ед. ч. прошедшего времени оканчивается на **-t:** гот. **gaft** «ты дал», **namt** «ты взял», др.-исл. **gaft**, **namt** (в противоположность, например, др.-в.-нем. **gäbi**, **nämi**).

Наибольшее сходство с готским обнаруживают восточноскандинавские языки — датский и шведский. Готский, так же как и древнешведский, имеет долгое **o** в открытом слоге там, где исландский подобно западногерманским языкам имеет долгое **u:** гот. **bauan** «жить» (читается **bōan**), др.-швед. **bōa**, др.-исл. **búa**, др.-в.-нем. **būap**. В готском отсутствует так называемый «а-умлаут»¹¹, который в восточной Скандинавии встречается реже, чем в западной: причастие прошедшего времени гот. **buðans** «предложенный», др.-швед. **buþin** — др.-исл. **boðinn**, нем. **geboten**.

С другой стороны, скандинавские языки обладают рядом общих черт с западногерманскими языками. Сюда относятся:

1. Переход прагерм. **ē>ā**: гот. **jēr** «год» — др.-исл., др.-швед. **ār**, нем. **Jahr**; гот. **lētan** «допускать, позволять» — др.-исл., др.-швед. **lāta**, др.-в.-нем. **läzzan**, нем. **lassen**.

2. Переход прагерм. **z>r**: гот. **maiza** «больше» — др.-исл. **meir**, др.-швед. **mēr**, нем. **mehr**, англ. **more**.

3. Появление местоимения «этот» — швед. **denne** (**detta**, **dessa**), нем. **dieser**, англ. **this***.

Прагерманский — и, следовательно, вся германская семья языков — характеризуется прежде всего следующими языковыми изменениями:

- 1) германским перебоем согласных,
- 2) передвижением ударения на первый слог слова,
- 3) образованием слабого склонения прилагательных,
- 4) образованием слабого спряжения глаголов.

* Подробнее о германских языках см. T. E. Karsten, Die Germanen, 1928; A. Meillet, Caractères généraux des langues germaniques, 1917.

1. Так называемый *перебой согласных* изменил различным образом все индоевропейские взрывные звуки: **bh**, **dh**, **gh** > **þ**, **ð**, **g** (**b-**, **d-**, **g-**), т. е. звонкие приыхательные стали звонкими щелевыми (в начале слова они превратились затем в звонкие взрывные); **p**, **t**, **k** > **f**, **þ**, **h**, т. е. глухие взрывные стали глухими щелевыми; **b**, **d**, **g** > **p**, **t**, **k**, т. е. звонкие взрывные стали глухими взрывными.

Примеры:

скр. **bharati** «он несет», гр. φέρω, лат. **fero** — гот. **bairan** (читается **beran**), др.-исл. **bera**;

скр. **pād** «нога», гр. ποῦς, ποδός, лат. **pes**, **pedis** — гот. **fots**, др.-исл. **fótr**, нем. **Fuss**, англ. **foot**;

скр. **daça** «десять», гр. δέκα, лат. **decem** — гот. **taihun** (читается **tehun**), др.-исл. **tiu**, нем. **zehn**, англ. **ten**.

Перебоем не затронуто лишь сравнительно небольшое число слов, и поэтому он служит критерием для выделения германских языков. Слово какого-либо германского языка, содержащее согласные, не подвергшиеся перебою, должно рассматриваться как заимствование.

2. Индоевропейское словесное ударение было, повидимому, преимущественно музикального характера и заключалось в чередовании высоких и низких тонов. В германском прайзыке оно заменилось экспираторным ударением. Далее, индоевропейское словесное ударение было подвижным: оно могло падать на коренной слог слова, на словообразовательный суффикс или на флексию, а в некоторых словах могло и изменять место в различных формах при склонении и спряжении. Это первоначальное положение сохранилось в санскрите и греческом языке.

Примеры:

скр. **pítá** «отец» (вин. п. **pítáram**, дат. п. **pítré**, зват. п. **pítar**), гр. πατέρ (вин. п. πατέρα, род п. πατέρος, зват. п. πάτερ);

скр. **pād** «нога» (вин. п. **pádám**, род. п. **pačás**), гр. ποῦς (вин. п. πόδα, род. п. ποδός);

скр. **vēda** «я видел» (мн. ч. **vidmá**), др.-исл. **veit** «знаю» (**vitum**);

скр. **bu-bōdha** «я понял» (мн. ч. **bu-budhimá**), др.-исл. **baib** «предложил» (**biðum**).

В латинском же языке, как и в германских языках, ударение передвинулось к началу слова ¹².

В германских языках передвижение ударения произошло, как показал датский языковед Карл Вернер, после второго этапа перебоя, т. е. после того как **r**, **t**, **k** превратились в **f**, **þ**, **h**. Еще до передвижения ударения глухие щелевые прагерм. **f**, **þ**, **h** и **s** превратились в соответствующие звонкие **þ**, **ð**, **g** и **z** в тех случаях, когда предшествующий им сонант не нес на себе основного тона («закон Вернера»).

Ср., например, с одной стороны, скр. **pítā** (вин. п. **pítáram**) «отец», гр. πατέρ — гот. **fadar**; с другой — скр. **bhráttā** (вин. п. **bhráttaram**) «брать», гр. φράτωρ — гот. **þrófar**.

Окончание именительного падежа **-s** (например, лат. **servus** «слуга», **civis** «гражданин», **fructus** «плод») по закону Вернера превратилось в германском прайзыке в **-z**, откуда в др.-рунич. **-r**, др.-исл., др.-швед. **-r**, например, лат. **ventus** «ветер» — др.-исл. **vindr**, лат. **hostis** «враг» — др.-рунич. **-gastir** «гость», др.-исл. **gestr**.

Сюда же относится чередование согласных в прошедшем времени сильных глаголов (индоевропейский перфект): др.-исл. **vas** «был», мн. ч. **várum**; **fann** «нашел», мн. ч. **fundum** из прасев. ***fanþ**, мн. ч. ***funðum** (ср. приведенные выше скр. **véda** — **vidmá**).

Передвижение ударения на начальный слог постепенно вызывало серьезные изменения в формах слов: гласные слогов со слабым ударением сократились или совершенно исчезли (редукция или синкопа гласных). Эти изменения в окончаниях начались еще в германском прайзыке, но в основном относятся к истории отдельных германских языков. Общие правила при редукции следующие: 1) в положении абсолютного исхода гласный ослабляется легче, чем в тех случаях, когда за ним следует согласный; 2) открытый гласный **a** редуцируется раньше, чем закрытые **i**, **u**; 3) после долгого слога гласный ослабляется скорее, чем после краткого.

В готском языке **a** отпало во всех окончаниях, **i** — после долгого слога; **u** сохранилось: гот. **stains** «камень» (др.-рунич. **-stainar**), **gasts** «гость» (др.-рунич. **-gastir**), **handus** «рука», **sunus** «сын». В древних западногерманских языках **a** отпало во всех окончаниях, **i** и **u** — только после долгого слога (др.-в.-нем. **stein** «камень», **gast** «гость»,

hant «рука», но **wini** «друг», **sunu** «сын», **fridu** «мир», **situ** «обычай»; др.-англ. **stān**, **giest**, **hand**, но **wine**, **sunu**).

В скандинавских языках редукция зашла несколько дальше. Синкопа краткого гласного происходит во всех случаях, хотя после долгого слога раньше, чем после краткого. Раньше всего подверглось выпадению **а**, затем **и**, еще позже **у***.

Передвижение ударения к началу слова является, видимо, предпосылкой аллитерации, характерной для германской поэзии. Древнейший пример аллитерации встречается в изложенном у Тацита сказании, из которого видно, что германцы в своих старых песнях выводили свое происхождение от Мана; они приписывали ему трех сыновей, по именам которых были названы основные германские племена: ингвеоны, иствеоны и (г)ермионы¹³.

3. Прилагательные первоначально склонялись так же, как существительные. В формальном отношении существительное и прилагательное ничем не отличались друг от друга, составляя единую категорию имени¹⁴. Один и тот же корень мог употребляться и как существительное и как прилагательное. Например, др.-исл. **sárr** «раненый» и **sár** «рана»; гор. **weihs** «святой» и др.-исл. **vé** «святилище»; др.-исл. **hárr** «высокий», др.-швед. **högher**, швед. **hög** и др.-исл. **haugr** «холм, курган»; др.-швед. **högher**, др.-исл. **holr** «полый, пустой» и **hol** «дыра»; швед. **Ijus** — «светлый» и «свет», **djur** — «глубокий» и «глубина» и др. В тех случаях, когда склонение прилагательных в германских языках отличается отдельными формами от склонения существительных, это объясняется влиянием склонения местоимений.

Первоначально прилагательное выражало одной и той же формой как «определенное», так и «неопределенное значение»: лат. **bonus vir** — «один хороший человек» и «этот хороший человек». В германских языках для выражения «определенного значения» выработалась особая форма, так называемая слабая форма прилагательного. Она образуется от сильной формы при помощи суффикса **-n**:

* О синкопе в скандинавских языках см. стр. 46 и Е. Wessén, Svensk språkhistoria, § 1.

др.-исл. *góði* «добрый» (косвенные падежи *góða*), ж. р. *góða* (косв. п. *góðu*), ср. р. *góða* (косв. п. *góða*). Ср. *hani* (м. р.) «петух», *gata* (ж. р.) «улица», *hiarta* (ср. р.) «сердце»; нем. *der gute Mann* «хороший человек», р. п. *des guten Mannes* и т. д. Ср. *der Bote* «посланник», *des Boten* и т. д.¹⁵.

Таким образом, слабое склонение прилагательных совпадает со склонением существительных основ на *-n*.

В греческом и латинском языках также возможно образование обозначений лиц от корней прилагательных посредством суффикса *-n*. Особенно часто это бывает в именах, образовавшихся из прозвищ: гр. Στράζων от прилагательного δεράζος «косоглазый», лат. *Rufo* от *rufus* «красный». Аналогичные случаи субстантивации наблюдаются и в германских языках: гот. *weiha* «жрец» (род. п. *weihins*) от *weihs* «святой».

Было высказано предположение, что эта функция суффикса *-n* служила исходной точкой для развития слабого склонения прилагательных и что в германском языке были широко распространены подобные образованные от прилагательных существительные, которые могли играть роль приложения, определяя другие существительные. Следовательно, *Sigurðr ungi* «Сигурд молодой» означало собственно «Сигурд юноша».

Этот способ выражения стал настолько продуктивным, что превратился в постоянную составную часть парадигмы. Употребление обычной «сильной» формы прилагательного все более ограничивалось случаями, когда выражалось «неопределенное значение»: *sunr góðr* «(один) хороший сын». Одновременно форма, расширенная суффиксом *-n*, превращалась в прилагательное, выражавшее «определенное значение»: *sunr góði* — первоначально «сын добряк», затем «(этот) добрый сын».

Наконец, при возникшем таким образом слабом прилагательном стали употреблять указательное местоимение. Это местоимение превратилось в носителя определенного значения, положив начало «свободностоящему артиклю»¹⁶ при прилагательных.

Примеры: др.-исл. *inn góði konungr* «славный конунг», др.-швед. *þæn geþe konungrin*.

4. В германских языках мы находим два различных способа образования прошедшего времени

(претерита): путем изменения коренного гласного по абрауту¹⁷ (швед. *giva* «давать», прош. вр. *gav*; *fara* «ехать», прош. вр. *for*) и при помощи окончания, составной частью которого является дентальный согласный (швед. *ställa* «ставить», прош. вр. *ställde*). Со временем Якова Гримма глаголы, изменяющиеся по абрауту (а также и первоначально редуплицирующие глаголы)¹⁸, называются сильными, а остальные — слабыми. Претерит, образуемый изменением по абрауту, непосредственно восходит к индоевропейскому перфекту как по форме корня, так и по окончаниям; претерит с дентальным суффиксом — германское новообразование.

Для образования основ этого претерита и соответственно причастия прошедшего времени в германском пражыке к глагольному корню прибавлялось **-ð-**. Прагерм. **ð** по правилам перебоя могло возникнуть или из индоевр. **dh**, или из **t** (по закону Вернера).

В причастии мы несомненно имеем дело с индоевропейским суффиксом **-to**: лат. *amā-tu-s* «любимый», *doc-tu-s* «ученый», *audi-tu-s* «услышанный». Таким образом, прагерманское причастие ***kallð-ða-** «позванный» имеет суффикс **-to->-ða-**, присоединяемый к основе ***kallð-**, точно соответствующей латинскому первому спряжению на **-a**¹⁹: *amā-*. Так же образованы, но без «соединительного гласного»: от глагола лат. *video* «я вижу» причастие *vīsus* «увиденный» (из индоевр. ***vīd-to-**), прагерм. ***vīsa-**, др.-исл. *víss* «мудрый» (нем. *weise*).

Казалось естественным попытаться объяснить отсюда же и происхождение германского слабого претерита. Действительно, многие ученые толковали слабую форму претерита как содержащую индоевропейский суффикс **-t-**. Однако доказать это положение не удалось, и, вероятно, здесь нужно искать иное объяснение.

Большая часть слабых глаголов является производными, вторичными. Часть из них — так называемые побудительные глаголы (каузативы), образованные от сильных глаголов: швед. *bränna* «жечь», прош. вр. *brände* (ср. *brinna* «гореть» — прош. вр. *brann*); *lägga* «класть», *läde* (ср. *ligga* «лежать» — *låg*); *föra* «вести», *förde* (ср. *fara* «ехать» — *for*); *leda* «вести», *ledde* (ср. *lida* «проходить» [говорится о времени] — *led*) и т. д. Другая

часть слабых глаголов — отыменные образования, производные от существительных и прилагательных²⁰: швед. *döma* «судить» (от *dom* «суд»), *välja* «выбирать» (от *val* «выбор»), *fylla* «наполнять» (от *full* «полный»), *glädja* «радовать» (от *glad* «веселый») и т. д. Подобные производные глаголы первоначально могли образовывать при помощи флексии только настоящее время; формы же прошедшего времени приходилось образовывать посредством описания с вспомогательным глаголом. Подобное описательное (перифрастическое) образование времен очень распространено в различных языках. Примером может служить французское будущее время: *j'aimerai* «я буду любить» от *j'aimer ai* «я имею любить» (из лат. *amare habeo*). Первоначальный períфраз слился в сложное слово, которое затем перестало осознаваться как сложное. Лат. *amabo* (буд. вр.) и *amabam* (имперфект) представляют собой сложные образования, включающие формы глагола «становиться» (лат. *fui* «стал, был»). Перфект от скр. *sādayati* «он сажает» (каузатив) — *sādayam cakāra* — буквально «он сделал сажание».

Какой же вспомогательный глагол входит в германский слабый претерит? Западногерманские языки до сих пор сохранили один глагол с значением «делать» (нем. *tun*, англ. *do*), исчезнувший, однако, в готском и скандинавских языках уже в дописьменный период. Он употребляется для образования описательных временных форм: нем. *wir taten ihn lieben* «мы любили его», англ. *he did not come* «он не пришел». Претерит этого глагола можно видеть в др.-в.-нем. *teta* (мн. ч. *tātum*), др.-сацс. *deda* (мн. ч. *dācūn, dēdūn*). Полагают, что эти формы нетрудно распознать в спряжении готского претерита: 1 л. ед. ч. *salboda* «я мазал», мн. ч. *salbodedum*.

Аналогично в прасеверном языке можно предположить формы 1 л. ед. ч. **kallō-ðēðō* > **kallōðō* «звал», от которого произошло др.-исл. *kallaða*, 1 л. мн. ч. **kallo-ðēðum* (гот. **kalloðedum*) > *kalloðum* и, далее, др.-исл. *kallidum*. Таким образом, прагерм. **kallō-, *vali-, *domi-, *habē-* (основы глаголов «звать», «выбирать», «осуждать», «иметь») представляют собой первые элементы сложных слов, вторым элементом которых был вспомогательный глагол, не несший на себе ударения. По мере слияния составных

частей сложного слова в единое целое второй член утрачивал свое значение вспомогательного глагола и превращался во флексию.

Что касается частностей в этом процессе образования германского дентального претерита, то выяснение их связано с рядом трудных проблем, разрешаемых различными учеными различно.

Индоевропейский язык, с которым мы знакомимся, сравнивая между собою различные древние индоевропейские языки, отличался ярко выраженным флексивным характером. Грамматические отношения в предложении обозначались здесь с помощью различных окончаний. Таким способом у имен образовывались формы чисел и падежей, у глаголов — чисел и лиц. Окончания могли присоединяться или непосредственно к корню слова, или к основе, образованной от корня с помощью словообразовательного суффикса. Падежные окончания у различных основ были не всегда одинаковы * и еще больше отделились друг от друга в результате слияния с основообразующими гласными. Таким путем возникли отдельные типы склонения, различавшиеся в зависимости от основы и рода данного существительного: склонение односложных (коренных) основ, основ на **-o** (в германских языках на **-a**), основ на **-ā** (в германских языках на **-ō**), основ на **-i**, **-u**, **-p**, **-t** и др. При этом в древних германских языках дробность основ, пожалуй, была больше, чем в ряде других индоевропейских языков (в латинском, например, насчитывается только пять склонений).

Имена имели три числа: единственное, множественное и двойственное, и восемь падежей: именительный, винительный, родительный, дательный, зватательный, отложительный, местный и творительный. Лучше всего эта система склонения сохранилась в санскрите. Греческий и латинский

* Ср., например, лат. род. п. ед. ч. **reg-is** «царя», **servī** (<*ser-
vo-i) «слуги», **mensæ** (<*mēnsa-i) «стола» и дат. п. мн. ч. **reg-ibus**,
servis, **mensis**. См. в особенности именительный падеж единственного числа, который в одних основах оканчивается на **-s** (архаич. **reg-s** «царь», **segvo-s** «слуга», **civis** «гражданин», **fructis** «плод», **die-s** «день»), а в других не имеет этого окончания (**mensa** «стол», **pater** «отец», **homo** «человек»). В частности, существительные среднего рода никогда не имеют окончания **-s** (**ver** «весна», архаич. **bel-
lo-m** «война», **mare** «море», **corgni** «рог»).

языки имеют шесть падежей или, если не считать звательного (который в большинстве случаев совпадал с именительным), только пять. В древних германских языках мы, как правило, находим четыре падежа. Остатки творительного падежа сохранились в древнеанглийском и древневерхненемецком языках; в общем, он совпал с дательным или заменен им. Орудийная функция форм дательного падежа (соответствующая функции творительного) ясно видна в древних скандинавских языках: *kasta steini* «бросить камнем», *ríða hesti* «ехать конем» (т. е. на коне) и т. п. Две падежные формы, имевшие пространственное значение, — местный падеж (локатив), обозначавший пребывание на месте, и отложительный (аблатив), обозначавший движение от предмета или происхождение, — употреблялись первоначально в ограниченном числе случаев; в германских языках они растворились в дательном падеже или заменились предложными оборотами²¹. По мере того как происходило разрушение падежного склонения, возрастило число предлогов, расширялась сфера их употребления, устанавливался твердый порядок слов. Двойственное число в исландском языке сохранилось только у личных местоимений: *vít* «мы оба», *it* (*þít*) «вы оба».

Вопрос, каким путем образовались флексии, окончательно еще не разрешен. Вероятно, это были вначале словечки или частицы, энклитически примыкающие к основе и сливающиеся с нею. Некоторые из них, возможно, были послелогами (т. е. словечками, которые лучше всего можно сравнить с нашими предлогами, хотя они и ставились после существительного); другие, видимо, были менее важными частицами и имели указательное или усиливающее значение. В некоторых случаях в систему склонения входила чистая основа без какого-либо окончания, указывавшего на падеж или число:ср. именительный падеж единственного числа от ряда слов, например, лат. *pater* «отец», *nomen* «имя», *terra* «земля», *mare* (из **magi*) «море», *cogni* «рог»; именительный и винительный падежи множественного числа от основ среднего рода на *-o*, например, лат. *verba* «слова»; звательный падеж единственного числа от основ на *-o*, например, *serve* «слуга».

Категория грамматического рода, так же как и склонение, унаследована от индоевропейского

праязыка. Группировка существительных по трем родам — мужскому, женскому и среднему — полностью проведена уже в наиболее архаичных известных нам текстах индоевропейских языков: в песнях Веды и поэмах Гомера. Грамматический род по существу представляет собой средство морфологического согласования. Это проявляется прежде всего в том, что прилагательные и местоимения принимают различные формы в зависимости от рода существительного, с которым они синтаксически связаны. Кроме того, родовые различия проявляются и в склонении самого существительного: в некоторых случаях существительные, образующие одинаковым образом свои основы, но относящиеся к разным родам, имеют различные падежные формы.

Индоевропейский род — очень сложное по своей природе явление. Он восходит, повидимому, к классификации предметов, подобной той, которая известна нам из ряда экзотических языков. Древнейшей индоевропейской дифференциацией по роду является, несомненно, различение одушевленного и неодушевленного, т. е. живого, активного, и мертвого, пассивного. Средний род — это прежде всего неодушевленное, — это обозначение различных предметов²². Формально слова среднего рода во многих отношениях отличаются от слов мужского-женского рода. Во многих группах основ именительный и винительный падежи слов среднего рода выражаются чистой основой, тогда как существительные мужского и женского рода принимают окончания соответствующего падежа. Примеры:

лат. **mons** (<*mont-s), м. р., «гора», **vox** (<*vok-s), ж. р., «голос» — **cor** (<*cord), сп. р., «сердце», **ver**, сп. р., «весна»; **homo**, м. р., «человек», вин. п. **hominem** — **homen**, сп. р., «имя», вин. п. так же;

ignis, м. р., «огонь», вин. п. **ignem** — **mare** (<*mari), сп. р., «море», вин. п. так же;

fructus, м. р., «плод», вин. п. **fructum** — **cornu**, сп. р., «рог», вин. п. так же.

Неодушевленные предметы редко выступают в роли подлежащего в предложении. Поэтому первоначально для существительных среднего рода не было надобности в особой форме именительного падежа. В тех случаях, когда

это требовалось, в функции именительного падежа употреблялась форма винительного. Примеры:

лат. **servus**, м. р., «слуга», **fagus**, ж. р., «бук»; вин. п. **servum**, **fagum**—**verbum**, ср. р., «слово», вин. п.=им. п.

Ср. также местоимения: лат. **quis** «кто», вин. п. **quem**—**quid** «что», вин. п.=им. п.; др.-швед. **hva(r)** «кто», вин. п. **hvan**—**hvat** «что», вин. п.=им. п.; лат. **is**, **ea** «этот, эта», вин. п. **eum**, **eam** — **id** «это», вин. п.=им. п.; др.-исл. **sá**, **sí** «этот, эта», вин. п. **fann**, **fana**—**fat** «это», вин. п.=им. п.

Разделение одушевленного рода на мужской и женский относится к более позднему времени. Различия в склонении слов мужского и женского рода в исландском языке являются вторичными: ср. **gestr**, м. р., «гость» и **nauðr**, ж. р., «нужда»; **fótr**, м. р., «нога» и **kýr**, ж. р., «корова». То же наблюдается и в латинском языке. Здесь в первом склонении мы также находим слова как мужского, так и женского рода: **terra**, ж. р., «земля», **nauta**, м. р., «моряк»; так же и во втором склонении: **servus**, м. р., «слуга», **fagus**, ж. р., «бук». Древние германские языки представляют в соответствующих основах уже более позднюю ступень: все основы на **-ō** в германских языках — женского рода, все основы на **-a** — мужского (или среднего).

Между тем, среди индоевропейских основ на **-a** имелся ряд слов, обозначавших существа женского пола; сюда относится, например, слово ***genā** «женщина» (гр. γυνή). Они составили одну семантическую группу. Суффикс **-ā** стали употреблять затем для образования существительных женского рода от других слов, например, лат. **equa** «кофыла» (от **equus** «конь»). Такую же функцию выполнял и суффикс **-ī**, например, др.-исл. **merr** «кофыла» (от **marr** «конь»), **gyltr** «свинья» (от **goltr** «боров»), **mær** «дева» (от **mogr** «сын»). Важнейшее значение приобрело образование особой формы женского рода на **-ā** или **-ī** для личного местоимения 3 лица: лат. **is** «этот» — **ea** «эта», гот. **is** «он» — **si** «она» (нем. **er** — **sie**). Прилагательное в атрибутивной функции также получило особую примету для женского рода: лат. **bona equa** «хорошая кофыла».

В дальнейшем это развитие продолжалось. Слова на **-ā**, не обозначавшие существа женского пола, также оказались втянутыми в группу существительных женского

рода, и определяющие их слова (местоимения, прилагательные) получали соответствующее оформление. Это означало возникновение женского рода как грамматической категории. Таким образом, небольшая группа слов, обозначавших существа определенного пола и оформленных определенным суффиксом, оказала унифицирующее воздействие на все другие слова с тем же суффиксом в том отношении, что они получили тот же род.

Итак, мы видим, что при возникновении категории рода имело место взаимодействие значения и формы слов, семантических и морфологических ассоциаций. То же происходило и в процессе дальнейшего развития категории рода. Одни слова примыкали к группе слов женского рода из-за своего значения, другие — из-за формы. Многое в этом процессе остается для нас неизвестным, так как разбивка существительных на три группы в зависимости от рода была полностью проведена еще до распадения праязыка на диалекты.

Так, довольно трудно объяснить тот своеобразный факт, что множество слов, обозначающих предметы и абстрактные понятия, относились в древних индоевропейских языках к мужскому и женскому роду, а не к среднему, как можно было бы ожидать. Ясно, что объяснение этому факту мы должны искать в более примитивном, анимистическом мировосприятии, видевшем повсюду в природе действующие силы, сходные с живыми существами. Слова, обозначающие солнце, луну, звезды, — мужского или женского рода, так же как небо — мужского, а земля — женского рода (*terra Mater* «мать сыра-земля»). Названия деревьев, как растущих и приносящих плоды, также относятся к группе одушевленных и, как правило, женского рода, притом не только оканчивающиеся на **-a** (например, лат. *tilia* «липа», *betula* «береза» и др.), но и с другими окончаниями, например, лат. *fagus* «бук», *quercus* «дуб», *alnus* «ольха», *populus* «тополь». В исландском языке названия деревьев также частью женского (*eik* «дуб», *bók* «бук», *biórk* «береза» и др.), частью — мужского рода (*askr* «ясень», *almr* «вяз», *reynir* «рябина», *einir* «можжевельник» и др.). Напротив, слова, обозначающие плоды, везде среднего рода: лат. *pírum* «груша» от *pirus* «грушевое дерево», *oleum* (*olívum*) «олива» от *olea* (*olíva*)

«оливковое дерево» и др., швед. *äpp'ē* «яблоко», *ållon* «желудь». Из частей тела активные и подвижные — мужского или, женского рода, например, швед. *hand* «рука» (кисть руки), *arm* «рука» (выше кисти), *fot* «нога»; пассивные и внутренние части — среднего рода, например, швед. *blod* «кровь», *ben* «кость». Названия веществ относятся обычно к именам среднего рода, например, швед. *vatten* «вода», гр. ὕδωρ; исключение представляют слова, обозначающие нечто подвижное, активное, например, «река» — лат. *amnis*, нем. *Fluss* — оба мужского рода; «огонь» — лат. *ignis*, др.-исл. *eldr* — также мужского рода. Среди абстрактных существительных слово, обозначающее сон, — мужского рода: гр. ὥπνος, лат. *somnus*, др.-исл. *svefn*, очевидно, потому, что сон — сила, покоряющая человека. Другие абстрактные существительные — также или мужского или женского рода, но причины этого не ясны. Многие предметные существительные были первоначально абстрактными и сохраняют по традиции мужской или женский род.

Существительные среднего рода образуют множественное число на *ā*: лат. *bella* «войны», *maria* «моря», *cornua* «рога», *corda* «сердца», др.-исл. *þorn* «дети» (прасев. **barni* из более старого **barnō*). Первоначально эти формы имели собирательное значение и образовывались с помощью того же суффикса, что и женские основы на *-ā*. Так, лат. *opera* может быть как формой множественного числа от *opus* (ср. р.) «творение», так и формой единственного числа женского рода «труд». В индо-иранском и греческом языках множественное число среднего рода на *-ā* сочетается со сказуемым в единственном числе.

Сложные существительные и прилагательные в скандинавских языках в формальном отношении бывают двух типов: так называемые «истинные» сложные слова («*äkta sammansättningar*»), первый член которых имеет форму чистой основы, и «неистинные» сложные слова («*äkta sammansättningar*»), первый член которых имеет форму какого-либо падежа (если этот первый член — существительное, оно обычно имеет форму родительного падежа). Например, др.-исл. *land-þýi* «житель страны» — «истинное» сложное слово, но *land-þog* «законы страны», *landa-merki* «граница между землями» — «неистинные» сложные слова; *sól-hvarf* «поворот солнца», но *sólar-*

hiti «жар солнца». Оба эти типа существовали со времени индоевропейского праязыка. «Истинное» словосложение как тип несомненно является изначальным. Оно возникло, видимо, как словообразовательное средство еще до появления падежного склонения; например, гр. ἀκρό-πολις «акрополь» (от ἄκρος «наивысший» и πόλις «город»), гот. **weinagards** «виноградник», **gasti-gods** «гостеприимный», **fotubandi** «ножные оковы». «Неистинное» же сложное слово с первым членом в падежной форме представляет собой вначале словосочетание, элементы которого только со временем сливаются в единое целое, объединяемое и в отношении ударения. Оба способа образования сложных слов получили в дальнейшем широкое распространение благодаря образованиям по аналогии, выйдя далеко за свои первоначальные естественные пределы. Сохранение словосложения и развитие его как живого словообразовательного средства — характерная особенность германских языков, отличающая их в первую очередь от латыни и от языков, выросших на ее основе. Сложными словами является основная масса германских личных имен, а также значительная часть скандинавских географических названий*.

3. СКАНДИНАВСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Племенное название **данов** известно с начала VI в., когда его упоминают греческий историк Прокопий (**danoī**) и историк готов Иордан (**dani**). Древнеанглийская форма этого слова — **dene** (встречается в Беовульфе), древнеисландская и древнешведская — **danir**. Слово **Danmark** «Дания» (др.-исл. **Danmörk**) буквально означает «пограничная земля данов»; очевидно, так первоначально называлась древняя пограничная область на юге Дании. Согласно Иордану**, даны вышли из **Svitjod**, т. е. Швеции,

* О словосложении см. подробнее E. Wessén, Svensk språkhistoria, ч. II, стр. 50 и сл.

** «Suetidi, cogniti in hac gente reliquis corpore eminentiores: quamvis et Dani, ex ipsorum stirpe progressi, Herulos propriis sedibus expulerunt, qui inter omnes Scandiae nationes nomen sibi ob nimia proceritate affectant præciriunt» (Свен известны среди этого племени как превосходящие остальных размерами тела; хотя и даны, которые вышли из их племени и прогнали герулов с их мест жительства, также считают себя первыми по росту среди народов Скандинавии).

и изгнали герулов с мест их поселения. Герулы участвовали в переселении народов как на западе, в Галлии, так и на востоке, у Черного моря. Возможно, слово *erilar* (им. п. ед. ч.), которое встречается в ряде прасеверных рунических надписей*, представляет собой форму их имени.

Кимвры и тевтоны, которые после далеких походов и побед над римлянами были, наконец (в 101 и 102 гг. до н. э.), побеждены и уничтожены Марием, вышли с Ютландского полуострова (Кимврского полуострова, как его называли римляне). Мы встречаем их имя в географических названиях *Himmerland* (местность к юго-востоку от Лимфьорда, др.-дат. *Himbersysæl*) и Ту (местность к северо-западу от Лимфьорда, др.-дат. *Thiuth*, др.-исл. *fjóð* «народ»)**. Названия следующих германских племен также связаны с датской топонимикой: вандали (лат. *vandilii*, *vanda!i*), которые, вероятно, некогда вышли с северной оконечности Ютландии, *Vendsyssel* (др.-дат. *Vendel*), харуды (лат. *harudes*), по Цезарю — вспомогательные войска Ариовиста в 54 г. до н. э., родиной которых был *Harsyssel*, к югу от Лимфьорда (др.-дат. *Harth*, *Harthesyssæl*), и бургунды (лат. *burgundiones*), вышедшие с о. Борнхольма (др.-дат. *Burghændæholm*, др.-исл. *Borgundarholmr*).

Племенное название свеев впервые встречается у Тацита (лат. *suiones*)***. Более поздние формы этого имени следующие: у Иордана — *suehans*, у Адама Бременского (около 1070 г.) — *sueones*, др.-англ. *sweon*, др.-исл. *svíar*, др.-швед. *svear*. Этимология слова точно не установлена и служит предметом оживленных споров; по мнению А. Норена, оно представляет собой прилагательное в определенной форме со значением «свои», т. е. «мы сами, наш

* E. Wadstein, *Namnet Danmark*, 1918; E. Wessén, *De nordiska folkstammarna i Beowulf*, 1927.

** R. Münch, *Reallexikon d. germ. Altertumskunde*, т. III, 1915—16, стр. 42 и сл.; G. Schütte, *Our Forefathers*, т. II, 1931, стр. 299 и сл.; *«Acta Philologica Scandinavica»*, 6, 1931—32, стр. 91 и сл.

*** «*Suionum hinc civitates, ipso in Oceano, prætor viros armaque classibus valent*» (Затем [идут] племена свеев, на самом океане, они сильны не только людьми и оружием, но и флотом). *«Germania»*, гл. 44.

род, родичи»*. Это же племенное название входит и в состав двух сложных слов: 1) др.-исл. *Svíþjöð*, др.-швед. *Sveithiudh*, что означает собственно «народ свеев», в латинизированной форме *Svetia*, *Svecia*; 2) др.-исл. *Svíaríki*, др.-швед. *Svearike*, *Sverike*, *Sverighe* «государство свеев, Швеция», соврем. *Sverige*. Первое из этих слов встречается (в исландских сагах и шведских средневековых документах) лишь в ограниченном применении, обозначая Упланд. Прилагательное к названию свеев — совр. *svensk*, др.-исл. *svǣtskr* «шведский», как *dansk* — к названию данов.

О гётах говорят Прокопий (*gautoi*) и Иордан (*gauti*). Др.-англ. форма этого слова — *zeatas* (в Беовульфе), др.-исл. *gautar*, др.-швед. *götar*. Отсюда образованы исл. *Gautland* «страна гаутов, гётов» и др.-швед. *Västra (Østra) Götland* «Западная (восточная) земля гётов», соврем. *Västergötland* и *Östergötland* «Западный и Восточный Гётланд» (произносится Ётланд). Племенное название гётов входит также в швед. *Göta älv*, др.-исл. *Gau'elfr* (первоначальное название этой реки было просто *Älven*, т. е. «река», др.-исл. *Elfr*).

Этимологически родственно им племенное название готов: у Плиния — *gutones*, у Тацита — *gotones*, гот. *gutans*, до.-англ. *gotan*, др.-исл. *gotar* (род. п. *gotna*); соответствующее прилагательное — др.-исл. *gotneskr* «готский». Около 100 г. н.э. готовы жили возле устья Вислы, куда они пришли, по их собственному сказанию, изложенному Иорданом, с острова *Scandza*, т. е. из Скандинавии. С языковой точки зрения, с именем готов идентично племенное название гутов (швед. *gutar*), жителей о. Готланда (род. п. *gutna*, в сложном слове *Gutnaiþing*, т. е. *Gutna alþing* «общее народное собрание гутов»); соответствующее прилагательное — *gutniscr* «гутнийский». Имя готов-гутов входит в состав двух сложных слов: 1) гот. *Gutþiuda* «народ готов», как называли себя готовы, и 2) др.-гутн. *Gutland* — название острова, буквально «земля гутов», др.-швед. *Go'land*. Прагерм. **gautoz* «гёты» и **gu'orez* «готы, гуты» связаны между собой по ablautу; кроме того, первое

* Иное толкование дает E. Wadstein, *Sveriges namn* («Fornvännen», 1930, стр. 193 и сл.); см. также J. Sahlgren, *Sveavälrets uppkomst* («Namn och Bygd», 19, 1931, стр. 131 и сл.).

слово — сильного склонения (основа на **-а**), второе — слабого (основа на **-г**). Этимология этих имен точно не установлена; скорее всего — это названия действующих лиц (*nominus agentis*) от глагола *gjuta* «лить» (др.-исл. *gjóta*)*.

Название Норвегии — *Norge* — представляет собой дательный падеж от др.-норв. *Noregr* (более старое **Nordvegr*) «северный путь»²³. Так называли морской путь на север и земли, лежавшие вдоль него (ср. др.-исл. *austrvegr* «восточный путь» — земли вокруг Балтийского моря). Латинская форма слова — *Northvegia* (X в.), англ. — *Norway*, нем. — *Norwegen*. Обитателей страны шведы и датчане называли *nordmann* «северные люди»; ср. значение слова *austmaðr* «восточный человек», обозначавшее в Исландии норвежца, а в Норвегии — шведа, или значение слова *süfermaðr* «южный человек», которое в «Вестгётском праве» обозначает немца. Соответствующее прилагательное к словам «Норвегия» и «норвежец» — *norrønn*, более старое — **nordrønn* «северный, норвежский».

Как и естественно для страны, сильно раздробленной в силу своих природных условий, мы находим в Норвегии большое количество мелких племен. Таковы: т р ё н д ы (др.-норв. *þrøndr*, др.-англ. *þrowendas*) в Тронхейме (др.-норв. *þrondheimr*), х а л е й г и (др.-норв. *háleygir*) в Хельгеланне (др.-норв. *Háloga'and*), х о р д ы (др.-норв. *hørðar*) в Хордаланне (то же племенное название находим в дат. *Harsyssel*, см. выше), р ю г и (др.-норв. *rygir*) в Ругаланне (то же название, что и у восточнонемецкого племени *rugii*, упоминаемого Тацитом и давшего имя о. Рюген), р а у м ы в Ромерике (др.-норв. *Raumaríki*) и др. Часто употребляются и вторичные названия обитателей, вроде др.-норв. *sygnir* (жители Согне), *firðir* (жители Фирдира — *Firðlr*, теперь Фьордане), *egðir* (жители Агдира — *Agðir*), *vestfyldir* (жители Вестфолля — *Vest-fold*) и др.

Племенное название *fenni* у Тацита относится, по-видимому, к финнам (суоми). Наименование *skrithiphinoi* Прокопия, *screrefennæ* Иордана, *scritefini* Адама

* E. Wessén, Studier till Sveriges hedna mytologi och fornhistoria, 1924; O. Almgren, Hällristningar och kultbruk, 1927, стр. 283 и сл.

Бременского, др.-англ. *scridefinnas*, т. е. буквально «лыжные финны», относится к лопарям, названным так по их обычному способу передвижения на лыжах. Племенное название «финны» первоначально представляло собой имя нарицательное, название действующего лица, производное от глагола «находить» (швед. *finna*), со значением «находящий, искатель, бродящий». Очевидно, оседлые земледельцы называли так бродячих охотников и рыболовов, живших в лесах. Это название могло относиться к неоседлым племенам любого — как финского или лопарского, так и скандинавского (германского) — происхождения. О последнем свидетельствует элемент *Finn-* в различных географических названиях на территории Швеции, например, *Finnveden*, более старое *Finnheden**.

Название Скандинавия — ученое заимствование из латинского языка, где находим *Scandinavia* из более старого *Scadina^{via}* (Плиний). В этом слове отражена пра германская форма названия Сконе, др.-исл. *Skáney*. Второй член — слово «остров», др.-исл. *ey*, пра герм. *aujð. Первый член (пра герм. *skadīn-) обозначает, вероятно, «вред, опасность», др.-исл. *skadí*; в этом случае здесь имеются в виду опасные рифы у мыса Сканёр **. Краткая форма слова Скандинавия — *Scandia* (Плиний и др.), более старое — **Skaðnia*. Эта форма лежит в основе иордановского названия острова *Scandza*, откуда, по преданию, произошли готы.

4. ПРАСЕВЕРНЫЙ ЯЗЫК²⁴

Внутреннее родство скандинавских языков объясняется тем, что все они развились из общего праязыка — пра северного. На этом языке в первые столетия нашей эры говорили почти на всей территории распространения скандинавских языков.

Прасеверный язык известен нам по отдельным скандинавским именам и словам у греческих и римских авторов, по заимствованиям в финском и лопарском языках и прежде всего по некоторым руническим надписям, выполненным старым руническим алфавитом из 24 букв²⁵.

* O. v. Friesen, Två fornsmåländska bygdenamn, 1926.

** Таково толкование, предложенное О. фон Фризеном.

Заемствования из прасеверного языка в финском и лопарском относятся к первым столетиям нашей эры, а частично и к более раннему периоду, и сохранились в этих языках вплоть до наших дней в очень архаичной форме. Примеры:

kuningas «король» (швед. *konung*), **ruhtinas** «вождь, предводитель» (др.-исл. *dróttinn*), **ansas** «гребень крыши» (швед. *ås*), **rengas** «кольцо» (швед. *ring*);

valta « власть » (швед. *våld*), **kulfa** « золото » (швед. *guld*), **jukko** « иго » (швед. *ok*, нем. *Joch*), **lattia** « пол » (др.-исл. *flet*);

neula « игла » (швед. *nål*), **kansa** « общество » (др.-в.-нем. *hansa*), **airo** « весло » (др.-исл. *ár*, швед. *åra*);

kattio « источник » (швед. *källa*), **saipo** « мыло » (швед. *såpa*, нем. *Seife*);

hurskas « кроткий, благочестивый » (др.-исл. *horskr* « умный »), **sairas** « больной » (др.-исл. *sárr* « раненый »);

aūuas « счастливый » (др.-исл. *auðugr* « богатый »), **kaunis** « красивый » (нем. *schön*) *.

Язык прасеверных рунических надписей ** архаичнее языка современных им готских текстов и несомненно стоит ближе остальных германских языков к восстанавливаемому прагерманскому. Вполне бесспорное толкование при этом получила только часть надписей, которая и может служить источником наших сведений о прасеверном языке.

Однако и эти надписи по большей части чрезвычайно кратки, а поэтому грамматику и словарный запас прасеверного языка приходится в значительной мере восстанавливать на основе сравнения с более поздними скандинавскими и другими германскими языками.

Архаичная черта прасеверного языка заключается прежде всего в сохранении гласных конечных слогов: **dagar** « день » (гот. *dags*), **wulfar** « волк » (гот. *wulfs*), **horna** « рог » (гот. *haurn*, читается *horn*), **gastir** « гость » (гот. *gasts*).

* На германские и прасеверные заемствования в финском языке впервые указал датский языковед Вильгельм Томсен (ум. в 1927 г.); см. V. Thomsen, Den gotiske sproglæsses indflydelse på den finske, 1869.

** О рунах и прасеверных рунических надписях см. O. v. Friesen, Runorna i Sverige («Nordisk kultur», 6, 1933).

Здесь следует упомянуть еще о топонимике, которая служит важным источником наших знаний о языке прошлых эпох. Значительная часть топонимики, относящейся к природным элементам ландшафта, а также некоторые типы названий населенных пунктов несомненно существовали уже в прасеверном языке.

В период переселения народов, а частично уже и раньше, германцами было заимствовано некоторое количество культурных слов кельтского и латинского происхождения. Через посредство более южных германских языков эти слова проникли постепенно также в прасеверный, а из него перешли и в другие скандинавские языки. К этому слою заимствований относятся, например, современные шведские слова: *järn* «железо», *rik* «богатый» и *rike* «государство» (гот. *reiks* «король»), *läkare* «врач» (гот. *lekeis*, др.-исл., др.-швед. *lækir*), *vin* «вино», *kål* «капуста», *peppar* «перец», *köpa* «покупать», *kittel* «котел», *kalk* «известь», *kärra* «повозка», *mantel* «плащ», *mölna* «мельница» и др. О глубине латинского влияния свидетельствует то, что германцы заимствовали не только отдельные слова, но также и одно словообразовательное средство, а именно, суффикс, служащий для образования названий действующих лиц (лат. *-arius*, например, в *scolarius* «школьяр», — современное швед. *-are*, дат. и норв. *-er*). В старейших скандинавских памятниках (эддических песнях, областных законах) этот суффикс представлен еще слабо, но позднее, в средние века, он становится чрезвычайно продуктивным (в это время возникают швед. *domare* «судья», *fiskare* «рыбак», *mjölnare* «мельник», *hjälpare* «помощник», *dråpare* «убийца» и т. д.).

С VI в. в прасеверном языке происходит ряд важных изменений, постепенно преобразующих характер языка. Сюда относятся:

1. Редукция (ослабление) конечных слогов: краткие гласные окончаний отпадают («синкопа»), а долгие сокращаются. Например, **dagar* >*dagr* «день»*, **horna* >*horn* «рог», **gastir* >*gestr* «гость», **skeldur* >*skioldr* «щит», наст. вр. **bindir* >*bindr* «вяжешь», дат. п. **dagē* >*degl*

* Нижеследующие примеры при отсутствии специальной оговорки берутся из древнеисландского языка.

(от **dagr**), *hornē>horni (от **horn**), мн. ч. *dagðr >**dagar**, *gastir>**gestir**, *hornu>**horn**, *landu>**lond** «страны».

2. Умлаут различных типов, связанный с явлением редукции: *gasti^v >**gestr**, *landu>**lond**, *helpan (нем. **helfen**)>**hialpa** «помогать», *hertō (нем. **Herz**)>**hiarta** «сердце», *erfi (нем. **Erde**)>**iqrð** «земля»²⁶.

3. Исчезновение **j** и **w** в начале слова перед заднеязычными гласными: *jungar (нем. **jung**)>**ungr** «молодой», *jēra (нем. **Jahr**)>**ár** «год», *juka (нем. **Joch**)>**ok** «ярмо», *wulfar (нем. **Wolf**)>**ulfr** «волк», *wurða (нем. **Wort**)>**orð** «слово».

4. Отпадение конечного **-n**, в том числе и в инфинитиве: *geban (нем. **geber**)>**gefa** «давать», вин. п. *ohsan (нем. **Ochsen**)>**oxa** (от **oxe** «бык»).

5. Ряд ассимиляций согласных: *gulþa (нем. **Gold**)>**goll** «золото», *finfan (нем. **finden**)> **finna** «находитъ», *stainar >**stelnn** «камень», *stolar^v >**stóll** «стул», *lausar^v >**lauss** «несвязанный».

6. Упрощение спряжения глаголов в настоящем времени единственного числа: в прасеверном языке 2 л. ед. ч. *bindi^v «вяжешь», 3 л. ед. ч. bindiþ «вяжетъ»; в исландском 2 и 3 л. ед. ч. bindr (см. лат. **legis** «читаешь», **legit** «читаетъ»; др.-в.-нем. **gibis** «даешь», **gibt** «даетъ»).

7. Возникновение формы среднего (возвратного) залога на **-sk**, **-s**: **kallask** «называться» из **kalla-sik** «называть себя».

8. Появление определенного (суффигированного) артикля из постпозитивного указательного местоимения: **dagr-inn** «день» (см. нем. **der Tag**, англ. **the day**).

9. Возникновение новых местоимений: **hann** «он», **hon** «она» (ср. нем. **er**, **sie**, англ. **he**, **she**), швед. **någon** «кто-нибудь», **ingen** «никто».

Период с 600 до 1000 г. является переходным временем, в течение которого и происходят все эти, а также другие важные языковые изменения. От этого времени до нас дошло лишь незначительное количество рунических надписей: надписи старшим руническим алфавитом на камнях из Стентофта, Бьёркеторпа и Истабю в западной части Блекинге; надпись старшими рунами на эггьюмском камне (около 700 г.)²⁷ уже с древненорвежскими языковыми формами; надпись на рёкском камне (вероятно IX в.)²⁸

и другие надписи младшими²⁹, так называемыми шведско-норвежскими рунами, найденные в Швеции и Норвегии и относящиеся к IX и X вв.; наконец, рунические надписи IX в. и более поздние, найденные в Дании и исполненные другим типом младших рун, так называемыми датскими рунами.

В «период викингов» различия между скандинавскими языками были еще крайне незначительны, и скандинавы считали свой язык единым языком во всей Скандинавии. Они называли его *dónsk tunga*, т. е. «датский язык». Позднее, около 900 г., когда Исландия³⁰ была заселена главным образом выходцами из западной Норвегии, там постепенно развился особый язык, вначале, однако, очень мало отличавшийся от норвежского. Только в более поздний период средневековья, когда расхождения между языками углубились, в рунических надписях и в литературе, которая тогда возникает, можно обнаружить уже разные диалекты, легшие в основу современных литературных языков. Все же и в это время шведский и датский языки еще сохраняют относительную близость.

Рече всего в языковом отношении противостоят друг другу восток и запад, т. е. Дания и Швеция, с одной стороны, и Норвегия и Исландия — с другой. Поэтому в известной мере здесь можно говорить о восточноскандинавской линии развития, представленной шведским и датским языками, и о западноскандинавской, представленной норвежским и исландским, которые у скандинавов назывались *norrönt mál*, т. е. «северный язык». Важнейшие различия между восточноскандинавскими и западноскандинавскими языками заключаются в следующем:

1. В восточноскандинавских языках происходит смяжение старых дифтонгов: др.-исл., др.-норв. *steinn* «камень» — др.-швед., др.-дат. *stēn*; др.-исл., др.-норв. *auga* «глаз» — др.-швед. *øgha*, др.-дат. *øghe*; др.-исл., др.-норв. *lauss* «несвязанный» — др.-швед., др.-дат. *løs*; др.-исл. *eyrir*, др.-норв. *øyrir* (название монеты) — др.-швед., др.-дат. *øre*; др.-исл. *heyra*, др.-норв. *høyra* «слушать» — др.-швед. *höra*, др.-дат. *høre* *.

* См. Е. Wessén, Svensk språkhistoria, ч. I, § 10; его же, Våra folkmål, стр. 52.

2. В восточноскандинавских языках умлаут распространен в значительно меньшей степени, чем в западноскандинавских. Это объясняется отчасти тем, что на западе умлаут проходил более последовательно, чем на востоке, а отчасти многочисленными случаями устранения умлаута из парадигмы под влиянием аналогии.

Например, в настоящем времени изъявительного наклонения сильных глаголов мы имеем в единственном числе: др.-исл. *býðr* «предлагает», *kømr* «приходит», *tekr* «берет», *ræðr* «советует» — др.-швед., др.-дат. *biuþer*, *kømer*, *taker*, *raþer*; в прошедшем времени сослагательного наклонения: др.-исл. *væri* «был бы», *föri* «ехал бы» — др.-швед., др.-дат. *väre*, *före*; во множественном числе основ на -а среднего рода: др.-исл. *lǫnd* «страницы» — др.-швед., др.-дат. *land*; в единственном числе основ на -о женского рода: др.-исл. *sók* «вещь» — др.-швед. *sak**.

3. В восточноскандинавских языках больше распространено так называемое преломление (дифтонгизация ё): др.-исл., др.-норв. *ek* «я» — др.-швед., др.-дат. *iak*; др.-исл., др.-норв. *stela* «красть» — др.-швед. *stiæla*, др.-дат. *stiaele* **.

4. В восточноскандинавских языках существует особый тип преломления, а именно, дифтонгизация у в iu перед *ngw*, *nkw*, *ggw*: др.-исл. *syngva* «петь» — др.-швед. *siunga*, др.-дат. *siunge*; др.-исл. *lyng* «вереск» — др.-швед., др.-дат. *liung*; др.-исл. *søkkva* «опускать» — др.-швед. *siunka*, др.-дат. *siunke*; др.-исл. *lyggva* «ежеваться» — др.-швед. *tiugga*, др.-дат. *tiugge* ***.

5. Восточноскандинавские языки сохраняют v перед r, утрачиваемое западноскандинавскими: др.-исл. *reiðr* «гневный» — др.-швед. *vréðher*; др.-исл. *reka* «гнать» — др.-швед. *vræka*, др.-исл. *ríða* «поворачивать» — др.-швед. *viipa* ****.

6. Восточноскандинавские языки сохраняют во многих случаях группы согласных *mp*, *nt*, *nk*, подвергающиеся в западноскандинавских ассимиляции: др.-исл., др.-норв.

* См. E. Wessén, Svensk språkhistoria, § 2—4.

** Там же, § 5, п. 1.

*** Там же, § 5, п. 2.

**** Там же, § 13.

kroppinn «сморщеный» — др.-швед., др.-дат. **krumpin**, др.-исл., др.-норв. **ekkia** «вдова» — др.-швед., др.-дат. **ænkla**; др.-исл., др.-норв. **mottul** «плащ» — др.-швед. др.-дат. **mantul** *.

7. Дательный падеж множественного числа определенной формы существительных оканчивается в западноскандинавских языках на **-ипт**, в восточноскандинавских — на **-имп**: др.-исл., др.-норв. **fótipum** «ногам», **hondipum** «рукам» — др.-швед., др.-дат. **fotumin**, **handumin**.

8. Возвратные глагольные формы в западноскандинавских языках оканчиваются на **-sk**, в восточноскандинавских — на **-s**: др.-исл., др.-норв. **kallask** «называться» — др.-швед., др.-дат. **kallas**.

В ряде случаев, когда в западноскандинавских языках мы находим архаические формы, те же формы встречаются и в древнейших восточноскандинавских рунических надписях, а также во многих современных шведских диалектах.

Языковое развитие ютских говоров во многих случаях обнаруживает аналогию развитию западноскандинавских языков. Так, мы встречаем в этих говорах в отличие от восточноскандинавских: а-умлаут в таких случаях, как, например, **both** «весть» — швед. **bud**, дат. **Bud**; **kol** «выводок» — швед. **kull**, дат. **Kuld**; **brotet** «сломано» — швед. **brutet**, дат. **brudt**; палatalный умлаут в настоящем времени некоторых сильных глаголов, например, **slær** «бьет» — швед. **slår**, дат. **slaar**; **hælder** «держит» — швед. **hålier**, дат. **holder**; **kømmer** «приходит» — швед., дат. **kommer**; **hogger** «рубит» — швед., дат. **hugger**; формы без преломления, например, **æg** «я» — швед. **jag**, дат. **jeg**; **stælæ** «красть» — швед. **stjäla**, дат. **stjæle**.

* См. E. Wessén, Svensk språkhistoria, § 16; E. Wessén, Våra folkmål, стр. 53.

ИСЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

1. ДРЕВНЕИСЛАНДСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно до 1550 г.)

Исландский язык — несомненно важнейший из средневековых скандинавских языков. Во-первых, он самый архаичный из скандинавских литературных языков и поэтому дает чрезвычайно много для понимания их первоначального характера и последующего развития. В этом отношении исландский язык можно сравнить с латынью: он имеет такое же значение для понимания скандинавских языков, как латинский для понимания французского и других романских языков. Во-вторых, исландский язык является языком необычайно богатой литературы, стоящей на высоком художественном уровне³¹. По своей выразительности и пластичности стиля эта литература до недавнего времени не имела себе равных в Скандинавии. Стоит только сравнить какую-либо исландскую родовую сагу или Эдду Снорри с убогими шведскими средневековыми хрониками или со шведской прозаической литературой начала XIX в., чтобы убедиться в этом.

Исландия, как известно, была заселена в конце IX — начале X в., в так называемое «время заселения страны» (*«landnámatíð»*, 870—930 гг.). Колонисты по большей части были выходцами из западной Норвегии, и поэтому исландский язык наиболее близок к западнонорвежским диалектам.

Исландские рунические надписи очень малочисленны (их около 45) и мало интересны по языку. Древнейшие из них — это надпись начала XIII в. на церковной двери из Вальтъофстада и надпись конца XIII в. на надгробном камне из Хъярдархольта. Таким образом, исландские рунические надписи относятся к более позднему вре-

мени, чем древнейшие известные нам памятники, записанные по-древнеисландски латинским алфавитом и восходящие к концу XII в.

Латинское письмо пришло в Исландию в форме так называемого каролингского минускула, причем к буквам латинского алфавита были добавлены, частично по образцу англосаксонского алфавита, знаки ф, у, æ, а позднее еще ө и ø. В древнейших исландских рукописях конца XII в. и около 1200 г. нет буквы ð, и для передачи соответствующего звука употребляется исключительно ф; например, *tef* «с», *fafir* «отец» (позднее: *teð* и *faðir*).

В Норвегии с самого начала использовалась другая форма латинского письма — так называемый англосаксонский минускул. Здесь мы находим не только ф, у и æ, но и ð, а также некоторые другие специфические начертания, применявшиеся в англосаксонских рукописях и на норвежской почве постепенно вышедшие из употребления. Уже в древнейших дошедших до нас норвежских памятниках конца XII в. и около 1200 г. употребляются буквы ф и ð.

В начале XIII в. употребление ð распространилось и в Исландии.

В 1000 г. по решению альтинга в Исландии было введено христианство. Это открыло путь в Исландию средневековой христианской культуре. Исландские священники были уроженцами острова, но они часто учились за его пределами и возвращались на родину, обогатившись впечатлениями и знаниями, которые сыграли значительную роль.

Время, когда латинское письмо стало использоваться в Исландии для записей на родном языке, точно не известно. Ари Мудрый (*Ari fróði*) сообщает, что альтинг 1117 г. принял решение о записи законов, которое и было выполнено в следующую зиму. Таким образом, одна дата, указывающая на употребление латинского алфавита для записей на исландском языке, нам известна определенно. Возможно, что еще раньше было записано постановление 1096 г. об уплате церковной десятины, а также несколько гомилий (проповедей). Работы самого Ари, написанные после 1122 г., положили начало исторической литературе на исландском

языке. К середине XII в. относится дошедшее до нас в более позднем списке очень интересное произведение неизвестного автора о звуках исландского языка и их передаче на письме, так называемое «первое грамматическое сочинение». Автор обнаруживает поразительное знание родного языка, сравнивая слова с краткими и долгими гласными, носовыми и неносовыми гласными и т. д. Он предлагает реформу латинского алфавита с целью приспособить его для передачи исландских звуков. Между прочим, он предлагает добавить к 5 латинским гласным буквам *a, e, i, o, u* еще *y, ø, ę* и *ö*; образцом для первой (возможно, и для второй) буквы послужили знаки англосаксонского письма; две последние он изобрел сам. Автор предлагает далее обозначать долготу при помощи знака ударения; как известно, в исландском языке до наших дней таким образом отмечаются гласные, бывшие в древнем языке долгими.

Древнейшие дошедшие до нас исландские рукописи относятся к концу XII в. Самые древние из них — краткий отрывок из собрания гомилий и два отрывка из записи законов (так называемая «Grágás» — «Серый гусь»). К концу XII в. относятся «Рейкьяхольтская инвентарная опись» («Reykjaholts málðagi») и сочинение о церковном календаре («Rímþeygla»). Ко времени около 1200 г. относится так называемая Стокгольмская книга гомилий — важный языковый памятник, отличающийся значительными размерами и последовательной орфографией.

Временем расцвета исландской литературы был XII в. В этот период возникли большие родовые саги; тогда же Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson) создает «Heimskringla», или саги о норвежских королях, и так называемую прозаическую «Эдду», учебник для скальдов, при помощи которого Снорри пытается спасти и возродить старую скальдическую поэзию. Тогда же записываются и старые эддиеские песни. Все эти произведения дошли до нас в более поздних списках, часто значительно более поздних, чем их подлинники. Огромное количество рукописей погибло, так что мы располагаем теперь лишь незначительной частью того, что было написано на древнеисландском языке. Большая часть средневековых исландских рукописей находится в настоящее время в Дании и Швеции.

Важнейшие собрания исландских рукописей:

1. Так называемое арнамагнеанское собрание в университетской библиотеке в Копенгагене. Создателем его был исландец Арни Магнуссон (*Árni Magnússon*, ум. в 1730 г.), завещавший его университетской библиотеке. Это наиболее полное и ценное собрание, превосходящее все остальные, вместе взятые.

2. Не очень большое, но чрезвычайно ценное собрание в королевской библиотеке в Копенгагене. Когда в XVII в. в Дании и Швеции пробудился интерес к скандинавской старине, исландцам было предложено передавать старые рукописи в королевскую библиотеку. Особенно ценна рукопись, содержащая песни Эдды (так называемая старшая или поэтическая Эдда) — дар скальхольтского епископа Брюньольфа Свейнссона (*Brynjólfur Sveinsson*). Часть королевского собрания ранее принадлежала исландцу Тормоду Торфэусу (*Thormodur Thorfæus*).

3. Большое и ценное собрание университетской библиотеки в Упсале, первоначально принадлежавшее датскому ученому XVII в. Стефану Стефаниусу (*Stephanus Stephanus*). В 1651 г. это собрание было куплено М. Г. де ла Гарди (M. G. de la Gardie)³², завещавшим его затем библиотеке Упсальского университета.

4. Собрание королевской библиотеки в Стокгольме, принадлежавшее первоначально созданной в 1666 г. Коллегии древностей в Упсале. Значительная часть его представляет собой рукописи, купленные в Исландии исландскими студентами, состоявшими на государственной службе в Швеции (наиболее выдающимся среди этих студентов был Йон Ругман). В 1692 г. Коллегия древностей была перенесена в Стокгольм и преобразована в Архив древностей. В 1780 г. Архив был упразднен, а собрание исландских рукописей вошло в состав королевской библиотеки.

Назовем некоторые из важнейших исландских рукописей XIII—XIV вв.:

а) Ко времени 1250—1300 гг. относятся:

1. Главный список «Серого гуся» (*Grágás*), Cod. reg. g. s. *, 1157. Рукопись относится примерно к 1260—1270 гг.

* Рукопись из собрания королевской библиотеки в Копенгагене; «gammel Samling» — «старая коллекция».

2. Главный список песен Эдды, Cod. reg. g. s., 2365, датируемый примерно 1270 г. и обычно называемый «Codex regius» *.

3. «Моркинскинна» («Morkinskinna»), Cod. reg. g. s., 1009/fol., датируемая примерно 1260 г., — содержит саги о норвежских королях.

4. «Круг» («Kringla»), главный список исторического произведения Снорри — сага о норвежских королях. Этот список погиб в 1728 г. во время пожара Копенгагена, и от него сохранился только один лист. К счастью, сохранились копии рукописи, сделанные благодаря предусмотрительности Арни Магнуссона. Эти копии начала XVIII в. служат главными рукописными источниками произведения Снорри. Самая рукопись «Круга» была написана примерно в 1250—1260 гг., т. е. приблизительно 20 лет спустя после смерти Снорри. Первый лист (с вступлением Снорри) был утрачен уже давно, и поэтому рукопись начиналась с саги об Инглингах, а именно, со слов «Kringla heimsins, sú er mannfolkit byggvir» («круг земной, населенный людьми»). По этим начальным словам были названы как рукопись («Kringla»), так и самое произведение Снорри («Heimskringla»).

5. Так называемая Упсальская Эдда, Cod. Ups. de la Gardie **, 11/4-о; она представляет собой датируемый примерно 1300 г. древнейший список Эдды Снорри в обработанном и сокращенном виде.

б) Ко времени 1300—1350 гг. относятся:

6. «Королевские анналы» («Annales regii»), Cod. reg. g. s., 2087. Это — хроника, датируемая началом XIV в. Благодаря своей образцовой орфографии рукопись представляет собой важный языковый памятник.

7. «Книга Хаука» («Hauksbok»), AM ***, 371 и 544. Это — рукопись смешанного содержания. Значительная

* Об этой рукописи и ее содержании см. S. Bugge, *Sæmundar Edda*, 1867, стр. LXIV и сл., а также введение А. Хейслера к фототипическому изданию Мунксгора (см. список литературы, приложенный к этой главе).

** Рукопись из собрания библиотеки Упсальского университета, из коллекции де ла Гарди.

*** Рукопись из собрания Арни Магнуссона в библиотеке Копенгагенского университета.

часть ее была написана лагманом Хауком Эрлендссоном (Haukr Erlendsson, ум. в 1334 г.).

8. Главный список Эдды Снорри, Cod. reg. g. s., 2367, датируемый примерно 1325 г.

9. Так называемый «Codex Frisianus», Cod. AM, 45/fol. Эта рукопись, датируемая примерно 1330 г., содержит саги о норвежских королях, в том числе «Heimskringla» (без саги об Олафе святом) и сагу о Хаконе Хаконсоне, автором которой является племянник Снорри—Стурла Тордарсон (Sturla Þórdarson).

10. «Мёдрувальская книга» («Möðruvallabók»), Cod. AM, 132/fol., датируемая примерно 1340 г. и содержащая родовые саги, в том числе саги о Ньяле, Эгиле и о жителях Лососевой долины (Niála saga, Egils saga, Laxdóla saga).

в) Ко времени 1350—1400 гг. относятся:

11. Так называемый «Codex Wormianus», AM, 242/fol., датируемый примерно 1360 г. Эта рукопись содержит Эду Снорри, а также эддиическую песню о Риге («Rígsþýla») и четыре грамматических сочинения, представляющие собой попытки рассмотреть вопросы грамматики и орфографии исландского языка.

12. «Флатейская книга» («Flateyjarbók»), Cod. reg. g. s., 1005/fol., датируемая 1387—1394 гг. Это — большое собрание произведений исторического характера.

С древнейшим этапом в истории исландского языка мы знакомимся по поэтическим текстам — стихам скальдов и народным эддиическим песням. Эти поэтические произведения передавались в течение долгого времени в устной традиции, пока не были записаны в XII и XIII вв. Несмотря на позднюю фиксацию, язык этих произведений сохранил благодаря их метрической форме много архаических черт.

В поэтических памятниках XIII в. встречаются старые формы, которых мы не находим в прозаических памятниках, относящихся к тому же времени, но которые употребляются в древнейших рукописях (например, в Стокгольмской книге гомилий). К таким архаическим формам относятся: суффигированное местоимение (*emk=em ek* «я есмь», *stendk=stend ek* «я стою» и т. д.), отрицательная частица *-a*, *-at* (*verðra=verðr eigi* «не становится», *ska-lattu=þú skal eigi* «ты не должен», *veitka=ek veit eigi*

«я не знаю»), перфективирующая частица **of** (**of siá** «увидеть», **of skilia** «различить»). Еще в начале XIII в. эти формы, повидимому, употреблялись в разговорном языке. Тот факт, что позже они исчезают из прозаических текстов, объясняется действовавшей в языке тенденцией к нормализации*.

В древнейший период своего существования исландский язык лишь незначительно отличался от древненорвежского. Различия между норвежскими диалектами, например, между восточнонорвежским и западнонорвежским, были больше, чем между западнонорвежским и исландским.

Чертой, свойственной всем норвежским диалектам в отличие от исландского, является отпадение начального **h** перед **I**, **n**, **r**. В исландском языке это **h** сохраняется: др.-исл. **hlaipa** «бежать», **hníga** «наклоняться», **hringr** «кольцо» — др.-норв. **laipa**, **níga**, **ringr**.

Обычная нормализованная орфография, применяемая современными изданиями древнеисландских текстов (например, в хрестоматии Виммера **), исходит из написания, принятого в классических исландских рукописях середины XIII в. Поэтому в этих изданиях употребляются буквы **þ** и **ð**; **á** служит знаком для звука **o** и соответствует более ранним **á** и **ó**; в окончаниях употребляются **i** и **u**; заднеязычные гласные **a**, **o**, **u** удлинились перед **If**, **Ip**, **Im**, **Ik**, **lg** (например, **hálfr** «половина», **hiálpa** «помогать»); закрытое **ø** (возникшее в результате **i**-умлаута из **o**) подверглось делабиализации в **e** (например, наст. вр. **kemr** «приходит», **sefr** «спит», сравнительная степень **efrí** «выше»).

В некоторых грамматиках древнеисландского языка, например, в «Начальной книге» А. Хейслера (см. список литературы в конце главы), применяется несколько иной способ обозначения, который исходит из орфографии древнейших исландских рукописей конца XII и начала XIII в. Там употребляется только **þ**, различаются **á** и **ó**. В окончаниях употребляются гласные **e** и **o**.

* Ср. замену суффигированных местоимений, распространенных в раннем новошведском языке (**jag såg'en** «я видел его», **han tog'et** «он взял это»), самостоятельными (отдельно стоящими) формами: **jag såg honom**, **han tog det**.

** L. F. A. Wimmer, Oldnordisk Læsebog, 5 изд., 1896.

Начиная примерно с 1250 г., классический исландский язык претерпевает ряд изменений:

1) $\theta > \tilde{\alpha}$ (делабилизация), например, **dæma** «судить» (вместо прежнего **døma**).

2) ϑ (например, в **søk** «дело, вещь»), видимо еще в начале XIII в., превратилось в открытую θ , которое постепенно совпало с открытым θ , возникшим в результате *u*-умлаута из e или $\tilde{\alpha}$, например, в **søkkva** «опускать». С 1500 г. для обозначения этого звука стали употреблять знак $\ddot{\theta}$, например, **lönd** «страны», **sök** «вещь, дело», **köl-lum** «мы зовем», **sökkva**.

3) $\acute{e} > ie$ (однако старое написание сохранялось; например, **fé** «богатство», **lét** «пустил, заставил»).

4) Между конечным **r** и предшествующим ему согласным появляется вставной гласный, например, **ríkur** «богатый», **lángur** «длинный», **armur** «бедный» (вместо **ríkr**, **langr**, **armr**) и т. д.

5) $\acute{a} > o$ после **v**, например, **váði** «опасность» $>$ **voði**.

6) ll и $rl > dd$ (хотя написание осталось прежним), например, **falla** «падать», **fjall** «гора», **karl** «мужчина»; **rn > dd**, например, в **barn** «ребенок», **horn** «рог», **björn** «медведь».

7) Возвратно-медиальная форма глаголов стала оканчиваться на **-z** вместо **-sk** классического исландского языка, позже на **-zt** и, наконец, на **-st**.

ЛИТЕРАТУРА

а) Издания текстов

В настоящее время имеются превосходные фототипические издания большого числа исландских рукописей, могущие заменить пользование самими рукописями. Особо должно быть упомянуто «Собрание средневековых исландских рукописей» (*Corpus Codicum Islandicorum Medii Aevi*), издаваемое в Копенгагене Эйнаром Мунксгором (*Ejnarr Munksgaard*). Первый том, *«Flateyjarbók»*, вышел в 1930 г. к тысячелетнему юбилею исландского альтинга. До 1944 г. вышло 16 томов. Далее можно назвать такое же издание Упсальской Эдды (вошло в дар шведского государства к юбилею альтинга).

Издания текстов обычным типографским способом бывают двух видов: издания, точно воспроизводящие орфографию рукописей, и издания, дающие нормализованное написание.

В первую очередь следует назвать три большие серии:

1. Серия, которую издает «Общество по изданию древнескандинавской литературы» (*Samfund til Udgivelse af gammel nordisk*

Litteratur») в Копенгагене (в этой серии издается преимущественно исландская литература). До 1944 г. появилось свыше 50 выпусков.

2. «Древнеисландская библиотека саг» («Altnordische Sagabibliotek»), издаваемая в Лейпциге. Издания этой серии с нормализованной орфографией и снабженные обильными комментариями особенно удобны для начинающих изучать язык, а также при изучении исландской литературы. До 1944 г. вышло 18 томов.

3. «Древнеисландские памятники» («Islenzk fornrit»), серия, издаваемая с 1933 г. в Рейкьявике под редакцией проф. С. Нордаля (S. Nordal). До 1944 г. вышло 6 томов. В этой серии выходят критические издания с введениями и некоторыми комментариями на исландском языке.

Кроме серийных изданий, имеется большое число изданий отдельных произведений. Наиболее подробные списки этих изданий приводятся в библиографических указателях, входящих в серию «Islandica», издаваемую Халльдором Херманссоном (Halldor Hermansson). В помощь начинающим я укажу лишь несколько изданий некоторых важнейших произведений:

«Die Edda», hrsg. von Neckel, 1—Text, 2—Glossar, 1914.

«Sæmundar Edda», udg. af S. Bugge, 1867.

«Heimskringla», udg. ved F. Jónsson, 1911.

«Edda Snorra Sturlusonar», udg. ved F. Jónsson, 1931.

б) Словари

J. F r i t z n e r, Ordbog over det gamle norske Sprøg, тт. I—III, 1886—1896.

G. V i g f u s s o n, An Icelandic-English Dictionary, 1874.

S. E g i l l s o n, Lexicon poeticum, 1860; новые переработанные издания Ф. Йонссона (F. Jónsson), 1913—1916 и 1931 гг. Это — словарь исключительно поэтического языка (песен Эдды и стихов скальдов).

M. H æ g s t a d og A. T o g r, Gamalnorsk ordbok, 1909. В словаре дается перевод на новонорвежский язык (лансмол).

L. H e g g s t a d, Gamalnorsk ordbok, 1930.

L. L a r s s o n, Ordförrådet i de äldsta isländska handskrifterna, 1891. В словарь включены все засвидетельствованные в древнейших рукописях формы.

H. G e r i n g, Vollständiges Wörterbuch zu den Liedern der Edda, 1903.

E. H. L i n d, Norsk-isländska dopnamn, 1905—1915, Supplement, 1931.

E. H. L i n d, Norsk-isländska personbinamn, 1920—1921.

в) Грамматические работы

A. H e u s l e r, Altisländisches Elementarbuch, 1913. Особенno удачен в этой грамматике синтаксис.

A. N o g e e n, Altisländische und altnorwegische Grammatik, 4 изд., 1923. Грамматика дает подробное изложение фонетики и морфологии.

M. Nygaard, *Norrøn syntax*, 1906.

A. Torg, *Gamalnorsk ordavleiding* (см. Hægstad o. Torg, *Gamalnorsk ordbok*).

г) История литературы

E. Noreen, *Den norsk-isländska poesien*, 1926.

Jón Helgason, *Norrøn Litteraturhistorie*, 1934.

Finnur Jónsson, *Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie*, тт. I—III, 2 изд., 1920—1924.

F. Paasche, *Norges og Islands litteratur indtil utgangen av middelalderen*, 1924 (см. «Bull o. Paasche, Norsk litteraturhistorie», т. I).

A. Heusler, *Die altgermanische Dichtung*, 1924.

S. Nordal, *Snorri Sturluson*, 1920.

S. Nordal, Вводные статьи в «Islenzk fornrit» и в издании «Codex Wormianus» в серии Мункгора.

2. НОВОИСЛАНДСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно с 1550 г.)

Исландский стал языком художественной литературы и приобрел черты стабильности раньше, чем какой-либо другой язык в Скандинавии. Вследствие этого исландский язык вплоть до наших дней поразительно хорошо сохранил свой архаический характер ³³. Сами исландцы не признают деления языка на древнеисландский и новоисландский — оно кажется им совершенно излишним; для них это один и тот же язык. Внешняя оболочка языка — орфография — в общих чертах осталась та же, что в XIII и XIV вв., равно как и система словоизменения с ее богатством флексивных форм. Поэтому современные исландцы могут читать старые саги с такой же легкостью, как и современную газетную статью ³⁴. Эти саги в течение вековчились в Исландии как драгоценное наследие и служили постоянным материалом для чтения. Поэтому язык литературы, письменный язык, стал играть здесь ведущую и определяющую роль в языковом развитии раньше, чем в других скандинавских странах. Старый исландский язык является живым и сейчас. Особо следует отметить, что в современном исландском языке нет большой разницы между книжным и разговорным языком.

Другим следствием прочной литературной традиции было то, что исландский язык не распался на диалекты,

хотя отдельные поселения в Исландии очень разбросаны и изолированы друг от друга. По всей стране одна и та же классическая литература служила образцом для подражания.

Конечно, несмотря на все это, в языке произошел ряд изменений, в первую очередь в области фонетики. Написание, правда, почти не изменилось, но в произношении имели место значительные сдвиги. Важнейшие из этих изменений следующие:

1. Продолжается делабиализация гласных: *ø* (возникшее как результат палatalного умлаута из *o*) перешло в *e*: *kemur* «приходит» (др.-исл. *kømr*); *ø>æ* уже в XIII в.: *dæma* «судить», *færa* (более раннее *föra*) «вести» рифмуется с *læra* «учить»; *u* и *ý* совпадают с *i* и *í*: *lýsa* «светить», *syrir* «перед», *synir* «сыновья» (произносятся *li:sa*, *fe:rer*, *se:ner* — об *e* см. п. 4); *ey>ej*: *dreyta* «видеть сны, мечтать», *heyra* «слушать» (произносятся *drejma*, *hejra*); *au>öj*: *auga* «глаз», *hlaupa* «бежать» (произносятся *öjga*, *h'öjpa*).

2. Долгие гласные *á*, *æ*, *ö* превратились в дифтонги — *á>au*, *æ>ai*, *ö>ou* (орфография осталась прежней): *mál* «речь», *mæla* «говорить», *sól* «солнце» произносятся *mau!*, *maila*, *soul*. Еще раньше *é>ie>je*: *hé>hjer* «здесь», *lét>ljet* «пустил, велел», *fé>fje* «богатство».

3. Старые краткие коренные слоги удлинились (в написании это не отразилось): *fara* «ехать», *lifa* «жить», *þora* «сметь, отваживаться», *koma* «приходить» (произносятся *fa:ra*, *le:va*, *þo:ra*, *ko:ma*). Первоначальная количественная разница между гласными *a-á*, *o-ö*, *i-í* и т. д. превратилась в качественную.

4. *i*, *u* стали *e* (закрытым): *lifa* «жить», *syrir* «перед», *fiskar* «рыбы», *ylla* «наполнять» произносятся *le:va*, *ferer*, *feskar*, *fella*.

5. В неударном слоге *t>ð*: *húsíð* «дом», *hvað* «что», *það* «это», *að* «к», *komið* — супин³⁵ от *koma* «приходить», *kastað* — супин от *kasta* «бросать». Подобным же образом *ok* «и»>*og*, *mik* «меня»>*mig*.

6. В исландском языке имеется словесное ударение только одного типа, соответствующее «простому» музыкальному ударению в шведском, например, в *lalet* «речь». Существующая в шведском и норвежском языках

разница между «простым» и «сложным типом» музикального ударения (которые называются также «ударением односложных слов», или *akut*, и «ударением двусложных слов», или *grav*)³⁶ раньше была, конечно, и в исландском языке, но позднее исчезла.

Правописание новоисландского языка чрезвычайно близко к нормализованному правописанию древнеисландского и, несмотря на значительные изменения, произшедшие в языке со времени средневековья, вполне пригодно для современного языка.

Что касается морфологии, то в основном она осталась без изменений. Существительное и прилагательное попрежнему имеют четыре падежа. Можно сказать, что в этом отношении исландский язык остался на той же ступени, на которой шведский и датский стояли в «эпоху викингов». В качестве местоимения «мы» употребляется форма старого двойственного числа *vít* (теперь *víð*), которая, таким образом, вытеснила форму множественного числа *vér*. Старое относительное местоимение *er* «который» заменилось *sem*.

Словарный запас. В современном исландском языке сохранилась большая часть старого словарного фонда. Лучше, чем в других скандинавских языках, сохранились как живое и продуктивное словообразовательное средство старые суффиксы. Поэтому в исландском языке можно легко создавать новые слова из материала самого языка, не прибегая к заимствованиям. С течением времени исландский язык обогатился большим количеством новых слов, причем многие из них появились уже в наши дни. В языке оригинальной прозаической литературы XIII в. — в сагах — слова, заимствованные из других языков, как известно, почти не употребляются. Иностранные слова, особенно нижненемецкие, появляются в средневековой переводной литературе, но, как правило, они не остались в языке или во всяком случае остались далеко не в таком количестве, как в других скандинавских языках. Правда, в более позднее время было заимствовано некоторое количество слов, в частности, названия заграничных товаров, например, *kaffi* «кофе», *sykur* «сахар», *tóbak* «табак», *tau* «материя, ткань» (из дат. *Tøi*), *flauel* «бархат» (из дат. *Fløiel*), а также другие слова, например,

lampi «лампа», **gas** «газ», **bíll** «автомашина», **tónn** «тон», **sirkiti** «циркуль», **vír** «металлическая проволока» (из англ. *wire*), **bánni** «банк», **orsök** «причина», **próf** «испытание», **aæra** «честь», **aerlegur** «честный», **spaug** «шутка» (из дат. *Spøg*), **skáti** «разведчик» (из англ. *scout*), **pólítík** «политика», **pólítiskur** «политический», **praktískur** «практический», **brúka** «употреблять», **tvíla** «сомневаться», **forsóma** «пренебрегать», **erta** «дразнить, раздражать» (из дат. *aer(e)*), **ske** «происходить», **kanske** «может быть», **strax** «тотчас», **vara** «только», **það er slæmt** «жалъ, досадно» (дат. *det er slemt*).

Однако этих слов сравнительно немного, и вообще заимствований из других языков исландцы, как правило, избегали. Исландский пуризм оказался чрезвычайно решительным. Главная причина этого заключается, в основном, в трудности приспособления иностранных слов к старой системе словоизменения (ср., например, **dama** «дама», вин. п. **dötti**, мн. ч. **dömur**; **ðadla** «финик», вин. п. **döðlu**). Эти трудности можно сравнить с теми, которые возникают при морфологическом изменении по шведскому образцу некоторых иностранных слов в шведском языке, особенно английских (**jumper** «джемпер», **overall** «пальто») и итальянских (**piano** «пианино», **studio** «студия», **radio** «радио», **bio** «кино»). Некоторые заимствованные слова, если склонять или спрягать их по исландскому образцу, становятся совершенно неузнаваемыми, а порой просто смешными. Если бы иностранные слова получили свободный доступ в исландский язык, это неизбежно грозило бы гибелью старой исландской морфологической системе, что в свою очередь совершенно изменило бы весь характер унаследованного от древности языка. Таким образом, исландский пуризм — это в первую очередь проявление практической заботы о сохранении языка, а не только плод гипертрофированного национализма³⁷.

Итак, вместо заимствования иностранных слов исландцы стараются обходиться ресурсами своего языка. Они придают новые значения старым словам или возрождают слова, вышедшие из употребления. Таковы: **sími** «телефон и телеграф» (**talsími**, **ritsími**), **hjól** «велосипед» (ср. нем. *Rad*), **véi** «машина», **mynd** «фотография», **flokkur** «(политическая) партия», **iðnaðir** «промышленность», **þylting** «революция», **sjóður** «касса», **gialdkeri** «кассир», **erindreki** «агент»

háseti «матрос», **deild** «факультет», **bólga** «воспаление», **þvol** «сода», **lyf** «медицина», **lyfsali** «аптекарь», **lyfjabúð** «аптека», **lyfseðill** «рецепт». Чаще всего новые слова создаются посредством словосложения или словоизменения: **bókasafn** «библиотека», **bókavörður** «библиотекарь», **bókmenntir** «литература», **bókmenntasaga** «история литературы», **leikhús** «театр», **rafmagn** «электричество», **togleður** «резина», **kvikmynd** «фильм», **eimreid** «паровоз», **einkasala**, **einokun** «монополия», **hárskeri** «парикмахер», **klædskeri** «портной», **ábætir** «десерт», **hitamælir** «термометр», **hitageymir** «термос», **loftmælir** «барометр», **hlutabréf** «акция», **útvarp** «радио», **íhald** «консерватизм», **framtíðkn** «либерализм», **frumrit** «оригинал», **bjartsýni** «оптимизм», **bö'sýni** «пессимизм», **lýðveldi** «республика, демократия», **eptirlaun** «пенсия», **efnishyggia** «материализм», **efunarhyggja** «сkeptицизм» *, **heimspeki** «философия», **heimspekingur** «философ», **eðlisfræði** «физика», **eðlisfræðingur** «физик», **efnafræði** «химия», **efnafræðingur** «химик», **dýrafræði** «зоология», **dýrafræðingur** «зоолог», **verkfræði** «техника», **verkfræðingur** «инженер» (а также множество аналогичных образований с суффиксами **-fræði** и **-fræðingur**), **glóaldin** «апельсин», **bjúgaldin** «банан», **rauðaldin** «помидор», **vin-dill** «папироса», **hreyfill** «мотор», **gerill** «бактерия» и т. д.³⁸

Создатели новых слов в исландском языке проявили большую изобретательность и, в общем, хороший вкус. В результате старые способы словообразования в современном исландском языке являются живыми и продуктивными в несравненно большей мере, чем в других скандинавских языках.

Труднее всего, конечно, поддаются пурристической замене слова с более абстрактным значением, а также научные и технические термины. В подобных случаях бесспорную практическую ценность имеет общая интернациональная терминология. Трудно придать неологизмам, созданным на почве своего языка, столь же точное и определенное значение, какое содержится в иностранных терминах с латинскими или греческими корнями. Это относится,

* Ср. неологизм В. Рюдберга **elchág** «энтузиазм» (в «Dexippus»), буквально «пламенный дух», несколько ранее дат. **ildhu** (1860 г.), норв. **ildhu**, новоисл. **eldhugí** с тем же значением.

например, к словам: **eind** «атом», **hitaeining** «калория», **bætiefni** «витамин», **dáleizla** «гипноз», **fyrirspurn** «интерпелляция, запрос», **dulspeki** «мистика», **hlíðstæðir** «аналогичный» и т. д.

В целях проведения очистки языка и охраны его от проникновения иностранных слов была организована специальная комиссия при Техническом обществе («Verkfræðingafélagið»).

Пуризм имеет свое оправдание, но в то же время он чреват очевидными опасностями. Слишком далеко идущая чистка языка должна привести к известной изоляции его. Нельзя отрицать, что в исландском языке, несмотря на его древнюю культуру и стилистическую утонченность, часто бывает трудно найти средства для обозначения явлений современной культуры *.

Первая печатная книга на исландском языке — «Новый завет» в переводе Одда Готтскалькссона (Oddur Gottskálksson), изданный в Роскильде в 1540 г. Более значительным языковым памятником является перевод библии Гудмунда Торлакссона (Guðmundur Thorlaksson), напечатанный в 1584 г. в Исландии, в Холаре. Благодаря этим переводам Исландия в отличие от Норвегии и Фарерских островов избежала введения датского языка в качестве языка церкви и богослужения. Однако в последующие столетия отмечается все усиливающееся влияние со стороны датского языка как неизбежное следствие политических условий. Исландия страдала от бедности, неурожаев и природных катастроф, и все это отражалось на состоянии исландской культуры. XVII и XVIII вв. — мрачные периоды исландской истории. Значительная часть чиновников и купцов была из датчан, датский язык был языком администрации. Это грозило не только чистоте, но и самому существованию исландского языка. Реакцией на это положение вещей явилось возникшее во второй половине XVIII в. стремление к пуристическому очищению языка. Одним из первых

* Более подробные сведения об исландском пуризме можно найти у H. J. Lindgrøth, Island, motsatsernas ö, 1930, в главе, посвященной исландскому языку, а также в работе F. Þórhilgur Jónasson, напечатанной в «Nordisk tidskrift» в 1920 г., и во введении Gunnar Leijström к «Isländsk-svensk ordbok», 1943.

деятелей исландского пуритана был поэт и естествоиспытатель Эгерт Олафссон (Eggert Ólafsson, ум. в 1768 г.). В начале XIX в. Исландию посетил датский языковед Расмус Раск (Rasmus Rask), изучавший новоисландский язык для того, чтобы лучше понять древние скандинавские языки. Учителем его был Свейнбьёрн Эгильссон (Sveinbjörn Egilsson), преподаватель школы в Бессастаде, около Рейкьявика. Эгильссон изучал рукописи, издавал саги, составил словарь поэтического языка и переводил классических авторов на исландский язык. Некоторые его ученики, в том числе языковед Конрад Гисласон (Konrad Óslason) и поэт Йонас Халльгримссон (Jónas Hallgrímsson, ум. в 1845 г.), издавали с 1835 г. журнал «Фьёльнir» («Fjölnir»), стремясь в первую очередь пробудить интерес к родному языку и его культивированию. На фундаменте, заложенном в это время, строится в основном дальнейшее развитие исландского языка.

В это же время вновь расцветает исландская поэзия. Пути для ее развития проложили Бьярни Тораренсен (Bjarni Thorarensen, ум. в 1841 г.) и Йонас Халльгримссон. Из более поздних поэтов заслуживают упоминания в первую очередь Маттиас Йокумссон (Mattias Jochumsson, ум. в 1920 г.), Торстейн Эрлингссон (þorsteinn Erlingsson, ум. в 1914 г.), Стефан Г. Стефанссон (Stephan G. Stephansson, ум. в 1927 г.), Эйнар Бенедиктссон (Einar Benediktsson), а из живущих сейчас — Давид Стефанссон (Davíð Stefánsson, род. в 1895 г.). Первым современным прозаиком был Йон Тородсен (Jón Thoroddson, ум. в 1868 г.), автор классических для новоисландской литературы романов: «Мужчина и женщина» («Maðir og kona») и «Юноша и девушка» («Piltur og stúlka»). Большое значение для новоисландской литературы имели собранные Йоном Арнасоном (Jón Árnason) народные сказки («Íslenzkar þjóðsögur og æfintýri», 1862—1864 гг.). Из прозаиков более позднего времени следует назвать новеллистов Геста Пальссона (Gestur Pálsson, ум. в 1891 г.), Гудмунда Магнуссона (Guðmundur Magnússon, ум. в 1918 г.) и Эйнара Кварана (Einar Kvaran, ум. в 1938 г.), а из ныне живущих — Гудмунда Хагалина (Guðmundur Hagalin, род. в 1898 г.) и Халльдора Хильяна Лакснеса (Halldor Kiljan Laxness, род. в 1902 г.).

ЛИТЕРАТУРА

a) Антологий

S. Nordal, Islensk lestrarbók, 1924.
 «Nyare isländsk prosa», utg. av Sven B. F. Jansson, G. Leijström och S. Thorarínsson, 1944.

b) Словари

G. Leijström och Jón Magnússon, Isländsk-svensk ordbok, 1943.
 S. Blöndal, Islesnk-dönsk orðabok, 1920—1924.

в) Грамматические работы

S. Blöndal og Ingeborg Stemann, Praktisk Lærebog i islandsk, Nutidssprog, 1943.
 S. Jónsson, A primer of modern Icelandic, 1927.
 V. Guðmundsson, Islandsk Grammatik, 1922.
 J. J. Smári, Islensk setningafræði, 1920.

ФАРЕРСКИЙ ЯЗЫК

От языковых памятников средневековья на Фарерских островах сохранились лишь незначительные остатки: несколько рунических надписей и несколько пергamentных грамот. В то же время фареры обладают большим богатством — средневековой народной поэзией, сохранившейся в устной традиции. Прежде всего это эпические баллады, которые еще и поныне поются на средневековый лад в сопровождении пляски. Стих этих баллад тот же, что и в шведских и датских народных балладах, — четырехстрочная строфа с припевом. Старейшие баллады относятся к XIV в. Время расцвета этой поэзии длилось примерно до XVII в., хотя часть баллад возникла еще позже. Темы баллад взяты из древних скандинавских саг и средневековых рыцарских романов. Наибольшего внимания заслуживают «*Sjúrðar kvæði*» — баллады о Сигурде, убийце Фафни, о Брюнхильде, Гуннаре, Хогни и Атли, т. е. на темы из древней германской эпической поэзии, известные нам по немецкой песне о Нibelунгах и по исландским эддическим песням.

Первые попытки записать фарерские баллады были сделаны в конце XVIII в. Однако настоящая работа по собиранию их была проведена лишь в середине XIX в. пробстом В. У. Хаммерсхаймом (V. U. Hammershaimb, ум. в 1909 г.) и др. Хаммерсхайм положил также начало изданию фарерских баллад. Все записи фарерских баллад были сведены воедино датским исследователем народных песен Свеном Грунтвигом (Sven Grundtvig) и его помощником Ёргеном Блоком (Jørgen Bloch) в большом «Своде фарерских песен» («Corpus carminum Færoensium», 1872—

1876 гг.), рукопись которого хранится в датском собрании памятников народного творчества (*Dansk Folkemindessamling*) в Копенгагене.

Язык, на котором на Фарерских островах говорит около 26 тысяч человек, близок западнонорвежским диалектам, но отличается от них, особенно в области морфологии, своим более архаическим характером. Таким образом, фарерский язык занимает промежуточное место между норвежским и исландским. В отношении произношения и словарного запаса он стоит ближе всего к норвежскому, в отношении морфологии — к исландскому языку.

До середины XIX в. фарерский язык не имел устойчивой орфографической нормы. Каждый писал на своем собственном диалекте и руководствовался собственным произношением. Орфографическую норму для фарерского языка создал Хаммерсхаймб, превратив его тем самым в литературный. Это было сделано в 1846 г., т. е. примерно в то время, когда Ивар Осен создал новонорвежский язык (лансмол). В основу своей орфографии Хаммерсхаймб положил нормализованный древнеисландский язык и тем самым сильно приблизил внешний облик фарерского письменного языка к исландскому. Орфография фарерского языка последовательно проводит этимологический принцип.

В конце восьмидесятых годов XIX в. возникло движение, поставившее своей целью введение фарерского языка в качестве литературного на островах. В 1906 г. было введено в школах изучение фарерского языка в качестве особого предмета наряду с датским, а с 1939 г. на нем ведется преподавание всех предметов. Он допущен также в качестве языка церкви. Библия была переведена на фарерский язык Якупом Далем (*Jakup Dahl*), который составил, кроме того, молитвенник и сочинил или перевел на фарерский язык ряд псалмов. Фарерский язык принят также в фарерском лагтинге.

ЛИТЕРАТУРА

V. U. H a m m e r s h a i m b, Færøsk Anthologi, 1886—1891, содержит тексты с историческим и грамматическим введением и словарь. Часть этих текстов — баллады и народные сказки, часть — сочиненные Хаммерсхаймбом сцены из народной жизни.

- J. Jacobsson, Færøske Folkesagn og æventyr, 1898—1901.
M. A. Jacobsen o. Chr. Matras, Føroysk-dansk
orðabok, 1927—1928.
A. C. Evensen, Lesibok, тт. I—II.
M. A. Jacobsen, Rettskrivningarreglur.
J. Dahl, Føroysk málлæra til skúlabrúks, 1908.
M. Hægstad, Færøymál («Vestnorske målføre», 2: 2, 1916).
Chr. Matras, Føroysk bókmentasøga, 1935.

НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК

1. ДРЕВНЕНОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно до 1525 г.)

Первые сведения о древненорвежских языковых формах мы можем почерпнуть из рунической надписи на эгтюномском камне (около 700 г.); в ней проведены синкопа гласных в окончаниях, ассимиляция согласных и пр. Всего в Норвегии найдено около 350 надписей, выполненных младшими runами, причем большая часть этих надписей относится к XI в. или к более позднему времени. Другим источником сведений о норвежском языке древнейшего периода служат эддицеские песни и стихи скальдов, хотя и те и другие были записаны только в XII—XIII вв. Древнейшие скальды были норвежцами, например, Тьодольф из Хвина (*þjóðólfr ðr Hvini*), который является, между прочим, автором «Сказания об инглингах» (*«Ynglingatal»*), Торбьорн-Роговой коготь (*þornbjörn Hornklofi*), живший во время Харальда Прекрасноволосого, Эйвинд-Затмевающий скальдов (*Eyvindr skáldaspillir*), автор «Песни о Хаконе» (*«Hákonarmál»*), написанной в память Хакона Доброго, павшего в битве при Сторде в 960 г.

Латинский алфавит появился в Норвегии после ее христианизации. Повидимому, им стали пользоваться для записей на родном языке еще в XI в. В сагах говорится, что король Олав Харальдsson сочинил с помощью епископа Гrimкеля церковное право. Оно было записано, очевидно, по-норвежски. Однако древнейшие дошедшие до нас норвежские рукописи, как и древнейшие исландские, относятся ко второй половине XII в. Хотя норвежская литература и по своему объему и по содержанию значительно беднее исландской, все же сохранившиеся норвежские рукописи в достаточной степени знакомят нас

с норвежским языком того времени. Эти рукописи представляют собой записи законов, сочинения религиозного и исторического содержания, переводы рыцарских романов. Наиболее выдающимся памятником является «Королевское зерцало» (*Konungs skuggsiá*, лат. *Speculum regale*), произведение неизвестного автора середины XIII в. Некоторые исландские исторические саги были переписаны или обработаны в Норвегии и дошли до нас в норвежских списках, например, сага об Олаве Трюггвасоне монаха Одда, сага-легенда об Олаве Харальдсоне, Фагрскинна (*Fagrskinna*). Норвежским произведением, повидимому, является также и сага о Тидреке Бернском, сюжет которой во всяком случае был завезен в Берген нижненемецкими купцами. Важен тот факт, что норвежским языком рано начинают пользоваться в грамотах и документах различного рода. Древнейшие дошедшие до нас грамоты относятся к началу XIII в. В употреблении родного языка вместо латыни сказывается влияние Англии³⁹; в состав старейшего норвежского алфавита вошли, как уже упоминалось, некоторые древнеанглийские буквы.

Уже в древнейших рукописях обнаруживаются диалектные различия. Особенно значительны расхождения между языком Эстланна (*Ostland*) и Трённелага, с одной стороны, и языком Вестланна (*Vestland*)⁴⁰ — с другой. Первый носит название восточнонорвежского, второй — западнонорвежского. Восточнонорвежский язык имеет некоторые общие черты с восточноскандинавскими языками. Так, в восточнонорвежском языке отсутствует лабиальный умлаут перед сохраняющимся *-i*, например, в дат. п. мн. ч. **allum tappum** «всем людям» (зап.-норв. **ollum tonnum**). Далее, в восточнонорвежском языке (как и в древнескандинавском и древнедатском) имеется прогрессивный палatalный умлаут: *ia>iæ*, например, **hiærta** «сердце» (зап.-норв. **hiarta**). В восточнонорвежской (и в части западнонорвежской) языковой области имеет место особое развитие гласных окончаний, так называемая гармония гласных: после одних коренных гласных в качестве гласных окончаний употребляются *i*, *u*, после других — *e*, *o*: **tíðir** «времена», **synir** «сыновья», но **skáler** «чаша», **bøner** «молитвы»; **tungur** «языки», **húsum** «домам» (дат. п.), но **kopot** «женщины», **sonom** «сыновьям». С этим же явлением мы

встречаемся и в некоторых древнешведских рукописях, особенно в рукописях из Вестергётланда. В южной части восточнонорвежской области (т. е. в Эстланне, но не в Трённелаге) наблюдается еще одно явление — гласные окончания после долгого слога ослабляются (так называемое «равновесие гласных»): *sendæ* «посыпать», *bitæ* «кусать», *høugæ* «слышать», но *taka* «брать», *gera* «делать», *vita* «знать», *lifa* «живь». С ослаблением неударного *a>æ* связано, повидимому, то обстоятельство, что восточнонорвежский язык имеет формы *þæll* (вин. п. от *éá* «этот») и *þæt* «это» (так же как древнешведский), которым в западнонорвежском соответствуют *þann* и *þat*. Значительная часть изменений, произшедших в шведском и датском языках, охватывает также и восточнонорвежский. Так, например, в восточнонорвежском языке в некоторых положениях происходит стяжение старых дифтонгов; это наблюдается перед группами согласных (*haust* «осень»>*høst*), перед *r* (*høyra* «слышать»>*høre*), перед *m* (*Raumaríki* — область в Норвегии>*Romerike*, *drøyma* «видеть сны»>*drømme*).

В культурном и политическом отношении Вестланн и Трённелаг были важнейшими областями страны; города Берген и Нидарос попеременно играли роль королевской резиденции, а с 1152 г. Нидарос стал центром архиепископства. Естественно, что формы письменного языка, употреблявшиеся в Бергене и Нидаросе, получили наибольшее значение. Характерно, что так называемая «Древненорвежская книга гомилий» считается написанной в Нидаросе, но до нас она дошла в списке, датируемом примерно 1200 г. и сделанном в Бергене. В XIII в. отчетливо выступает общая норма официального языка, в основе которого лежат главным образом трёнский и вестланнский диалекты. Этот язык с его богатой системой флексий отличается архаическим характером. Его-то, собственно, и подразумевают, когда говорят о древненорвежском языке. Эстланские диалекты в тот период слабо отражены в письменном языке.

Расцвет древненорвежского литературного языка относится к XIII в. Около 1300 г. политический центр страны переместился из Бергена в Осло, и с этого времени Эстланн приобрел большее экономическое и культурное значение. Сейп пишет: «Когда бергенская канцелярия

была переведена в Осло, за ней последовала и трёнско-бергенская канцелярская норма. Таким образом, в XIV в. мы встречаем в Эстланне две языковые нормы: традиционную канцелярскую норму и более свободную эстланскую, стоявшую ближе к разговорному языку. История норвежского языка в XIV в. характеризуется борьбой между западной канцелярской нормой и народной письменной нормой, которая была особенно близка к разговорному языку Эстланна»*.

В эпоху позднего средневековья (с 1350 г.) норвежский разговорный язык претерпел ряд глубоких изменений, подобных тем, которые в то же время или еще раньше произошли в шведском и датском языках. Старая система склонения и спряжения разрушилась, стал устанавливаться фиксированный порядок слов. В язык проникло множество заимствованных слов, особенно немецких. Старые краткие коренные слоги (в которых за кратким коренным гласным следовал краткий согласный) удлинились, причем в одних говорах преобладало удлинение согласного (например, вост.-норв. *gammal* «старый», *vett* «знаю»), в других — удлинение коренного гласного (зап.-норв. *gamal*, *vet*). Гласные окончаний в восточнонорвежском языке редуцировались по тем же правилам, что и в восточной и северной Швеции, т. е. в долгосложных словах («равновесие гласных»). Общим со шведским языком является также возникновение третьего слабого спряжения: *to* «грести» — *rodde* (прош. вр.), *tru* «верить» — *trudde*, *nå* «достигать» — *nådde*. В языке южной Норвегии, как и в датском, происходит переход *p*, *t*, *k* > *b*, *d*, *g*: *gabe* «разевать рот», *mad* «пища», *tag* «beri» (в других диалектах *gara*, *mat*, *tak*). Связи Эстланна с соседними странами были более оживленными, чем связи любой другой области Норвегии. Язык изменялся здесь быстрее и сильнее, чем в других местах. Повидимому, старый литературный язык казался совершенно устаревшим уже в XIV в. Он не мог перестроиться в соответствии с развитием живого разговорного языка, как это произошло, например, в Швеции. Пропасть между традиционным письменным языком и сильно изменившимся восточнонорвежским разговорным углубилась настолько,

* D. A. Seip, Norsk språkhistorie, стр. 128.

что это привело постепенно к гибели норвежского письменного языка⁴¹.

Этому способствовали, конечно, политические и культурные условия. Упадок языка совпал с периодом политического и культурного регресса. Интерес к старой литературе исчез. Двор и дворянство увлекались модными рыцарскими романами; именно по инициативе норвежской королевы в начале XIV в. были переведены (на шведский язык) так называемые «Евфимиевы песни» («Eufemiasvisor»)⁴². Литературное творчество на норвежском языке быстро исчезало. Конечно, в это время здесь так же создавались народные песни, как в Швеции и Дании, но они были записаны лишь в XIX в. и уже в новонорвежской языковой форме. Канцелярский язык один не мог поддерживать языковой традиции, особенно при усилении иностранного политического влияния (с 1319 г. Норвегия была связана уний со Швецией, а с 1380 г. — с Данией).

Решающий момент в развитии норвежского языка, по мнению проф. Сейпа, наступил после 1370 г. В это время впервые стало сказываться влияние шведского языка. В норвежском языке появились шведские слова, например, *høgh* «высокий» (др.-норв. *hárt*), *iak* «я» (др.-норв. *ek*), *i vilin* «вы хотите» (др.-норв. *fér vilid*). Особенно сильным, хотя и непродолжительным, было влияние шведского языка в результате деятельности биргиттинского ордена⁴³, в частности биргиттинского монастыря в Бергене. До нас дошло несколько относящихся к тому времени рукописей на смешанном шведско-норвежском языке.

Датское влияние проявилось значительно позже, только в середине XV в., но зато оно оказалось более сильным и длительным. Начиная с Кристиана I (правил Норвегией с 1450 г.) короли Дании и Норвегии, объединенных тогда в унии, пользовались даже в документах, касающихся исключительно норвежских дел, чистым датским языком.

Таким образом, мы рассмотрели здесь вкратце те факторы, которые в конце средневековья привели к смене языка в Норвегии. Решающую роль в этом процессе сыграло коренное изменение разговорного языка. Старый письменный язык был слишком бесплоден, чтобы перестроиться в соответствии с этим изменением; он устарел и постепенно стал непонятным. В Норвегии не было национальных или

культурных объединяющих сил, достаточно мощных, чтобы на основе диалектов мог вырасти новый письменный язык,— сил, подобных тем, которые действовали в Швеции и Дании. Литературное творчество на норвежском языке прекратилось. Иностранные, правившие страной, во все возрастающей степени пользовались своим собственным языком в документах, касавшихся чисто норвежских дел.

В эпоху реформации датский язык в Норвегии стал также и языком церкви. Норвежского перевода Библии не было. Канцлер Густава Васы Лауренций Андреэ предложил тронхеймскому епископу Олаву для нужд норвежской церкви некоторое количество экземпляров шведского перевода Библии. С точки зрения языка, шведский текст был по меньшей мере столь же приемлем, как и датский, но, конечно, решающую роль здесь сыграли политические связи. За датской Библией последовали молитвенники и сборники проповедей, псалтыри, катехизис и т. д., написанные на датском литературном языке и напечатанные в Дании; прошло сто лет после реформации, прежде чем книгопечатание было введено в Норвегии.

Таким образом, со времени реформации датский язык стал литературным языком Норвегии, в то время как разговорным языком продолжал оставаться норвежский. И только в городах, особенно в чиновничих кругах, он был сильно смешан с датскими словами и формами.

ЛИТЕРАТУРА

а) Издания текстов

«Norges gamle Love», тт. I—V; т. V — словарь Херцберга (E. Hertzberg).

б) Словари

См. в разделе о древнеисландском языке.

в) Грамматические работы

D. A. Seip, *Norsk språkhistorie til omkring 1370*, 1931.

M. Hægstad, *Gamalt trøndermaal*, 1899.

M. Hægstad, *Maalet i dei gamle norske kongebrev*, 1902.

M. Hægstad, *Vestnorske målføre fyre 1350*, 1907—1917

(«Skrifter utg. av Det norske Videnskaps-akademi i Oslo»).

2. НОВНОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК

Господство датского литературного языка в Норвегии длилось до XIX в. Писатели-норвежцы писали в основном на датском языке, но с более или менее сильной норвежской окраской. Некоторые из них сознательно старались употреблять норвежские выражения, особенно когда писали на норвежские темы. Это относится к Педеру Клауссёну (Peder Claussøn, ум. в 1614 г.), автору «Описания Норвегии» (*Norges Beskrivelse*, 1632) и переводчику королевских саг Снорри Стурлусона (изданы в 1633 г. в Копенгагене Оле Вормом), и к пастору Петеру Дассу (Petter Dass, ум. в 1707 г.), давшему в «Трубе Севера» (*Nordlands Trompet*) живое реалистическое описание жизни крестьян и рыбаков северной Норвегии. С конца XVII в. норвежцы все чаще и чаще завершали свое образование в Копенгагене. Это оказывало влияние на их язык — они начинали писать языком, более свободным от норвегизмов. В ранних работах Хольберга (L. Holberg), норвежца, уроженца Бергена, но прожившего большую часть своей жизни в Дании и писавшего для датского театра, встречаются норвегизмы, впоследствии, однако, исчезающие.

Наряду с норвежскими диалектами постепенно вырос и новый норвежский разговорный язык, базой для которого послужил литературный датский. Это был тот же датский письменный язык, но с норвежским произношением и интонацией и с примесью отдельных норвежских слов. Им пользовались сначала в торжественных случаях чиновничество и все те, кто, желая производить впечатление образованных людей, дорожили в известной мере тем, что они норвежцы. Он стал разговорным языком городского населения и образованных — «языком города» (*bymål*) в противоположность «языку деревни», или «народному языку» (*landsmål*), т. е. крестьянским диалектам.

С 1814 г. Норвегия стала самостоятельным государством, но она попрежнему сохраняла общий с Данией письменный язык. Орфография и грамматика этого языка следовали датскому образцу и датским учебникам. При устном же воспроизведении написанного оно произносилось в соответствии с норвежской звуковой системой и с норвежским ударением. В городах существовал разговорный язык

образованных людей, по своей лексике и грамматике тесно примыкавший к литературному языку. Наконец, существовали разнообразные бесписьменные диалекты, развившиеся из древненорвежского языка и служившие разговорным языком сельского населения.

Вскоре после политического освобождения возникло стремление к созданию национального литературного языка, отличного от датского, постепенно все усилившееся. Результатом этого было полное освобождение от власти датской нормы. Развитие в этом направлении шло по двум линиям, что вызвало длительный языковой раскол.

В тридцатых годах XIX в. начинается более сознательная норвегизация литературного языка. Хенрик Вергеланн (Henrik Vergeland) ввел в свои стихи массу норвежских слов; у него мы встречаем также норвежские формы склонения и спряжения и норвежский порядок слов. Он ревностно боролся за норвежское произношение в театре. Петер Кристиан Асбъёрнсен (Peter Christian Asbjørnsen) и Ёрген Му (Jørgen Moe) создали своими «Норвежскими народными сказками» («Norske folkeeventyr», 1841—1844 гг.) стиль, в основном норвежский, хотя внешняя языковая оболочка в общем оставалась еще датской. «С тех пор, — пишет Сейп, — образцом хорошего стиля в Норвегии как для рицмюла, так и для лансмула являются сказки. Стиль сказок у Асбъёрнсена и Му имеет своей основой язык народного рассказа и повседневной речи».

Тогда же, в сороковых годах, учитель Кнуд Кнудсен (Knud Knudsen) начал целеустремленную работу по введению норвежского произношения в школах и по норвегизации литературного языка. Кнуд Кнудсен настаивал на том, чтобы в школах и в театре пользовались не искусственным книжным произношением, а естественным языком повседневной жизни («ukunstlede dagligtale») и чтобы этот естественный норвежский разговорный язык был также признан нормой для письменного языка. В своих работах Кнудсен ясно и подробно показал, в чем состоит разница между норвежским разговорным и датским письменным языком. Он был также ревностным туристом. Его словарь «Ненорвежское и норвежское» («Unorsk og norsk», 1881 г.) предлагает большое количество норвежских слов для

замены немецких и датских заимствований. Кнудсен оказал влияние на язык Ибсена и Бьёрнсона. Орфографические реформы, проведенные уже в XIX в., также в значительной мере явились осуществлением его идей.

Риксмол, или датско-норвежский язык, на протяжении XIX в., пожалуй, правильнее всего охарактеризовать как все более самостоятельно развивающееся ответвление датского литературного языка. Он достиг своей классической формы в произведениях четырех крупнейших писателей: Ибсена (Ibsen), Бьёрнсона (Bjørnson), Килланда (Kielland) и Ли (Lie).

Так же как и в других странах, романтизм пробудил в Норвегии интерес к национальному прошлому и к народной культуре. Для национального самосознания большое значение имела деятельность историка и филолога П. А. Мунка (P. A. Munch); благодаря его изданиям впервые становятся общедоступными многие древненорвежские и древнеисландские тексты. Национальная тематика разрабатывалась в юношеском творчестве Бьёрнсона и Ибсена. Норвежские народные песни были записаны и изданы С. Бугге (S. Bugge), М. Б. Ланстадом (M. B. Landstad) и Ёргеном Му, норвежские народные сказки, как уже было упомянуто, — Асбъёрнсеном и Ёргеном Му. Национально направленный романтизм пробудил также повсеместный интерес к народному языку. Были обнаружены черты сходства между современными диалектами и языком древненорвежских письменных памятников. Самоучка Ивар Осен (Ivar Aasen, ум. в 1896 г.) начал изучать диалект своего родного края в Сунмёре. Его работа привлекла к себе внимание, и в 1842—1847 гг. он, получив материальную помощь от «Научного общества» в Тронхейме, совершил путешествие по Норвегии, записывая и изучая диалекты. Результатами его работы явились большая грамматика (1848 г.) и словарь (1850 г.) — первоклассные научные труды, которые и по сей день служат основой при изучении лансмола. В них Осен ясно показал связь между древненорвежским языком и современными диалектами.

Однако Осенставил перед собой не только научные цели, но прежде всего цели практические и патриотические. Он хотел создать на основе диалектов общий норвеж-

ский письменный язык, который служил бы лучшим выражением национального своеобразия, чем заимствованный датско-норвежский. В 1852 г. Осен опубликовал свои «Образцы народного языка в Норвегии» (*«Prøver af landsmalet i Norge»*) — собрание кратких текстов на диалектах, большей частью устных рассказов и народных сказок. Но, кроме этих образцов различных диалектов, в книге имелось несколько образцов «общего народного языка» (*«almindeligt landsmaal»*) — «предлагаемой для испытания формы общенорвежского языка». Это была та нормализованная форма языка, которая и получила название лансмоля.

Осен основывался на явлениях, общих для разных диалектов, но в первую очередь он учитывал те диалекты, которые в наименьшей степени подверглись влияниям и изменениям и которые по своей морфологической и фонетической системе сохранили наибольшую близость к древненорвежскому языку. Таковы были диалекты областей, расположенных вдоль фьордов в Вестланне и в соседних горных областях Хардангер, Согн и Восс. Осен сам стал писать на лансмоле стихи и прозу. Его примеру последовали и другие поэты и писатели, в первую очередь Осмун Винье (*Åsmund Vinje*) и Арне Гарборг (*Arne Garborg*). Лансмол получил широкое распространение, особенно в националистически настроенных кругах норвежского общества. Он был принят как официальный язык в школах и в публичной жизни наряду с риксмолом, «общепринятым книжным языком» (*«det almindelige bokmål»*). Его правописание и грамматика подверглись дальнейшей нормализации, причем нормализаторы лансмоля во многих случаях отошли от форм Осена, приняв некоторые более распространенные в диалектах формы.

В 1878 г. стортинг принял решение о том, что «обучение в школах должно вестись по возможности на разговорном языке самих детей». В 1885 г. правительству было поручено наблюдать за тем, чтобы «норвежский народный язык был поставлен рядом с нашим общепринятым письменным и книжным языком как язык школы и официальных учреждений». В норвежском положении о народных школах от 1892 г. вопрос о языке решается следующим образом: «Администрация школы определяет, какие учебники и

хрестоматии должны быть приняты в школе, написанные ли на лансмоле или на общепринятом книжном языке, и на каком из этих языков должны писаться работы учащихся. Однако учащихся следует во всяком случае учить читать на обоих языках». Позже было установлено, что при сдаче экзамена на звание учителя народной школы и студенческого экзамена должны проводиться письменные испытания по обоим языкам,

Таким образом, в Норвегии имеются два официально принятых литературных языка. Их называли риксмол и лансмол, теперь называют б у к м о л (bokmål) и н о в о н о р в е ж с к и й (nynorsk). Между обоими языками шла ожесточенная борьба, не закончившаяся и до сих пор. Сторонники лансмола утверждали, что риксмол — чужой язык, что, несмотря на норвегизацию, он все же в основе своей остается датским. Противники же лансмола характеризовали его как искусственный и культурно неразвитый язык. Лансмол имеет больше приверженцев в Вестланне, риксмол — в Эстланне и в столице. Более проницательные люди указывали, что языковый раскол является неизбежным последствием норвежской истории. Оба языка должны существовать пока параллельно, воздействуя в то же время друг на друга в направлении постепенного сближения. Но языковое объединение может быть достигнуто не сразу, в результате победы одной из сторон, а лишь в результате постепенного естественного слияния. Одним из первых, работавших в этом направлении, был ученый, исследовавший памятники народной старины, Мольтке Му (Moltke Moe, ум. в 1913 г.). В настоящее время выдающимся представителем идеи слияния обоих языков является проф. Д. А. Сейп.

Проведенные в этом столетии большие о р ф о г р а ф и ческие реформы коренным образом преобразовали риксмол. Первая реформа относится к 1907 г.; были введены: написание **p**, **t**, **k** вместо **b**, **d**, **g** в соответствии с норвежским произношением (*grípe* «хватать», *bryte* «ломать», *skrike* «кричать»); окончание множественного числа **-er** вместо **-e** (*hestar* «лошади», *stoler* «стулья», *dager* «дни»); глагольные формы типа **nå** «достигать», **nådde** (прош. вр.), **nådd** (причастие прош. вр.) и **kaste** «бросать», **kastet** (прош. вр.) вместо **kastede**; усеченные глагольные формы типа **ve**

«просить», *ta* «брать», *sa* «сказал», *la* «положил». Следующая реформа была проведена через 10 лет, в 1917 г., когда разговорный язык был еще более решительно положен в основу письменного языка. Были устраниены многие немые согласные, унаследованные от датской орфографии (*mann* «человек», *fjell* «гора» вместо *mand*, *fjeld*). Долгие согласные соответственно их произношению стали обозначаться удвоением буквы (*takk* «спасибо»). В некоторых случаях были введены параллельные формы — новые, более норвежские формы — наряду со старыми: дифтонги в таких словах, как *stein* «камень», *hauk* «ястреб», *öi* «остров» (наряду со *sten*, *høk*, *ø*); формы женского рода с суффигированным артиклем -а (вместо -en), например, *lia* «склон», *hela* «горная цепь», *bjørka* «береза» и др.; формы прошедшего времени на -а (вместо -et), например, *kasta* «бросил», *venta* «ждал» и др. Введение этих, так называемых факультативных, форм (valgfri former) означало, конечно, ослабление прочно установившихся письменных норм и представляло собой решительную норвегизацию языка, т. е. приближение его к лансмолу. В лансмоле также была проведена реформа в некоторых пунктах: было допущено окончание инфинитива -е наряду с -а (*kaste*, *kasta* «бросать»); в качестве окончания определенной формы существительных женского рода было допущено -а наряду с прежним -i (*bygda* «край», *sola* «солнце» наряду с *bygdi*, *soli*). В результате расширилась диалектная основа лансмола. Были установлены, насколько это было возможно, общие правила орфографии для лансмола и риксмола. Таким образом, был предпринят первый шаг для сближения обоих языков.

Еще дальше по этому пути ведет последняя орфографическая реформа 1938 г., затрагивающая обе формы норвежского языка. В букмоле в большом количестве слов были введены дифтонги, например, в *eik* «дуб», *geit* «коза», *gaik* «кукушка», *laav* «листва», *høy* «сено», *røyk* «дымя», *bløyte* «мочить» (вместо *ek*, *get*, *gøk*, *lav*, *hø*, *røk*, *bløte*). Далее, полностью было проведено разделение существительных по трем родам⁴⁴. В соответствии с этим были установлены следующие формы определенного артикля: -en (м. р.), -a (ж. р.), -et (ср. р.), например, *dagen* «день», *sola* «солнце», *huset* «дом», и неопределенного артикля en (м. р.),

en или **ei** (ж. р.), **et** (ср. р.). Притяжательные местоимения также получили три формы в зависимости от рода: **min** «мой», **min** или **mi** «моя», **mit** «мое». Формы **ei** и **ti** (а также **di** «твоя», **si** «своя») обязательны в сказках и рассказах народного стиля; в остальных случаях допускаются обе формы. Так же как и для единственного числа женского рода, окончание **-a** было введено для определенной формы множественного числа среднего рода некоторых существительных (вместо **-epe**): **barna** «дети», **beina** «ноги», **dýra** «животные», **trolla** «тролли» (вместо **børnene**, **benene**, **dýrene**, **trollene**) и др. Кроме того, были проведены многочисленные изменения в написании отдельных слов или групп слов как в лансмоле, так и в риксмоле. Каждое такое изменение имело целью сблизить эти языки.

Языковое развитие в Норвегии идет поразительно быстро. То, что двадцать лет тому назад считалось дерзким новшеством, сейчас прочно вошло в язык, гораздо быстрее, чем кто-либо мог предполагать. Букмол беспрепятственно воспринимает все норвежские элементы. В настоящий момент его следует считать столь же норвежским языком, как новонорвежский.

Различия между букмолом и новонорвежским языком можно свести к следующему:

1. Букмол теснее связан с разговорным языком Эстланна, особенно столицы, новонорвежский — с народными говорами Вестланна.

2. Букмол отличается более разговорным характером, новонорвежский же — более консервативен и менее гибок, хотя он и подвергся некоторым изменениям, расширившим его опору в живой речи.

3. Букмол имеет гораздо большее количество заимствованных слов, особенно из средневекового нижненемецкого; новонорвежский же очень пурристичен.

Языковая борьба в Норвегии несомненно принесла известную пользу. Словарный запас был сильно расширен, частично в результате заимствования из диалектов, частично путем создания неологизмов. Современная норвежская художественная литература отличается большим стилистическим разнообразием. В норвежской литературе, больше чем в литературе других скандинавских стран, каждый писатель имеет свой особый стиль и язык. Языко-

вое многообразие очевидным образом благоприятствовало развитию средств выражения мысли и тонкости стилевых оттенков.

В то время как шведский и датский языки характеризуются стойкой традицией письменного языка, что граничит с отсутствием гибкости, современный норвежский язык, напротив, является языком, в котором все — в развитии, в движении. Однако это развитие быстро приближается к тому пределу, у которого оно должно будет стабилизоваться.

С общескандинавской точки зрения, можно пожалеть, что при орфографических реформах в Норвегии совершенно не принималось во внимание положение в других скандинавских языках⁴⁵. Вряд ли можно считать шагом вперед введение системы трех родов для существительных. Эта система сохранилась, правда, и в датских и в шведских диалектах, но мы считаем преимуществом, что литературные языки провели упрощение. Формы, вроде *solen* «солнце», *boken* «книга», *bygden* «край», были общескандинавскими и не становились менее норвежскими из-за того, что употреблялись одновременно и в датском и в шведском языках. Их надо было, опираясь на другие скандинавские языки, сохранить в букмоле и ввести в лансмоле. Осен одно время думал принять для лансмола формы типа *kastade*, *kastat* (прош. вр. и причастие прош. вр. от *kasta* «бросать»), совпадающие с аналогичными шведскими формами, но затем, следуя разговорному языку, остановился на формах типа *kasta*. В букмоле (в 1907 г.) *kastede* было заменено сначала *kastet*, а затем (в 1917 и 1938 гг.) *kasta*. Это — ненужная уступка разговорному языку, заслуживающая сожаления с общескандинавской точки зрения. По правилам лансмола пишут в соответствии с произношением *hus* «дом», *take* «крыша» и т. д. (ср. букмол и швед. *huset*, *taket*, дат. *Huset*, *Taket*). Нужно надеяться, что букмол не последует этому примеру и что вообще не будет сделано дальнейших шагов по проведению фонетического принципа в орфографии. Ведь некоторые лица совершенно серьезно предлагали даже такие написания, как *bonne* «крестьянин», *lann* «страна», *onn* «злой» (вместо этимологически правильных общескандинавских написаний *bonde*, *land*, *ond*) и т. п.

ЛИТЕРАТУРА**а) Словари**

- I. A a s e n, Norsk ordbog, 2 изд., 1873.
- H. R o s s, Norsk ordbog, 1895.
- S. S c h ø t t, Norsk ordbok, 1914.
- S. S c h ø t t, Dansk-norsk ordbok, 1909.
- T. K n u d s e n og A l f S o m m e r f e l t, Norsk riksmåls-ordbok, с 1930 г.
- I. A l n æ s, Norsk uttaleordbok, 1925.

б) Грамматические работы

- I. A a s e n, Norsk grammatik, 2 изд., 1864.
- H j. F a l k og A. T o g r, Dansk-norskens syntax, 1900.
- A. T o g r og H j. F a l k, Dansk-norskens lydhistorie, 1898.

в) История языка

- D. A. S e i p, Norsk språkhistorie til omkring 1370, 1931.
- D. A. S e i p, En liten norsk sproghistorie, 1937.

ДАТСКИЙ ЯЗЫК

1. ДРЕВНЕДАТСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно до 1525 г.)

Древнейшие памятники датского языка — это рунические надписи, из которых самые ранние относятся ко времени около 800 г. На период 800—1100 гг. падает приблизительно 200 рунических надписей, найденных в пределах датской языковой области, включая Сконе и Шлезвиг до Даневирке. Из них примерно половина возникла между 950 и 1025 гг., и, следовательно, этот период можно рассматривать как время расцвета рун в Дании.

В группу древнейших надписей (IX в.) входят, между прочим, надписи на камнях из Сноллелева на о. Зеландии, Флемлёсе и Хельнэса на о. Фюн. Ко времени около 900 г. относятся более длинные надписи из Трюгевэльде на о. Зеландии и Главндрупа на о. Фюн. Надписи представляют собой своеобразные заклинания, направленные против того, кто попытался бы повредить памятник. Надпись на главндрупском камне, поставленном на могиле вождя (*göði*), — самая длинная из всех датских надписей — содержит, кроме того, слова: «fir : uiki : þasi : runar»*.

К X в. относятся две надписи, найденные возле Еллинге в Ютландии, в которых речь идет о двух старейших исторически существовавших датских королях — Горме Старом и Харальде Синезубом. Первая, более древняя, надпись гласит: «kurmr : kuniukr : karþi : kuþl : þusi : aft : þigri : kuni : sina : tanmarkar : but:»**. Второй еллинг-

* «Да освятит Тор эти руны».

** «Горм король поставил этот памятник после [в память] Тюры, своей жены, спасительницы Дании»⁴⁶.

ский камень — великолепное произведение искусства. Надпись на этом камне гласит: «: haraltr : kuniukr : baþ : kauntua kubl : þausi : aft : kurm fafur sim auk aft : þaurui : miþur : sina : sa haraltr : ias : saq . uan . tanmaurk ala. auk . nuruiak . auk . tani karþi kristna»*.

Оба рунических камня вместе с находящимися рядом громадными могильными курганами принадлежат к замечательнейшим памятникам старины не только в Дании, но и во всей Скандинавии. К X в. относятся также камни с руническими надписями, найденные у Ведельспанга (южнее г. Шлезвига); эти камни поставлены на могиле короля Сигтрюгга, сына Гнупа; он был швед по происхождению и во времена короля Горма, т. е. незадолго до средины X в., управлял королевством, основанным шведскими викингами в районе старого Хедебю (в Шлезвиге). Около 1000 г. были поставлены камни с руническими надписями у Даневирке и Хедебю (один из них был поставлен королем Свеном Двубородым на могиле дружинника), а также камни, найденные у Хэллестада и Шёрупа в Сконе. Надпись на хэллестадском камне гласит: «: askil : sati : stin : þansl : ifti(r) : tuka : kurms : sun : sar : hulan : trutin : sar : flu : aigi : at : ub : salum satu : trikar : iftir : sin : bruf(ur) stin : q : biarki : stuþan : gunum : þir : kurms : tuka : kiku : nistir»**. Битва под Упсалой, о которой здесь идет речь, — известная битва на Фюрисских холмах между Эриком Победоносным и его племянником Стюрбьёрном Сильным, которому, как сообщают исландские саги, помогали датские войска.

В «период викингов» на скандинавских языках говорили в восточной Англии и в Нормандии поселившиеся там викинги, большею частью датчане. В это время большое количество заимствованных скандинавских слов вошло в английский язык. Их очень много в среднеанглийской религиозной поэзии Ормулум (*Ormulum*, около 1200 г.);

* «Харальд король велел поставить этот памятник после Горма, отца своего, и после Тюры, матери своей, — тот Харальд, который завоевал всю Данию и Норвегию и сделал данов христианами».

** «Эскиль поставил этот камень после Туке Гормсона, своего милостивого господина. Он не бежал под Упсалой. Воины поставили после своего брата камень на кургане, укрепленный рунами. Онишли ближе всех к Туке Гормсону».

нередко встречаются они и в английских средневековых юридических документах. Значительное количество этих заимствованных слов скандинавского происхождения до сих пор входит в словарный запас английского языка. Таковы, например, **fellow** «товарищ», **husband** «мужу», **sister** «сестра», **law** «закон», **root** «корень», **window** «окно», **sky** «небо», **wing** «крыло», **ill** «больной», **low** «низкий», **bound** «готовый» (например, **the steamer is bound for Amerika** «пароход направляется в Америку») из др.-норв. **búinn** «готовый», **die** «умирать», **hif** «находить», **take** «брать», **cast** «бросать», **call** «звать», **they** «они», **their** «их», **them** «им», **same** «тот же самый», **though** «хотя», **till** «до». Скандинавским заимствованным словом в французском языке является, например, **équiper** «снаряжать» (от сканд. **skipa** «приводить в порядок, снаряжать»). Многочисленные географические названия в Данелаге и в Нормандии также являются словами скандинавского происхождения.

Язык датских рунических надписей «периода викингов» в основном тот же, что и язык шведских и норвежских надписей того времени. Так, например, в нем сохраняется четырехпадежная система склонения. Однако, с другой стороны, здесь уже обнаруживаются и некоторые специфические черты: **h** отпадает (уже в IX в.) перед **r** (**roulfr**, имя собственное, — др.-исл. **Hrólfur**); в X в. происходит стяжение дифтонгов: **sten** «камень», **tufř** «мертвый» — др.-исл. **steinn**, **dauðr**; между **n** и **r** появляется вставное **d** (**mandr** «человек», ср. вин. п. **man**).

В Дании, так же как в Швеции, пользоваться родным языком для записей на пергаменте стали сравнительно поздно. Древнейшая дошедшая до нас рукопись, — по-видимому, так называемый «Рунический кодекс» (*«Codex runicus»*) конца XIII в. с записью «Сконского права» (*«Skaanske Lov»*). Он написан рунами⁴⁷, но явно представляет собой список с рукописи, выполненной латинским алфавитом. От начала XIV в. до нас дошли: вторая рукопись «Сконского права» — так называемая рукопись Хадорфа (*Hadorph*), рукопись монаха Иоганна Ютландца с двумя различными записями Зеландского права, носящими название «Зеландское право Вальдемара» (*«Valdemars sjællandske Lov»*) и «Зеландское право Эрика» (*«Eriks sjæ'!landske Lov»*), рукопись «Ютландского права» (*«Jydske*

Lov) и рукопись «Права города Фленсбурга» («Flensborg Stadsret»). Как видно, эти записи областных законов представляют различные области датского государства: Сконе, Зеландию, Ютландию, Шлезвиг. Почти такими же древними являются и некоторые фрагменты из сборника легенд и несколько медицинских книг, в первую очередь «Харпестрэнг» («Harpестreng»)¹⁸. Следует упомянуть также «Поземельную роспись короля Вальдемара» («Valdemars Jordebog»), сообщающую в датской форме тысячи географических названий и служащую, таким образом, богатым источником для датских топонимических исследований.

Язык этих древнейших датских рукописей значительно отличается от языка исландских и норвежских памятников того же времени; вместе с тем, он обнаруживает довольно явственные расхождения и с древнешведским. Этот язык не является единообразным для всей страны — на областных законах лежит ясный отпечаток диалекта определенной области. Общего для всего государства письменного языка еще нет.

Более ранний период древнедатского языка характеризуется следующими чертами: **p**, **t**, **k** после гласных сохраняются (**gripæ** «хватать», **bitæ** «кусать», **akæ** «ехать»); **th** и **t** различаются, в том числе и в начале слова: **thak** (др.-исл. **fak**) «крыша», но **tak** (др.-исл. **tak**) «возьми»; во всех случаях происходит стяжение дифтонгов: **ben** «кость», **øghæ** «глаз», **løsæ** «развязывать» (др.-исл. **bein**, **auga**, **leysa**). Так же как и в древнешведском языке, в нем отсутствует **u**-умлаут в таких случаях, как **sak** «вещь», **land** «страны» (др.-исл. **ɛɔk**, **lɔnd**), и **i**-умлаут в единственном числе настоящего времени и в претерите сослагательного наклонения сильных глаголов, например, **han takær** «он берет», **han varæ** «он был бы» (др.-исл. **tekr**, **væri**). Гласные окончаний **a**, **i**, **u** сохраняются в сконском диалекте; в зеландском же и в ютском они редуцировались и совпали в звуке **-ə**, обозначавшемся при помощи **æ**; **bægæ** «носить», **bondæ** «крестьянин», **varæ** «они были» (др.-швед. **bærga**, **bondi**, **varu**). В ютском диалекте (особенно в «Фленсбургском городском праве») этот гласный часто отпадает. Важнейшее различие между древнедатским и древнешведским языками раннего периода заключается в том, что система склонения существительных

и прилагательных в первом языке упростились. Окончание именительного падежа сохраняется только в некоторых случаях в «Сконском праве» (*þiufær* «вор» и т. д.); как правило же, именительный падеж в древнедатском языке всюду заменился винительным. В зеландском и ютском диалектах винительный падеж вытеснил также и дательный падеж, за исключением некоторых застывших оборотов: *a þingi* «на тинге», *at aræ* «до будущего года» и т. п., и существительное склоняется следующим образом: им., дат., вин. п. ед. ч. *thiuf* «вор», род. п. *thiufs*, все падежи мн. ч. *thiufæ*. Вследствие редукции гласных в окончаниях двусложные существительные (особенно в ютском диалекте) могут не склоняться: ед. и мн. ч. *ukæ* «неделя» и т. д. Склонение прилагательных сохранилось лучше: в сконском диалекте различаются четыре падежа, в зеландском и ютском формы дательного падежа исчезли. В отношении порядка слов и синтаксиса язык законов еще очень архаичен и сходен с древнешведским. Заемствования из нижненемецкого языка весьма немногочисленны, и характер словарного запаса чисто скандинавский.

Литература второй половины XIV и XV вв. бедна оригинальными произведениями. Она состоит по большей части из переводных памятников религиозного содержания: легенд, проповедей, молитвенников и нравоучительных произведений. Немало среди этой литературы встречается и переводов со шведского, сделанных в датских биргиттинских монастырях; в них мы находим много шведских слов и форм. К концу XV в. относятся «Датская рифмованная хроника» (*«Den danske Rimkrønike»*), напечатанная в 1495 г. и представляющая собой, таким образом, старейшую датскую печатную книгу, а также стихи священника Микаэля (*Mikael*). Хотя язык этого времени и представляет собой пеструю смесь старого и нового, различных диалектов, датского и иностранного, однако мы все же находим в нем начатки общего для всей страны письменного языка — в первую очередь канцелярского, опирающегося на языковые формы зеландских законов. Литературные памятники конца средних веков, и особенно рифмованная хроника, сильно способствуют победе зеландского диалекта при выработке нормы письменного языка.

В период позднего средневековья в датском языке происходят большие изменения, частично совпадающие с изменениями, имевшими место в древнескандинавском, а частично особые, приводящие к углублению различий между шведским и датским языками. Старое **ā>ö** уже около 1300 г., хотя написание **aa** сохраняется до сих пор; **ā** также превратилось в **o** перед **l**, **n** и **r**: **hollæ** «держать», **baand** «перевязь», **gaard** «двор»; **v>vo** перед **g** и **k**: **vogn** «повозка», **voxæ** «расты» (раньше **vagn**, **vaxæ**). Уже в древнейшем датском языке **iū** превратилось в **u** после **r** и **l**, следовавших за согласным (так же, как и в шведском), например, **bryde** «ломать», **flyde** «течь». В других положениях этот переход совершился в более позднее время. Еще в XVI и XVII вв. встречаются параллельно написания **biude** «предлагать» и **byde**, **Lius** «свет» и **Lys**, **siug** «больной» и **syg**, **siunge** «петь» и **syng** и т. п. В письменном языке в подобных словах постепенно побеждает **u**, что создает характерное отличие датского языка от шведского: **dyb** «глубокий» — швед. **djup**, **skyde** «стрелять» — швед. **skjuta**, **Dyr** «животное» — швед. **djur**, **Tyv** «вор» — швед. **tjuv** и др. Особо важное значение имеют некоторые изменения согласных: **p**, **t**, **k** после гласных перешли в **b**, **d**, **g** (например, скон. **grība** «хватать», **bīda** «кусать», **aga** «ехать»); в зеландском же и ютском диалектах развитие этих согласных продолжалось, и они перешли в **v**, **ð**, **z**, хотя, как правило, сохранялось более старое написание (**grībe** «хватать», **lōþe** «бежать», **bīde** «кусать», **æde** «есть», **age** «ехать», **tag** «возьми» стали произноситься **grīve**, **lōve**, **bīðe**, **æðe**, **aðe**, **tað**). Первоначальное щелевое **gh** после задних гласных превратилось в **w** (в современном датском языке пишется **v**), например, **law** «товарищество, цех» (др.-швед. **lagh**), **lawe** «приготовлять», **awe** «наказывать», **mawe** «желудок», **hawe** «сад»*, **low** «закон», **skow** «лес», **plow** «плуг», **lywe** «лгать» (др.-швед. **liugha**), **flywe** «летать» (др.-швед. **fliugha**); после **u** это **w** отпадает: **due** «годиться» (швед. **duga**), **flue** «муха» (швед. **fiuga**), **due** «голубь» (швед. **duva**), **stue** «комната» (швед. **stuga** «изба»). После передних гласных первоначаль-

* Так же произносилось **caw** «день», хотя, как правило, сохранилось старое написание **caȝ** (в современном литературном языке **Dag**).

ное щелевое *gh* превратилось в *i*, например, *vei* «путь» (др.-швед. *vægh*), *æie* «иметь» (др.-швед. *ægha*), *høi* «высокий» (др.-швед. *høgh*), *løi* «лгал» (др.-швед. *løgh*), *føi* «летал» (др.-швед. *føgh*). Щелевое *th* в начале слова превратилось в *t* (*tiuff*, *tyff* «вор»); *ld* и *nd* ассимилировались в *ll* и *nn* (*holle* «держать», *binne* «вязать»), хотя в написании, как правило, сохраняются *ld*, *nd*, которые вводятся также там, где первоначально были *ll*, *nn* (*falde* «падать», *finde* «находить» и т. д.). Краткий гласный удлиняется в открытом слоге, т. е., в частности, в двусложных словах типа *tale* «говорить», *bære* «носить», *leve* «жить», *vide* «знать». Повидимому, в это время в датском языке уже было такое ударение, как и сейчас. В речи против датчан, которую будто бы держал в 1510 г. Хемминг Гад (Hemming Gad)⁴⁹, он критикует их манеру говорить: «Они не изволят даже говорить, как все люди, а выталкивают слова так, словно они собираются кашлять»; видимо, эта характеристика указывает на так называемый датский *Stød*⁵⁰.

В области морфологии происходят следующие изменения: -з становится общим окончанием родительного падежа. Существительные среднего рода, оканчивающиеся на гласный, получают во множественном числе окончание -*r*, например, *riger* «государства». Большое количество существительных среднего рода, оканчивавшихся на согласный и имевших первоначально одинаковые формы в единственном и множественном числе, получают во множественном числе окончание -*e*: *huse* «дома», *lande* «страны», *bierge* «горы», *skibe* «корабли». Однако широкое распространение эти формы получают только в XVII в. Существительные, оканчивающиеся на -*ere*, утрачивают конечное -*e*: *dommer* «судья» вместо более старого *dommereg*.

В области порядка слов и синтаксиса происходят большие изменения, отчасти под латинским влиянием. Так же как и в морфологии, старое и новое стоят здесь зачастую рядом.

Лексика наводняется большим количеством немецких заимствований; в основном, это те же слова, что и в древнескандинавском и древненорвежском языках. Такой поток заимствованных слов был связан в первую очередь с сильным влиянием, исходившим от ганзейских городов.

ЛИТЕРАТУРА

a) Издания текстов

Lis Jakobsen og Erik Moltke, Danmarks Runeindskrifter, 1942.

L. Wimmer og Lis Jacobsen, De danske Runemindehäuser, Haandudgave, 1914.

«Danmarks Gamle Landskabslove», udg. ved Johs Brøndum-Nielsen, c 1920 г.

b) Словари

O. F. V. Lund, Det ældste danske skriftsprags ordforråd, 1897. Удовлетворительного словаря древнедатского языка до сих пор нет.

в) Грамматические работы

Johs. Brøndum-Nielsen, Gammeldansk Grammatik, тт. I—III, 1928—1935.

P. Skautrup, Det danske Sprogs Historie, 1944.

2. НОВОДАТСКИЙ ЯЗЫК

В новое время границы датской языковой области претерпели большие изменения. Как сказано выше, в Норвегии был введен датский литературный язык. Кроме того, по Роскильдскому миру (1658 г.) Дания уступила Швеции Сконе, Халланд и Блекинге. В этих областях датский язык в качестве официального и языка церкви было заменен шведским. Это произошло в течение одного поколения*. В Шлезвиге еще в средние века в результате иммиграции немецких чиновников, купцов и ремесленников в качестве письменного и разговорного языка городского населения распространился нижненемецкий. В XIV в. граф Герт ввел здесь в качестве административного языка немецкий. Реформация способствовала распространению немецкого языка за счет датского; нижненемецкий, а позже верхненемецкий был введен как язык церкви и в тех областях к югу от линии Фленсбург—Тённер, где

* О присоединении Сконе к Швеции см. J o h s . O t t o s e n , Skåne og Sønderjylland («Sønderjyske Aarbøger», 1890); K. F a b r i c i u s , Skaanes overgang, 1906; J. R o s é n , Hur Skåne blev svenskt, 1943.

население говорило по-датски. В дальнейшем немецкий язык становится здесь и языком школы. Большинство писателей-уроженцев Шлезвига писало по-немецки, немецкими же были в большинстве и те книги, которые здесь печатались, особенно в г. Шлезвиге и Фленсбурге. Поэтому в отношении литературного языка весь Шлезвиг со временем реформации был потерян для Дании. Народным же языком в северной части оставался датский, хотя языковая граница и передвигалась понемногу к северу. В первой половине XIX в. был германизован Ангель, область между Фленсбургом и г. Шлезвигом — повседневным языком населения стал здесь также немецкий.

Книгопечатание было введено в Дании в конце XV в. Однако более широкие размеры оно приняло лишь в период реформации. Крупнейшим литературным творением эпохи датской реформации является так называемая библия Кристиана III (1550 г.) — работа, коллективно выполненная рядом наиболее выдающихся писателей того времени; среди них следует особо отметить Кр. Педерсена (Chr. Pedersen) и Петруса Паладиуса (Petrus Palladius). Она отличается необычайно чистым, красивым языком. Создатели этой книги приложили много усилий, чтобы быть последовательными в орфографии и избежнуть дублетов. Этот перевод библии сыграл большую роль в развитии литературного, особенно церковного, языка.

Среди произведений светской литературы XVI в. следует упомянуть труды Андерса Сёренсена Веделя (Anders Sørensen Vedel, ум. в 1616 г.), в особенности его перевод Саксона (1575 г.)⁵¹. В XVII в. на действительно хорошем датском языке было написано лишь несколько произведений. Наиболее значительный языковый памятник этого времени — «Уложение Кристиана V» (1683 г.). Под влиянием идей гуманистов учёные стали писать исключительно по-латыни. Многие латинские слова вошли как заимствования в датский язык. Характерно, что языковед Педер Сюв (Peder Syv), получивший особую известность как издатель датских народных песен и пословиц, пишет в предисловии к своей книге «Искусство датского языка» («Den danske Sprøg-Kunst», 1685 г.): «Местами мы приводим целые фразы по-латыни, для того чтобы лучше разъяснить смысл». Усиливается также заимствование немецких слов.

Немецким языком пользовались при датском дворе особенно во второй половине XVII в. Он был широко распространен также в качестве разговорного языка в дворянских и бурггерских кругах. Естественно в этих условиях, что литературный язык изобиловал немецкими словами и оборотами. Большая часть из них впоследствии перестала употребляться, но многие прочно вошли в язык, и благодаря им датский словарный запас сильнее окрашен немецкими элементами, чем, например, шведский. Заемственные слова — латинские, немецкие, французские — накладывают свой отпечаток на датский литературный язык XVII в.

Чужеземный налет оказывается еще в сильной мере и на языке крупнейшего писателя первой половины XVIII в. Людвига Хольберга (L. Holberg). Значение Хольберга заключается прежде всего в том, что он создал, — правда, тяжеловесный и старомодный — литературный прозаический стиль. В своих комедиях он сумел передать характерные черты речи зеландских крестьян и копенгагенских бургеров. Далеруп пишет о значении Хольберга: «Язык Хольберга можно кратко охарактеризовать как язык первых лет XVIII в., доведенный до величайшего стилистического совершенства; он устраниет, насколько возможно, следы стародатского языка, которые в виде более или менее окаменевших остатков встречались в то время в письменном языке, и употребляет иностранные слова в чистой форме там, где датский словарный запас, поскольку он был ему известен, не мог выразить его мыслей. Однако в вопросах языка Хольберг, так же как и в литературе, не создал какой-либо «школы»; на его современников и на будущее оказала влияние орфография издателей, а не самого Хольберга, и более молодые из его современников пошли в своем языке иными путями, чем он».

Для датского литературного языка в период раннего новодатского, кроме сильной иностранной примеси, характерно также смешение старого и нового, традиционных языковых форм и более новых, частью чисто диалектных. Хольберг говорит в одном месте: «Наш датский язык заслуживает больше всего упрека за то, что он является текучим». Орфография была также чрезвычайно неупорядочена, особенно в рукописях. Между тем, лозунгами

XVIII в. в вопросах языка были его упорядоченность, единообразие, правильность. Это побудило ввести последовательное и в первую очередь единое правописание и отбросить орфографические дублеты. При этом, однако, выбор какой-то одной из ряда параллельно употреблявшихся форм часто бывал случайным и произвольным. Поэтому в датском литературном языке имеется много противоречий с точки зрения истории языка. Например, слово **Føde** «пища» сохраняет свою старую литературную форму (др.-дат. *føthæ*, швед. *föda*), а слово **Møje** «труд» имеет более позднюю, диалектную (ср. др.-дат. *møthæ*, швед. *möda*). То же со словами **Dag** «день», **Lag** «слой», **Plage** «мучение», **drage** «тащить», **fager** «красивый», с одной стороны, и **Lav** «товарищество, цех», **Lov** «закон», **Mave**, «желудок», **Have** «сад», **lave** «приготавлять» — с другой; первая группа слов сохранила традиционную, унаследованную от средних веков графическую форму. Формы типа **svømme** «плавать», **Tømmer** «строительный лес» противостоят форме **glemmte** «забывать» (др.-дат. *glømme*), **gømme** «прятать» (др.-дат. *gømme*); в диалектах мы встречаем также **glømme** и **gømme**. Такое же отношение мы наблюдаем между **stride** «бороться» (др.-дат. *striðhæ*), **lide** «страдать» (др.-дат. *lide*, др.-швед. *lifa*) и **bie** «ждать» (др.-дат. *bithæ*, *bide*); между **sige** «сказать» (др.-дат. *sighæ*) и **tie** «молчать» (др.-дат. *þighiæ*); между **vaagne** «проснуться» (др.-исл. *vakna*, швед. *vakna*) и **savne** «ощущать отсутствие» (др.-дат. *sagne*, швед. *sakna*). Имеется большое количество неверных образований по аналогии. После ассимиляции **ld**, **nd** > **ll**, **nn** (в таких словах, как **holde** «держать», **Kilde** «источник», **bindе** «вязать») сочетания **ld** и **nd** все же продолжали сохраняться в написании и были даже введены на письме вместо первоначальных **ll** и **pp**, например, в словах **snild** «хитрый» (др.-дат. *snel*), **kalde** «звать» (др.-дат. *kalla*), **Mand** «человек» (др.-дат. *man*), **Kvinde** «женщина» (др.-дат. *qwinne*), и вместо первоначальных **tl**, **tn**, например, **Nælde** «крапива» (др.-дат. *nædle*, др.-исл. *netila*), **Vand** «вода» (др.-дат. *vatn*, *van*), **Bund** «дно» (др.-дат. *bofn*). После того как **g** перестало произноситься в **følge** «следовать», **sørgе** «горевать» (произносятся *fölle*, *sörre*), буква **g** была введена в написание также таких слов, как **dølge** «скрывать» (др.-дат. *dylje*), **sælge** «продавать» (др.-дат. *sæliæ*),

spørge «спрашивать» (др.-дат. *spørjæ*), глагол **værge** «защищать» (др.-дат. *vægiæ*) и существительное **Værge** «защита».

Хольберга относят обычно к периоду раннего новодатского языка, который им и завершается. Около 1750 г. появилось новое течение, которое было направлено против иностранных заимствований и стремилось обогатить язык неологизмами, созданными на основе его внутренних ресурсов, выработать более легкий и естественный стиль и добиться менее запутанного построения предложений. В результате усилий представителей этого течения язык получил облик, более близкий к современному. Самыми выдающимися деятелями этого направления были философ Фр. Кр. Эйлшов (Fr. Chr. Eilschow) и Енс Снейдорф (Jens Sneedorff). Издававшийся ими с 1761 по 1763 г. журнал «Патриотический обозреватель» (*«Den patriotiske Tilskuer»*) был излюбленным чтением в высших кругах общества и оказывал влияние на язык этих кругов. Большинство новых слов, введенных в употребление так называемыми «очистителями языка», представляло собой переводы соответствующих верхненемецких слов. Таковы, например, **Blsag** «второстепенное дело», **Genstand** «предмет», **Omkreds** «окружение», **Digter** «поэт» (вместо *Poet*), **Forfatter** «писатель» (вместо *Autor*), **Selvstændighed** «самостоятельность», **Personlighed** «личность», **Lidenskab** « страсть», **Sindsbevægelse** «движение души», **Inbildningskraft** «воображение», **Valgsprog** «девиз», **regelret** «правильный», **virk-som** «действенный», **beundre** «восхищаться», **eftertænke** «задумываться над чем-либо». Некоторые слова были взяты из шведского (например, **Ettne** «вещество, материал» вместо *Materie*, **Øje** «судьба»; последнее слово, однако, не удержалось в языке) или из старого языка (например, **Gaade** «загадка», **Syssel** «занятие», **at rygte et ærinde** «выполнить поручение»). Некоторые слова были просто изобретены на основе датского словарного материала. Таковы, например, **Fordomm** «предрассудок», **Omdømme** «суждение», **Vindskibelighed** «предприимчивость», **sandsynlig** «очевидный», **almennytting** «общеполезный». Вокруг новых слов разгорелся спор, но все же большое количество из них удержалось в языке. Эти слова наложили столь же сильный отпечаток на датский язык того времени, как

латинские и французские слова на язык Хольберга и его современников. Одновременно пуристы добивались более ясного и непринужденного построения предложений, отказываясь от тяжеловесных латинских и немецких конструкций, столь обычных еще у Хольберга, и искали образцы для подражания у более новых, особенно французских, писателей. Можно сказать, что Снеедорф и его школа положили начало современному датскому прозаическому стилю.

Большую роль в развитии поэтического языка сыграл Иоханнес Эвальд (Jahannes Ewald, ум. в 1781 г.). В его творчестве сказалось влияние других скандинавских языков. В последующие годы это влияние все усиливалось (особенно после 1800 г.), что проявилось в сочинениях Элленшлегера (*Jhlenschläger*) и Грунтувига (*Grundtvig*). Многие слова были заимствованы литературным языком из датских народных диалектов, а также из шведского и норвежского. Таким образом, датский язык приобрел более скандинавский облик.

Из писателей более позднего времени, имевших влияние на развитие литературного языка, в первую очередь следует упомянуть Х. К. Андерсена (H. C. Andersen), С. Блихера (S. Blicher), С. Киркегора (S. Kierkegaard), Х. Драхмана (H. Drachmann), И. П. Якобсена (J. P. Jacobsen), Георга Брандеса (Georg Brandes), Х. Понтопидана (H. Pontoppidan) и Йох. В. Енсена (Jobs. V. Jensen). Современный датский язык чрезвычайно богато развит стилистически как в прозе, так и в поэзии.

Датское правописание с середины XVIII в. изменилось очень мало. Написание существительных с большой буквы по немецкому образцу стало обычным в XVIII в. Около 1870 г. было отброшено обозначение долготы гласных (вместо *Hius* «дом» стали писать *Hus*, вместо *troer* «верю» — *tror* и т. п.), однако *aa* было сохранено как знак для звука *o*. Первое официальное постановление по вопросам правописания появилось в 1889 г. В качестве орфографической нормы было взято написание «Датского карманного словаря» С. Грунтувига («Dansk Haandordbog», 1872 г.) и «Датского орфографического словаря» В. Собю (V. Saaby, «Dansk Retskrivningsordbog»), который позднее был несколько раз переиздан П. К. Торсеном (P. K. Thorsen) и

Й. Гладером (J. Glādter). Все изменения в произношении, произошедшие за последние 200 лет, являются следствием влияния орфографии. Формы воспроизведенного вслух письменного языка одержали победу над естественными разговорными формами. Что касается спряжения, то уже в средние века встречаются многочисленные примеры употребления форм единственного числа глагола с множественным числом подлежащего. По сообщению одной грамматики 1690 г. формы множественного числа употреблялись только жителями Сконе: *vi skule* «мы должны», *vi kunne* «мы можем», *vi finge* «мы получили», *vi ginge* «мы шли». Все остальные датчане употребляли в разговорной речи лишь единственное число: *vi skal*, *kan*, *fik*, *gik*. В письменном же языке формы множественного числа сохранялись еще и в XIX в. И только в 1900 г. министерство просвещения разрешило не употреблять в школах форму множественного числа*.

ЛИТЕРАТУРА

а) Словари

O. K a l k a g, *Ordbog over det ældre danske Sprog* (1300—1700), 1881—1918.

«*Ordbog över det danske Sprog*», udg. af Det danske Sprog- og Litteraturselskab, с 1919 г.

б) Грамматические работы

J. B y s k o v, *Dansk Sproglære*, 1910.

K r. M i k k e l s e n, *Dansk Ordføjningslære*, 1911.

E. R e h l i n g, *Det danske Sprog*, 1932.

в) История языка

V. D a h i e r u p, *Det danske Sprogs Historie*, 2 изд., 1920.

Более подробная библиография имеется в работе P. S k a u t - r u p, *Oversigt over de vigtigste hjælpemidler ved studiet af dansk sprog*, 1929.

* См. статью E. O x e n v a d в «Årsskrift för Modersmåls-lärgårdens förening», 1942.

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Шведским государственным, литературным языком (*rikssvenska* или *högsvenska*) называется как язык шведской литературы, так и тот общий разговорный язык, на котором теперь более или менее одинаково и единообразно говорят по всей стране, в противоположность меняющимся по областям народным говорам. Этот язык моложе говоров: он возник и развился на глазах истории. Предпосылки для создания единого для всей страны разговорного языка в нынешнем смысле слова возникли впервые в результате централизации культурной жизни в XVII в.⁵²; решающую роль при этом сыграло поселение двора и дворянства в столице. Вначале это был язык высших сословий, в первую очередь высших сословий в Стокгольме и в областях вокруг оз. Меларен. Постепенно он распространялся на остальные части страны, охватывая одновременно все более широкие слои народа. Это было связано с действием ряда культурных факторов: распространением грамотности, народной школы и вообще успехами народного просвещения, ростом связей и оживлением обмена между городом и деревней. Распространение общего разговорного языка сопровождалось появлением его разнообразных местных вариаций. В то же время он приобретал большую устойчивость в результате все возраставшего сближения с письменным языком. Последний стал, сознательно или бессознательно, той нормой, на которую равнялись при выборе между возможными вариантами произношения.

Значительно старше общегосударственного разговорного языка язык письменный. В области культурной жизни он был главным выражителем единства и самостоятельности страны.

На протяжении веков он был довольно сильно подвержен иностранным влияниям, шедшим из различных источников. Традицию шведского письменного языка можно проследить вплоть до средневековья.

Устная речь более раннего периода имеет свое прямое продолжение в современных диалектах. Диалекты представляют языковую традицию, возраст которой, с теоретической точки зрения, неограничен. Они являются той естественной почвой, на которой выросли культурные формы языка — письменный и устный государственный язык.

Историю шведского языка как самостоятельного мы можем проследить начиная от «периода викингов», так как именно в это время произошел распад праскандинавского языкового единства и язык главных шведских областей стал все явственнее отличаться от языка других частей Скандинавии. Язык «периода викингов» и средневековья обычно называют дре́вне́шве́дским (*fornsvenska*) в отличие от языка более позднего времени — но́вше́дского (*pysvenska*). Древнешведский период мы ради наглядности подразделяем на три этапа: рунический шведский (приблизительно 800—1225 гг.), классический древнешведский (приблизительно 1225—1375 гг.) и поздний древнешведский (приблизительно 1375—1526 гг.); новошведский аналогичным образом подразделяется на два этапа: ранний новошведский (1526—1732 гг.) и собственно новошведский (с 1732 г. до настоящего времени)*.

1. РУНИЧЕСКИЙ ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно 800 — 1225 гг.)

Древнейшие памятники шведского языка — это рунические надписи, выполненные младшим алфавитом из 16 букв**. Надписей, относящихся к IX и X вв., мало, однако среди них имеется важная и интересная по содержанию надпись на рёкском камне. Подавляющее большинство надписей относится к XI и началу XII в. Наиболь-

* О шведской языковой области см. Е. Wessén, *Våra folkmål*, стр. 7 и сл. Там же приводится карта.

** См. O. v. Friesen, *Runorna i Sverige*, 1928.

шее количество надписей (около 1000) было найдено в Уп-ланде, затем следует Сёдерманланд (около 375), Эстергётланд (около 250), Вестергётланд (около 200), Смоланд (около 100) и т. д. Если считать и более поздние рунические надписи (особенно много их было найдено на о. Готланде), то общее число шведских рунических надписей достигнет приблизительно 2500.

Большинство из них — краткие надгробные надписи, довольно стереотипно сформулированные. Многие содержат, кроме того, различные сведения, которые в совокупности дают очень ценную и разностороннюю картину культурных отношений того времени. Общий запас слов этих надписей поразительно велик. Исключительно богат здесь фонд личных имен. Несовершенство письма вызывает огромные затруднения при толковании и лингвистическом анализе надписей, так как звуков в языке было гораздо больше, чем букв в младшем руническом алфавите. Одной и той же руной обозначался глухой и соответствующий звонкий согласный (**b** и **r**, **t** и **d**, **k** и **g**, **f** и **v**, **þ** и **ð**) или гласный, подвергшийся умлауту, и гласный, сохранивший свое первоначальное качество (**a** и **ä**, **o** и **ö**, **u** и **y**). Долгота согласных не обозначалась. Таким образом, о ряде фонетических явлений мы не находим в материале надписей никаких сведений. Несмотря на бедность алфавита знаками, мы обнаруживаем в нем две руны для звука **g**: одна передает обычное **g** (например, **raisa** «поднимать, ставить», **þrófig** «брата», вин. п.), другая — палатализованное **r**, возникшее из того **s**, которое в прагерманское время в неударном слоге стало звонким (например, **þair** «они», **runar** «руны», **biarnar** — род. п. от имени собственного со значением «медведь», **lifir** «живет»). Архаической чертой рунического шведского языка является то, что еще в XI в. в надписях центральной Швеции сохраняются дифтонги в таких словах, как **stain** (соврем. **sten**) «камень», **austr** (соврем. **öster**) «восток» (см. др.-исл. **steinn**, **astr**). Monoфтонгическое написание становится все чаще к концу XI и в XII в., а в древнейших рукописях стяжение дифтонгов проведено уже во всех случаях: **sten**, **öster**. Стяжение дифтонгов начинается раньше всего в Дании (в IX в.) и в «период викингов» распространяется на север. Еще в одном отношении рунический шведский язык обнару-

живает совпадение со средневековыми западноскандинавскими языками (древненорвежским и древнеисландским): в нем еще не появился вставной гласный перед конечным *г* (например, *Ulfr* — имя собственное, буквально «Волк», *taufр* «мертвый», *ligr* «лежит», классич. др.-швед. *ulver*, *döfper*, *ligger*).

Имеющиеся в современном языке различия музыкального ударения между ед. ч. *broder* «брать» и мн. ч. *bröder*, инф. *ligga* «лежать» и наст. вр. *ligger*, между *söner* «сыновья» и *näster* «ночи» и т. д. уже существовали в это время. Мы называем эти типы музыкального ударения «ударением двусложных слов» («tvåstavighetsaksent», иначе «grav») и ударением односложных слов» («enstavighetsaksent», иначе «akut») потому, что первый тип имеют слова, бывшие в руническом шведском двусложными, а второй — бывшие односложными⁵³.

ЛИТЕРАТУРА

J. G. L i l j e g r e n, *Runurkunder*, 1833. Наиболее полный перечень шведских рунических надписей.

«Bautil», utg. av J. Göransson, 1750. Собрание гравированных изображений рунических памятников по рисункам, собранным в конце XVII в. Хадорфом (J. Hadorph) и Перингшёльдом (J. Peringskiöld).

R. D y b e c k, *Sverikes runurkunder*, 1860—1876. Изображения упланских рунических камней.

«Sveriges runinskrifter», utg. av K. Vitterhets Historie o. Antikvitets Akademien:

1. Ölands runinskrifter, 1900—1906.
2. Östergötlands runinskrifter, 1911—1918.
3. Södermanlands runinskrifter, 1924—1936.
4. Upplands runinskrifter, т. I, 1940—1943.

O. v. Friesen, *Runorna i Sverige*, 1928.

O. v. Friesen, *Upplands runstenar*, 1913.

O. v. Friesen, *Runorna* («Nordisk kultur», т. VI, 1933).
O. v. Friesen, *Rökstenen*, 1920.

2. КЛАССИЧЕСКИЙ ДРЕВНЕШВЕДСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно 1225 — 1375 гг.)

Письменные памятники шведского языка XII—XIII вв., этого важного периода, когда мировоззрение и жизненный уклад «периода викингов» окончательно уступают место

средневековой христианской культуре, очень немногочисленны. Их совершенно недостаточно для того, чтобы дать картину развития языка в этот период. Эпоха первых письменных памятников в Швеции начинается около 1225 г., т. е. более чем на сто лет позже, чем в Норвегии и Исландии, и, видимо, также позже, чем в Дании. Первые документы на шведском языке, для записи которых был применен латинский алфавит, — это законы, передававшиеся ранее в устной традиции. Так, «Вестгётское право» (*«Västgötalag»*) было записано, повидимому, в двадцатых годах XIII в. по распоряжению лагмана Эскиля, брата ярла Биргера. От списка, относившегося к 1225—1250 гг., сохранились лишь два листа*. Почти полностью сохранился текст «Вестгётского права» в рукописи 1280 г. (*Cod. Holm.*, В 59), представляющей собой самую старую шведскую книгу. Остальные областные законы дошли до нас в списках первой половины и середины XIV в. Древнейший список «Уложения короля Магнуса Эрикссона» (*«Magnus Eriks sons landslag»*) возник около 1350 г. Кроме рукописей законов, к этому времени относится только одна довольно большая рукопись (*«Codex Bureanus»*), содержащая части «Древнешведского собрания легенд» (*«Fornsvenska legendariet»*), а также несколько листов с «Откровениями Биргитты»⁵⁴, будто бы записанными самой Биргиттой. Кроме того, в этот период возникло еще несколько произведений, дошедших до нас, однако, лишь в более поздних списках или же в печатных изданиях. Таковы сочинение «О правлении королей» (*«Konungastyrelsen»*), изданное в 1634 г. Буреусом (*Joh. Bureus*) по рукописи, теперь утерянной, переложение «Пятикнижия», «Евфимиевы песни» (*«Eufemiasvisaorna»*) и так называемая «Эрикова хроника» (*«Erikskrönikan»*)⁵⁵. В некоторых отношениях, а именно, по своему словарному запасу и синтаксису, эти тексты также могут служить источником наших сведений о языке рассматриваемого периода.

Главной основой областных законов являлось устное право, сохранявшееся и передававшееся в стабильной форме от поколения к поколению. Поэтому язык

* O. v. Friesen, Vår äldsta handskrift på fornsvenska, 1904.

законов сохранил в общем простое построение фразы и особенности живого, непринужденного ритма устной речи. В средневековой шведской литературе законы представляют чрезвычайно своеобразный стилистический тип, наиболее архаичный и в то же время самый народный. К тому же, и в художественном отношении законы стоят несравненно выше всех других памятников того периода. Стилистическую традицию областных законов продолжают «Уложение Магнуса Эрикссона» и «Уложение 1734 г.». В них мы видим уже книжный юридический язык, основа которого уходит, однако, в глубокую скандинавскую древность. «Собрание легенд» и «Пятикингие» заложили основы религиозной прозы. Будучи памятниками переводными, они обнаруживают влияние языка оригинала, но вместе с тем и ряд характерных скандинавских черт, в особенности в словаре и синтаксисе. Сложные периоды по образцу латинских еще не получили в них широкого распространения. Между древней скандинавской поэзией с ее специфическими размерами (например, размером *fornyrðislag*) и средневековой поэзией с ее рифмой и размером народной баллады (*knittelvers*) нет никакого посредствующего звена ни в метрическом, ни в языковом отношении. В «Евфимиевых песнях» и «Эриковой хронике» мы встречаем новый стих, новый стиль, так же как и новые жизненные идеалы. П о э т и ч е с к и й я зык этих произведений отличается более современным характером, чем язык относящихся к тому же времени законов. Это находит свое выражение прежде всего в большом количестве заимствованных слов, а также в некоторых более поздних грамматических формах, в более обильном употреблении артикля, в порядке слов и т. д.

• Три стилистических типа старейшего древнешведского письменного языка — язык законов, язык религиозной прозы и поэтический язык — представляют три различных социальных слоя средневекового шведского общества, три разные культуры: старую крестьянскую культуру, церковь и модную рыцарскую культуру двора и аристократии. Однако грамотность в средние века ограничивалась главным образом узким кругом клириков. Крупный немецкий поэт средневековья Вольфрам фон Эшенбах сам был неграмотным. Другой немецкий поэт, Хартманн фон дер Ауе, который был рыцарем, хвалится тем, что он настолько

учен, что «может читать написанное в книгах». Упомянутого выше лагмана Эскиля один старинный список лагманов особо хвалит за то, что он «был учен, как хороший клирик». С другой стороны, до нас дошел судебный документ 1472 г., в котором «все члены государственного совета, умеющие читать», свидетельствуют, что этот документ верен. Таким образом, даже в конце средних веков вовсе не было само собой разумеющимся, что член государственного совета должен уметь читать*.

Книжники, которые первыми стали писать по-шведски на пергаменте, не были свободны от иноземных влияний. Латынь была языком церкви, «книжным языком», и латинские церковные книги появились в Швеции уже во времена Ансгара, первого проповедника христианства в Швеции (IX в.). Древнейший фрагмент «Вестгётского права» обнаруживает в начертании букв и в орфографии совпадение с современными ему норвежскими рукописями. В то же время возник и ряд рукописей в Вестергётланде, издавна связанном с Норвегией. В дальнейшем письмо и способы обозначения звуков развивались под влиянием современной латинской и нижненемецкой письменности, в конце же средневековья — под влиянием датской. Но уже раньше сказывается действие унифицирующих тенденций в самом шведском языке. В школах писцов при монастырях и соборах вырабатывается орфографическая и грамматическая традиция, которая все больше упрочивается. В результате этого диалектные расхождения, хотя они и существуют, бесспорно оказываются меньшими, чем можно было ожидать, учитывая характер литературы. Не всегда язык той или иной рукописи областного права можно рассматривать безоговорочно как отражающий особенности областного диалекта: две из рукописей «Упландского права» были,

* В «Правлении королей» подчеркивается, как важно князьям уметь «писать и читать письма и множество дел и счетов, потому что они не могут без этого править землями и народом». Линчёпингский епископ Хенрик Тидеманссон (ум. в 1500 г.) указывает в своих «Мудрых советах для ведения хозяйства», что «всех детей надо учить грамоте, от этого они становятся умными». Об уровне грамотности в средние века см. H. Hildebrand, Sveriges medeltid, т. II, стр. 426; G. Brandell, Svenska undervisningsväsendets och uppfostrans historia, т. I, стр. 197.

повидимому, написаны датчанами. Изменения, происходившие в разговорном языке, отражались письменными памятниками неполно и непоследовательно. Средневековые писцы большей частью работали механически, не проявляя большого стремления к точной передаче звуков. Естественный консерватизм письменного языка, его тенденция к нормализации и восприимчивость к иноземным влияниям — вот те факторы, которые следует в первую очередь принимать во внимание при попытке воссоздать картину развития разговорного языка на основе дошедших до нас письменных памятников.

Из рунического алфавита в древнешведскую графику вошел знак *þ*, обозначавший интердентальный щелевой, (например, в словах *þing* «ting, вещь», *riþa* «ехать»). Около 1375 г. он был заменен написаниями *th* и *dh*: *thing*, *ridha*. Сочетание *gh* обозначало щелевой звук, например, в *øgha* «глаз», *lagh* «закон». Долгота звука часто передается удвоением буквы (например, *naal* «игла»), но согласный на конце слова не удваивается (ср., например, *fal* «падение» и *falla* «падать») в противоположность нынешнему написанию (*fall*).

По сравнению с руническим шведским языком в классическом древнешведском языке произошли, между прочим, следующие изменения:

1. Произошло стяжение дифтонгов; *e* перешло в *æ*, например, *vægher* «дорога» (др.-исл. *vegr*), *læsa* «читать» (др.-исл. *lesa*); *ia* во многих случаях перешло в *iæ*, *lu* в *u*, например, *hiærta* «сердце» (др.-исл. *hiarta*), *bryta* «ломать» (др.-исл. *brióta*); произошло преломление *y>lu*, например, в *siunga* «петь» (др.-исл. *syngva*).

2. Между согласным и *r* появляется вставной гласный, например, *vægher* (др.-исл. *vegr*); появляются также вставные согласные *d*, *b*, *p*, например, *aldra* «всех» (род. п. от *allir*), *andrir* «другие» (мн. ч. от *annan*), *himblar* «небеса» (мн. ч. от *himil*), *hambrar* «молоты» (мн. ч. от *hamar*), *namprn* «имя» (ср. глагол *nampa* «называть»).

3. Палатализованное *-t* (рунич. *r*) отпадает (особенность диалектов Гётланда), чаще всего после *a*, например, *hæsta* «лошади» (в других диалектах *hæstar*), *han kasta* «он бросает», реже — после *i* или *u*, например, *goþi(r)* «добрые», *vi* «мы», *syndi(r)* «грехи», *dömi(r)* «судит», *gatu(r)* «улицы» и т. д.

От современного ему исландского языка древнешведский отличается, кроме того, следующими чертами: в древнешведском языке мы часто имеем **и** в тех случаях, когда в исландском стоит **io**, например, **skinta** «стрелять», **lius** «свет» (др.-исл. **skiðta**, **liðs**); реже проходит **а**-умлаут (особенно в восточных областях): **brut** «перелом», **kul** «уголь», **stukker** «ствол, бревно» и т. п. (др.-исл. **brot**, **kol**, **stokkr**); в настоящем времени сильных глаголов умлаут отсутствует: **skinter** «стреляет» (др.-исл. **skýtr**); в ряде случаев происходит устранение **и**-умлаута под влиянием аналогии: **land** «страна», мн. ч. **land**, дат. п. мн. ч. **landum** (др.-исл. **land**, **lǫnd**, **lǫndum**).

Существительные древнешведского языка делятся по роду на три группы (мужской, женский и средний род), отличающиеся разным склонением как самого существительного, так и сопровождающих его определений (**foter** «нога» — **han** «он», **hand** «рука» — **hon** «она», **skip** «корабль» — **þæt** «оно»). Существительные и прилагательные имеют формы четырех падежей (именительного, родительного, дательного и винительного), например, им. п. ед. ч. **staver** «палка», **bok** «книга», **barn** «ребенок», род. п. **stafs**, **boka(r)**, **barns**, дат. п. **stavi**, **bok**, **barni**, вин. п. **staf**, **bok**, **barni**; им. п. мн. ч. **stava(r)**, **bøker**, **barn**, род. п. **stava**, **boka**, **barna**, дат. п. **stavum**, **bokum**, **barnum**, вин. п. **stava**, **bøker**, **barn**. Определенная форма существительных образуется присоединением склоняемого местоимения: **stafrin** «эта палка», **bokin** «эта книга», **barnit** «этот ребенок»; род. п. **stafsins**, **bokinna(r)**, **barnsins** и т. д. От исландского языка отличаются две формы: 1) род. п. ед. ч. ж. р., например, др.-исл. **handarinnar** «этой руки» — др.-швед. **handinna(r)** и 2) дат. п. мн. ч., например, др.-исл. **fötum** «ногам» — др.-швед. **fotumin**.

У глаголов слабого спряжения и в настоящем времени глаголов сильного спряжения все три лица единственного числа совпали в одной форме, например, **iak** (фи, **han**) **skiuter** «я стреляю» и т. д. Однако в прошедшем времени сильных глаголов 2 л. ед. ч. еще сохраняет особую форму: **iak** (**har**) **sköt** «я (он) стрелял», но **þi sköst** «ты стрелял». Во множественном числе формы трех лиц различаются во всем спряжении: **vi skintum** «мы стреляем», **I skilutin** «вы стреляете», **þe skiuta** «они стреляют».

Синтаксис сохраняет ряд архаических черт даже в сравнении с исландской прозой. Преобладает сочинительная, паратактическая связь предложений; придаточные предложения встречаются редко, причем только некоторых, более элементарных типов. Обычны бессоюзные придаточные предложения, отличающиеся от главных только порядком слов.

3. ПОЗДНИЙ ДРЕВНЕШВЕДСКИЙ ЯЗЫК (приблизительно 1375—1526 гг.)

В жизни языка периоды бурного развития, периоды быстрых изменений сменяются временами относительной устойчивости, по крайней мере кажущейся. За крупными сдвигами, произошедшими в конце эпохи переселения народов, последовал относительно спокойный период, длившийся несколько столетий. Древнейший шведский литературный язык называется «классическим» именно потому, что он характеризуется известной устойчивостью в своем развитии. Он представляет собой, в общем, архаический тип языка с богато развитой флексивной системой и простым синтаксисом⁵⁶. Рунический шведский и классический древнешведский языки носят вместе название раннего древнешведского в отличие от позднего древнешведского, или среднешведского, к рассмотрению которого мы и переходим. В период среднешведского языка в нем снова совершаются крупные перемены. Так как эти перемены в различных областях происходят в разное время и протекают неодинаково, в языке возникают новые диалектные различия. Именно в этот период и появляются многие из наиболее характерных особенностей современных шведских диалектов. В общем, импульсы языковых изменений идут с юга на север, и поэтому нововведения особенно многочисленны и ранее всего появляются в Гётланде. В письменном языке происходит борьба между старым и новым, между орфографической традицией и написанием, соответствующим произношению.

Значительная часть письменных памятников рассматриваемого периода связана с монастырем в Вадстене, в Эстергётланде. Они в основном религиозного содержания: это — библия, легенды, молитвенники, сочинения для назидательного чтения. К этому присоединяется светская

литература в стихах и прозе: рыцарские романы, рифмованные хроники, медицинские книги, ряд сочинений Педера Монссона (Peder Månssoн), собрание пословиц и т. д. Более старые рукописи, вышедшие из Вадстенского монастыря (например, так называемый «Codex Oxenstierna», Cod. Holm., A 110), отличаются последовательностью орфографии и консерватизмом в вопросах фонетики и грамматики. Сосредоточенная в монастыре литературная деятельность способствовала, конечно, выработке прочной традиции. Написанию вадстенских писцов подражали и в других областях страны. Рукописи оригинальных памятников в этот период редки; одно из немногих оригинальных произведений — так называемая «Книга Ёнса Будде» («Jöns Buddes bok»). Основную массу памятников составляют переводы, и этот факт имел очень большое значение для истории языка. Письменный язык подпадает в сильной мере под влияние латыни как в синтаксическом, так и в стилистическом отношении. Поэтому построение предложений становится часто запутанным и искусственным. Стиль приобретает черты известной растянутости и многословия. Появляются искусно построенные периоды, части которых соединены между собой сложными логическими связями. Письменный язык постепенно превращается в орудие культурной жизни в различных ее формах. В общем, влияние латыни все время возрастает и достигает кульминационной точки в позднем языке Вадстены, в котором, в частности, обильно употребляются причастные обороты.

Очевидно, по примеру Норвегии, в период унии в XIV в. народный язык стал использоваться в качестве языка деловых документов⁵⁷. Древнейший частный документ на шведском языке относится к 1343 г., но лишь в шестидесятых годах шведский язык как язык документов получает большее распространение, чем латынь. Развивается официальный канцелярский язык. Для этого языка характерны скованность определенными формулами и подражание иностранным образцам (нижненемецкому, датскому), но в то же время он не так консервативен, как литературный язык Вадстены. Ряд черт, свойственных разговорному языку, встречается особенно часто в частной переписке (письма Хемминга Гада, Ганса Браска) и в документах городских канцелярий. Во время

регентства Стуре на шведский канцелярский язык оказывает сильное влияние датский. Шведские слова часто пишутся в датской форме (*rige* «государство» вместо *rike*, *lighueul* «однако» вместо *likuel*, *bruge* «употреблять» вместо *bruка*, *skib* «корабль» вместо *skip*), в окончаниях широко употребляется *e*. Варварская орфография проектирует путь для общего языкового распада. Часто трудно добраться до смысла этих запутанных документов, языка которых нередко представляет собой пеструю смесь шведского, нижненемецкого и датского.

Для письменного языка религиозных памятников наиболее характерны особенности эстрагётского диалекта, например, отпадение *-r* на конце слова (*hæsta* «лошади» вместо *hæstar*). Черты других диалектов выступают в текстах, написанных за пределами Вадстены (грамоты, документы городских канцелярий и др.). К концу средних веков все чаще проявляются языковые особенности, свойственные областям, расположенным вокруг оз. Меларен, например, формы с *-r* на конце (*hæstar*) и т. п.

Из изменений, произошедших в этот период в звукоевой системе, необходимо упомянуть следующие наиболее важные:

1. Происходит сдвиг долгих гласных заднего ряда. Сначала совершается переход *ā>å*, например, в словах *bater* «лодка» (соврем. *bát*), *sar* «рана» (соврем. *sár*); буква *å*, однако, входит в употребление лишь с 1526 г. Далее, *ö* в таких словах, как *bok* «книга», *bonde* «крестьянин», начинает произноситься более закрыто, приближаясь к звуку *ū* (согласно фонетической транскрипции, принятой для современного языка, *ø*). Краткое же *o* сохраняет свое прежнее, более открытое произношение (например, *folk* «народ»), но в некоторых случаях оно затем удлиняется (например, *sova* «спать», *son* «сын» теперь произносятся *so:vá*, *so:n*). Еще позже изменяется произношение звука *ū*. Из заднего гласного (произносившегося примерно как *u* в нем. *Kuh* «корова») развивается своеобразный гласный переднего ряда, например, в *hus* «дом».

2. Краткое *a* также переходит в *o* (в современной орфографии *å*) перед некоторыми группами согласных, например, в *gardher* «двор», *langer* «длинный», *halda* «держать» (соврем. *gård*, *lång*, *hålla*).

3. Гласные окончаний *i* и *u* сохраняются после краткого слога, но редуцируются соответственно в *e*, *o* после долгого; ср., например, дат. п. *gudhi* «богу» и *gardhe* «двору»; мн. ч. *gatur* «улицы» и *kyrkior* «церкви»; *the ridhu* «они ехали верхом» и *the foro* «они ехали». Это явление так называемого «равновесия гласных» последовательно проходило, повидимому, во всей восточной Швеции. «Равновесие гласных» распространялось также и на *a*: после краткого слога *a* часто удлинялось и превращалось в *o* (например, *givo* «давать», *komo* «приходить»), после долгого же — редуцировалось в *æ* (например, *gangæ* «ходить»). На письме, однако, последнее явление отражается редко, а в языке Вадстены во всех случаях употребляется *-a*. В начале нового времени окончание *-a* стало восприниматься как характерный признак шведского языка в отличие от датского.

4. Изменяются количественные соотношения в слоге: свойственные древним скандинавским языкам краткие слоги (краткий гласный + краткий согласный) удлиняются. При этом в словах с коренным гласным *a* и *æ* всегда удлинялся гласный (например, в *gaf* «дал», *tala* «говорить», вин. п. *vægh* «путь»); если в корне был какой-либо другой гласный и за ним следовали согласные *k*, *p*, *t* или *s*, то в говорах Гётланда происходило удлинение гласного, в говорах же Свеаланда часто удлинялся согласный (например, *skip* «корабль» >*skeep*, *skepp*; *drüpí* «капля» >*dräpe*, *droppe*).

5. Краткие закрытые гласные *i*, *y*, *u* раскрылись в *e*, *ø*, *o* (например, *fridh* «мир» >*fredh*, *liv* «жить» >*leva*, *stydh* «опора» >*stödh*, *sydher* «юг» >*söther*, *hügh* «мысли, ум» >*hogh*, в современной орфографии *håg*). Однако в центрально-шведских говорах этот переход не имел места, если соответствующий слог был долгим (гётск. *fesk* «рыба» — упланд. *fisk*), а также если за ним следовало *i* или *u* (гётск. *drevet* — супин от *dreva* «гнать», *veker* «недели», *möket* «очень», *nökel* «ключ» — упланд. *drivi*, *vickur*, *mycki*, *puskil*).

6. *th>t*, например, *thing* «вещь» >*ting*.

7. В неударном слоге *k>gh*, *t>dh* (позже такое *dh* иногда отпадает). Второй из этих двух переходов особенно характерен для говоров Свеаланда. Примеры: *Swea rike*

«Швеция» (буквально «государство свеев») >*Swerighe*; *lan-*
dit «страна» (с определенным артиклем) >*landedh* >*larde*',
 супин от *kasta* «бросать» — *kastat* >*kastadh* >*kasta'*.

Важнейшие изменения в области морфологии заключаются в упрощении склонения существительных: четырехпадежная система склонения заменяется двухпадежной. В единственном числе у сильных существительных винительный падеж превратился в основную падежную форму, например, *staf* «палка» (ср. старый им. п. *staver*), *dagh* «день» (старый им. п. *dagher*); у слабых существительных основной падежной формой становится иногда именительный падеж (особенно часто в гётских говорах), иногда винительный (особенно часто в свейских говорах), например, *boghe* «дуга» (старый им. п.) или *bogha* (старый вин. п.). Окончание *-s* стало общим признаком родительного падежа, в том числе у существительных женского рода и во множественном числе, например, *værlden-*
nes «мира», *mænniskionnes* «человека», *karlannas* «мужчин», вместо более старых *værldinnar*, *mænniskionar*, *karlanna*). Аналогичные изменения происходят и в склонении прилагательных и местоимений.

Словарный запас также сильно изменяется. В частности, в ходе культурного развития в языке проникает много заимствованных слов. Кроме того, много иностранных слов и выражений было усвоено еще раньше в результате христианизации. Большинство из них было латинского или греческого происхождения. Из этого слоя заимствований в современном языке сохранились, например, *brev* «письмо, послание», *skola* «школа», *paradis* «рай», *kloster* «монастырь», *kyrka* «церковь», *mässa* «месса», *kors* «крест», *ängel* «ангел», *djävul* «дьявол», *biskop* «епископ», *predika* «проповедывать», *skriva* «писать». Некоторые слова были почерпнуты в период христианизации из тех древних германских языков (древнесаксонского, древнеанглийского), на которых говорили прибывшие в Швецию миссионеры. Таковы, например, слова: *människa* «человек», *helgon* «святой», *bikt* «исповедь», *döpa* «крестить», *lära* «учить». В результате влияния христианской идеологии значение ряда шведских слов, таких, например, как *gud* «бог», *ande* «дух», *himmel* «небо», *helvete* «ад», расширилось или коренным образом изменилось.

В средние века было заимствовано большое количество нижненемецких слов, в первую очередь относящихся к сфере торговли, ремесла, государственного управления, рыцарской культуры, а также множество других слов повседневного обихода; к этим заимствованиям относятся современные: *skåp* «шкаф», *bädd* «постель», *dräkt* «одежда», *rock* «сюртук», *stövel* «сапог», *pung* «кошелек», *tvist* «спор», *frukost* «завтрак», *socker* «сахар», *skinka* «ветчина», *språk* «язык», *släkt* «род», *grov* «грубый», *smal* «узкий», *kort* «короткий», *klar* «ясный», *klen* «слабый, хилый», *fri* «свободный», *from* «добродушный, набожный», *bliva* «становиться», *arbeta* «работать», *fråga* «спрашивать», *smaka* «иметь вкус», *sluta* «кончать», *bruка* «употреблять», *pläga* «иметь обыкновение», *sakta* «тихий», *sådan* «такой» и т. д. Несомненно, что эти немецкие слова (в ряде случаев заменившие старые шведские слова) вначале принадлежали изысканному языку дворянства и бургерства и лишь постепенно проникли в язык крестьян. Из немецкого языка были заимствованы целые группы слов, образованных одинаковым способом, вместе с которыми в шведский язык вошли живые словообразовательные средства: приставки, *be-*, *bi-*, *för-*, *und-* и окончания *-inna*, *-ska* (для обозначения лиц женского пола), *-ande*, *-else*, *-eri* (для обозначения отлагольных абстрактных существительных), *-het* (суффикс абстрактных существительных, образованных от прилагательных), глагольный суффикс *-era*⁵⁸.

ЛИТЕРАТУРА

а) Издания текстов

Древнешведские законы—см. С. J. Schlyter в «*Sveriges gamla lagar*», тт. I—XIII, 1827—1877.

Значительная часть остальной литературы опубликована в «*Samlingar utg. av Svenska fornskriftsällskapet*» (с 1844 г.).

Государственные и частные документы изданы в следующих сокращениях:

«*Diplomatarium svecanum*», тт. I—VI, 1829—1921, охватывает период вплоть до 1354 г.

«*Svenskt diplomatarium, Ny serie*», тт. I—IV, 1875—1904, охватывает время с 1400 по 1420 г.

«*Bidrag till Skandinaviens historia under unionstiden*», utg. av C. G. Styffe, тт. I—V, 1859—1884.

Более подробные сведения о рукописях и об их изданиях можно найти у R. Geete, *Fornsvensk bibliografi*, тт. I—II, 1903, 1919; см. также V. Gödele, *Sveriges medeltidslitteratur*, 1916.

S. Jansson, *Svenskt skrivskick under medeltiden och fram till våra dagar* (Svend Dahl «Bibliothekshndbok», изд. S. Bring, т. I, 1924, стр. 107 и сл.).

б) Словари

Schlyter, *Sveriges gamla lagar*, т. XIII, *Ordbok*, 1877.
K. F. Söderwall, *Ordbok öfver svenska medeltidsspråket*, тт. I—III, 1884—1918, дополнения с 1925 г.

в) Важнейшая грамматическая литература

J. E. Rydqvist, *Svenska språkets lagar*, тт. I—VI, 1850—1883.

K. F. Söderwall, *Hufvudepokerna af svenska språkets utbildning*, 1870.

A. Kock, *Studier öfver fornsvensk ljudlära*, тт. I—II, 1882—1886.

A. Kock, *Svensk akcent*, 1878—1895.

A. Kock, *Svensk ljudhistoria*, тт. I—V, 1906—1929.

A. Noreen, *Altschwedische Grammatik*, 1904.

Geete, *Fornsvensk bibliografi* и ежегодные библиографические обзоры в «*Arkiv för nordisk filologi*» и «*Acta Philologica Scandinavica*».

4. РАННИЙ НОВОШВЕДСКИЙ ЯЗЫК (1526—1732 гг.)

Важные события, ознаменовавшие начало нового времени⁵⁹, имели решающее значение и для развития шведского языка. Политическая самостоятельность и ликвидация экономической зависимости от Ганзы спасли шведский национальный язык (ставший вместе с тем и языком богослужения вместо латыни) *. Книгопечатание создало новые условия существования для шведского письменного языка; правда, оно появилось в Швеции только в конце XV в. Первое произведение на шведском языке было напечатано в 1495 г. — трактат «Об искущении дьявола» («Aff dyäffwlsens frästilse»); второе появилось в 1514 г. Однако полного значения новое изобретение достигло только благодаря реформации, для которой печатное слово стало мощным орудием распространения идей. Книгопечатание, естественно, оказывало воздействие и на самую языковую

* В защиту употребления шведского языка при богослужении выступает со специальным полемическим сочинением Олаус Петри⁶⁰.

форму: текст, напечатанный в большом количестве экземпляров и читаемый многими, требует более тщательного к себе подхода, чем рукописный текст; он требует большей упорядоченности, между прочим, и в орфографии.

Основными типами письменного языка в период раннего новошведского были, как и раньше, язык религиозный (язык библии) и канцелярский. Основа новошведской литературной нормы была заложена переводом «Нового завета» в 1526 г., но еще большее значение получила «Библия Густава Васы» (*Gustav Vasas Bibel*) 1540—1541 гг. В орфографии и грамматических формах здесь были достигнуты значительное единство и последовательность, вначале в последней части «Нового завета» (так называемый «нормализованный язык»), а затем, в большей степени, в «Библии Густава Васы». Повысилась роль разговорного языка областей вокруг оз. Меларен, что сказалось и на переводе библии *. Это означало разрыв со старой традицией. Однако в других отношениях связь с этой традицией, особенно с ранним языком Вадстены (конец XIV — начало XV в.) и языком областных законов, не была нарушена. При переводе библейского текста стремились к торжественности и поэтому часто сознательно выбирали устаревшие формы (например, *widh* «при», *idher* «ваши», *fridh* «мир» вместо *wedh*, *edher*, *fredh*). Особенно относится это к морфологии. Язык «Нового завета» отличается несколько более современным характером, обнаруживая пеструю смесь старого и нового, в то время как «Библия Густава Васы» односторонне воздействует на грамматическую норму в направлении ее архаизации. Так, в этой библии употребляются архаичные формы существительных с определенным артиклем (например, *konunganar* «короли», *menniskionar* «люди»), родительного падежа (*mins faðhers* «моего отца», *thens stora stadzens* «большого города», *eens daddz manz* «мертвого человека»), архаичные глагольные формы (*tu skalt*, *kant*, *wilt* «ты должен, можешь, хочешь», *the sungo* «они пели» в противоположность *the siungo* «Нового завета») и т. д. Данизмы тщательно избегаются:

* Деятели реформации происходили из этих мест: братья Петри (*Petri*) из Нэрке, Лауренциус Андреэ (*Laurentius Andreæ*), повидимому, из Вестманланда. Их работы печатались в Стокгольме и Уппсале.

е вместо а в окончаниях в «Новом завете» встречается очень редко, в «Библии» вовсе не встречается. С другой стороны, словарь и фразеология этих памятников обнаруживают известное влияние со стороны немецкой библии. Особенно заметно это влияние в «Библии Густава Васы». Оно проявляется в первую очередь в порядке слов придаточных предложений: личная форма глагола часто ставится в конце предложения, например, *sedhan han alt förtärdt hade* «после того как он все съел», *tå han än nw longt ifrå war* «так как он был еще далеко» и т. п. Такое построение предложений чуждо шведской речи, но вследствие влияния библии становится обычным в языке прозаической литературы. С другой стороны, все яснее выступает стремление к простоте и естественности выражения. Перевод библии имел большое значение для развития синтаксиса и стиля шведского литературного языка: причастные обороты, ставшие под влиянием латинских образцов столь обычными в средневековом шведском языке, исчезают, конструкция предложения упрощается, и порядок слов становится в целом более естественным.

«Библия Густава Васы» получила широкое для своего времени распространение и оказала на развитие письменного языка большее влияние, чем другие книги в шведской литературе. Она на долгое время определила норму языка. Она же составляет основу всех последующих изданий библии вплоть до нашего времени. «Библия Карла XII» (1703 г.), которой шведская церковь пользовалась до 1917 г., не была совершенно новым и самостоятельным переводом, и ее текст очень мало отклоняется от «Библии Густава Васы». Язык в издании 1703 г. также подвергся лишь несущественным коррективам: вряд ли они идут дальше орфографии и замены некоторых форм.

Из деятелей реформации особенно активно выступает (с 1526 г.) как писатель Олаус Петри. Несомненно, он был крупнейшим писателем Швеции XVI в. Стиль его прозы ясен, точен, строг и в то же время очень индивидуален и проникнут глубокой убежденностью. Его стихотворные произведения — псалмы и драма на библейский сюжет *«Tobiæ comedia»* — не принадлежат к его лучшим творениям. Светская литература в XVI в. немногочисленна: важнейшие ее произве-

дения — две хроники Олауса Петри и Педера Сварта (Peder Swart). Эти хроники не были, однако, напечатаны.

Начиная с этого времени мы встречаем все меньше местных и индивидуальных отклонений от языковой нормы, особенно в печатных произведениях. Орфографическая и грамматическая последовательность в рукописных текстах была значительно меньшей, чем в печатных. Это объясняется отчасти влиянием канцелярского языка. Характер канцелярского языка, конечно, менялся и у отдельных лиц и в разные периоды его существования, но все же и в нем была известная связующая традиция, и он представлял собой особую форму шведского письменного языка наряду с языком библии, от которого он отличался во многих отношениях. В XVI в. канцелярский язык сохраняет еще ряд данизмов (например, частое *е* в окончаниях) и беспорядочную орфографию. Для него характерно употребление лишних букв, а также ничем не ограниченное заимствование иностранных слов. Построение фразы часто тяжеловесное и сложное. Зато канцелярский язык свободен от той тенденции к архаизации, которая отличает язык библии; поэтому морфологическая система канцелярского языка оказывается ближе к современной.

В XVII в. литература на шведском языке становится богаче и разнообразнее. Шернхельм (O. Stiernhielm)⁶¹ заложил не только основы новой метрики, но в известной мере и основы поэтического языка. В драмах, например, в «Дарии» Бёрка (Börk), и у некоторых поэтов, например, у Дальшерны (Dahlstierna), у Руниуса (Runius), язык нередко бывает близок к естественной разговорной речи. Но в общем, проза XVII в. тяжеловесна и лишена гибкости. Из королей династии Васа живой интерес к родному языку проявляли особенно Иоганн III и Густав Адольф. Новый церковный устав 1575 г. подчеркивает важность чистоты языка*.

* «Чтобы мы могли сохранить для себя и для потомков наш шведский язык чистым и правильным, без примеси какого-либо другого чужеземного языка, будь то латынь или немецкий, ничто не должно появляться в печатном виде, прежде чем оно не будет внимательно просмотрено и одобрено кем-либо из епископов. Поэтому ни в коем случае нельзя разрешать кому бы то ни было печатать шведские книги за границей, а те шведские книги, которые уже были там напечатаны, должны быть полностью запрещены, чтобы никто их не покупал и не продавал».

Сигизмунд перед своим отъездом в Польшу должен был обещать в Кальмарском статуте 1587 г., что иностранные слова и выражения не будут примешиваться к шведскому языку, для того чтобы он сохранялся таким же чистым и неиспорченным, каким был во время его отца*. На службе у Густава Адольфа состоял переводчик, задачей которого было переводить для печатания полезные книги по вопросам литературы, истории и некоторых других наук.

В мемориале антиквариям Швеции 1630 г. Густав Адольф обязывает их, между прочим, собирать материал для шведского словаря. Для этой цели они должны «точно записывать названия всевозможных земледельческих орудий, орудий рыболовства, кузнечных и столярных материалов, корабельных снастей и прочих подобных вещей. Так же следует записывать названия всех городов, приходов, сел, лесов, рек, озер, гор, островов, мысов, земель, спрашивая при этом, откуда они получили свое имя». Густав Адольф хотел создать при университете в Упсале особую професссию шведского языка; правда, осуществить этот план тогда не удалось.

Под влиянием настроений «периода великодержавия»⁶² ученые начинают чаще пользоваться шведским языком вместо латыни. Улов Рудбек (*Olov Rudbeck*) своей вступительной речью в 1677 г. вводит шведский язык в стены Уppsальского университета**. Рудбек также собирался опубликовать свою «Атлантиду» только на шведском языке, хотя он все же приложил к ней латинский перевод. Однако писать академические сочинения на шведском языке начинают лишь в эпоху просвещения.

В эпоху Ренессанса усилия ученых различных стран были направлены к тому, чтобы при помощи грамматиче-

* См. «*Sveriges traktater*», т. V, 1, стр. 55.

** В этой речи между прочим говорится: «Я собирался обращаться к вам, милостивые государи, на латинском языке, как не раз делал это раньше; но я до сих пор ни в одной книге не нашел, чтобы Аристотель или Цицерон оказывали подобную честь гётскому или скифскому языку, который ведь тоже принадлежит к числу самых древних... И так же как они на своем родном языке, я приветствую всех вас, милостивые государи, на добром чистом шведском, на нашем родном языке».

ских работ придать большую устойчивость нормам родного языка.

Тогда же, в XVII в., возникают новые идеи в области воспитания, представителем которых является в первую очередь чех Ян Амос Коменский (Комениус). Сторонники нового направления настаивают на необходимости живых практических знаний вместо ученого педантизма. В Швеции также впервые выдвигается требование ввести в школе обучение родному языку наряду с латынью. Пионером в этой области, как и во многих других областях, был Юхан Буреус.

Его ученик Шернъельм в предисловии к своей «Сокровищнице старого языка свеев и гётов» («Gamble Swea och Götha Måles fatebur»)* настаивает на очищении языка от иностранных слов и на замене их заимствованиями из памятников старой письменности. В то время не проводили различия между исландским и древнешведским языками, считая оба эти языка «древним гётским языком». Самуэль Колумбус (Samuel Columbus) в «Заботе о словах шведского языка» («En svensk ordeskötsel») пытается обновить письменный язык путем приближения к устной речи (к диалектам) и, в частности, путем упрощения орфографии и приближения ее к произношению**. Наряду с Колумбусом Н. Чельман (N. Tiällmann) в своей «Шведской грамматике»

* См. «Valda stycken av svenska författare 1526—1732», utg. av E. Noreen, стр. 109 и сл.

** «Обычай правит как в устной речи, так и в написании, однако обычай наиболее разумных. Если бы каждый принялся писать, как ему придет в голову, и не хотел уступать другим, то к чему бы это привело?.. Право решать, как написать то или иное слово, должно принадлежать принятому в повседневной речи употреблению (*daglige taalbruket*)... Если бы мне пришлось выбирать, на чью сторону стать, я остановился бы на употреблении, принятом в устной речи, а не на этимологии или на обычаях письменного языка. Однако хуже всего то, что устная речь весьма различна. Каждая область в Шведском государстве имеет свой особый говор. Основные слова, например, *guid* «бог», *himreel* «небо», *herre* «господин», *stool* «стул», *hus* «дом» и др., повсюду полностью совпадают, но склонение и спряжение, произношение и сочетание слов не всегда одинаковы. Мы должны найти какое-либо средство против этого и какой-нибудь выход. Надо выбрать из разных диалектов самый лучший и затем писать на нем». По мнению Колумбуса, на лучшем и наиболее правильном шведском языке говорят в Стокгольме, Эстергётланде и Сёдерманланде.

(«Grammatica Suecana») 1696 г. настаивал на приближении орфографии к хорошему произношению*. Еспер Сведберг (Jesper Svedberg), напротив, выдвигает в качестве языкового идеала уже давно устаревший язык библии**.

Важные сведения о языке XVII в. дают словари Э. Шродеруса (E. Schroderus), в том числе его обработка «Janua linguarum» Коменского, 1640 г. Первая грамматика шведского языка была написана Э. Ауривиллиусом (E. Auri-villius) в 1684 г. (на латинском языке), вторая — Н. Чельманом в 1696 г. (на шведском языке). Вопросы орфографии в конце XVII в. были предметом горячих споров; при этом язык библии часто вступал в противоречие с употреблением, принятым в королевской канцелярии. Постепенно были проведены некоторые орфографические реформы; между прочим, были отброшены удвоение гласных и написание существительных с начальной прописной буквы. Написания *dh* и *gh* были замещены простыми *d*, *g*, в том числе и в хороших печатных изданиях, например, в библии, изданной в 1720 г. Молином (Molin), в «Аргусе» Далина (O. Dalin), «Уложении 1734 г.» («1734 års lag»). Важнейшие работы о шведском языке начала XVIII в.: вышедший в 1712 г. «Свео-гётский словарь» («Glossarium Sveo-Gothicum»)⁶³ Х. Спегеля (H. Spegel) — первый настоящий шведский словарь, появившийся в печати; так называемый «Пароль» Сведберга с подзаголовком «Слава и правильность шведского языка» («Schibboleth. Svenska Språkets Rycht och Richtighet») 1716 г., где приводится, между прочим, список иностранных слов и «добрых старых слов и выражений»; наконец, «Шведская орфография» («Orto-

* «Все слова надо писать так, как они звучат при правильном их употреблении, и, наоборот, произносить так, как они правильно пишутся и произносятся при дворе. Ибо правильная речь и правильное написание взаимно служат друг для друга руководством и образцом, отображением и отзвуком, если только следить за собой и придерживаться обычного тона слов и естественного звучания букв».

** См. его работу «Никому не навязываемые соображения об улучшении шведского языка в письме и в речи» (J. S v e d b e r g, Oför-gripelige Tanckar om thet Svenska Språkets förbättrande uti skrifwan-de och talande, 1695), которую он написал в связи с порученным ему наблюдением за предполагавшимся изданием библии и псалтыри.

graphia Svecana») 1716 г. У. Йэрне (U. Hjärne), дающая много ценных сведений о произношении того времени.

Что касается изменений в разговорном языке этого периода, то проследить их гораздо труднее, чем изменения, происходившие в период древнешведского языка. О них дают возможность судить случаи, когда писатель или писец недостаточно хорошо знают литературный язык или употребляют слова с неустановившейся орфографией; тогда язык, на котором они говорят, накладывает свой отпечаток и на их письменный язык. Такие «орфографические ошибки» служат для нас ценными свидетельствами. Другим источником наших сведений являются прямые указания авторов грамматических работ. Уже в древнешведский период **g**, **k**, **sk** перед переднеязычными гласными стали смягчаться соответственно в **j**, **tj**, **skj**; **g** в **gäst** «гость» часто совпадает с **j** в **jämt** «ровный»; **k** в **köpa** «покупать» — с **tj** в **tjur** «бык». В период раннего новошведского языка в сочетаниях **sj** и **ɛkj** развивается звук **ʃ** (русское «ш»), например, в **siu** «семь», **sken** «сияние», **skiorta** «рубаха»; в сочетании **tj** — звук **tç** (сходен с русским «ч»); **köpa** произносится, например, **tçø:pa**; **h**, **l**, и **d** перестают произноситься перед **i** (например, в **hiärta** «сердце», **liud** «звук», **diup** «глубокий»), так же как **h** перед **v** (например, в **hvass** «острый»); щелевые **ð** и **g** (в орфографии **dh**, **gh**) заменяются взрывными (например, **badh** «просил», **slädhe** «санки», **lagh** «закон», **skoghar** «леса») — соврем. **bad**, **släde**, **lag**, **skogar**). Впрочем, в тех случаях, когда **g** стояло после **l** или **r**, оно осталось щелевым: **talg** «сало», **varg** «волк» (произносится **talj**, **varj**). Морфологическая система в языке Библии (особенно в «Библии Густава Васы») во многих отношениях архаичнее, чем в текстах позднего средневековья, что связано с возросшим влиянием центральношведских говоров и сознательной тенденцией к архаизации. Несмотря на это, падежное склонение вскоре повсюду отбрасывается, и сохраняются лишь родительный падеж и отдельные падежные формы в некоторых застывших выражениях, число которых все уменьшается. Определенная форма множественного числа у большинства существительных получает окончание **-na**, между прочим и в таких словах, как **fäberna** «отцы», **händerna** «руки», **styckena** «куски», **takena** «крыши» (ср. более старые

fädhren, händren, stycken, taken). У существительных среднего рода, оканчивающихся на согласный (**tak**), этот тип не получает, однако, всеобщего распространения: он отсутствует в южношведских говорах и не вошел в письменный язык. Существительные среднего рода, оканчивающиеся на -e, получают в разговорном языке Свеаланда во множественном числе окончание -n и образуют особое склонение: мн. ч. **stycken** «куски», **riken** «государства», **äpplen** «яблоки» и т. п. (др.-швед. **stykke, rike, ærp'e**). Появляется новая форма местоимения **Ni** «вы» (около 1650 г.), образовавшаяся из переосмыслиния словосочетаний типа **sägen-I** («видели вы»).

В разговорной речи все обычнее становится употребление единственного числа глагола с множественным числом подлежащего. Это упрощение глагольного спряжения было проведено в районе оз. Меларен, повидимому, около середины XVII в., а в Гётланде несколько позже. В письменный язык оно, однако, до последнего времени еще не вошло.

5. ПОЗДНИЙ НОВОШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Начало периода позднего новошведского языка считается обычно с выступления Улува Далина⁶⁴. В языковом развитии XVIII в. его «Шведский Аргус» («Then Swänska Argus») занимает центральное положение. Значение Далина состоит прежде всего в том, что он пишет более близкой к разговорному языку и более свободной прозой, чем кто-либо до него в шведской литературе. В особенности это проявляется в лексике и порядке слов. Он избегает употребления тяжеловесных периодов и причастных оборотов. Как было указано, в XVII в. в прозе высокого стиля личная форма глагола ставилась в придаточных предложениях по образцу библии обычно на конце. Такой порядок слов встречается еще в XVIII в. — у Тессéна (Tessin) и в романе Мёрка (Mörk) «Адальрик и Йётильда» («Adalrik och Göthilda»); в религиозном же стиле он сохраняется до наших дней. Далин избегает такого порядка слов, стремясь в первую очередь к ясности и лаконичности языкового выражения.

Наиболее крупным шведским языковедом XVIII в. был профессор Упсальского университета Юхан Ире (Johan Ihre, ум. в 1780 г.). Его главное произведение «Свейско-

гётский словарь» («*Glossarium Svio-gothicum*») 1769 г. представляет собой этимологический словарь, обнаруживающий многосторонние познания автора и его способность к критическим суждениям. Для Ире был совершенно ясен факт родства германских языков между собой. Он указал на многочисленные совпадения готского языка с латинским и греческим, и его наблюдения над соответствиями согласных предвосхищают открытия XIX в. в области сравнительного языкоznания. Как Ире, так и его ученик Эрик Сутберг (Erik Sotberg, ум. в 1781 г.), секретарь Академии изящной словесности, успешно занимались исследованием исландского (Эddy Снорри) и готского языков. Ире интересовался также языковыми вопросами практического характера (орфографией, правильностью речи, заимствованными словами и словообразованием на основе средств шведского языка). Точно так же и Сутберг в своих «Замечаниях о шведском языке» («*Anmärkningar öfver svenska språket*») рассматривает не только историю языка, но и современное ему употребление*.

* Насколько широк был в XVIII в. интерес к вопросам правильности языка и насколько велика была потребность в норме, видно хотя бы из того, что именно практические вопросы нормализации языка побудили Ире, профессора красноречия и государственного права, заняться историей языка и пойти в своих этимологических изысканиях дальше, чем кто-либо до него в Швеции. Сутберг рассказывает, что «королева Ульрика Элеонора, прочитавшая с особым удовольствием французский перевод „Библиотеки леди“ Р. Стила, пожелала, чтобы „Библиотека“ была переведена на шведский язык для шведских женщин». Перевод был поручен Ире. В ходе работы обнаружились «различные спорные вопросы правописания слов, их склонения, спряжения и подлинного значения. Ире увидел необходимость найти для решения этих вопросов более твердые основания, чем те, которые установлены произвольно или были привычкой детства; поэтому он стремился найти разъяснение в древних родственных языках — мезоготском, англо-саксонском, алеманском и исландском, из которых первый в своих правилах отличается таким же постоянством, как греческий или латынь. Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько необходимо было в то время писать на родном языке правильно и обоснованно; но помимо того, что тогда наши старые правила написания не были всеми признаны и не вошли прочно в язык (так же, как это и сейчас еще наблюдается в отношении новых и лучших предложений), обширные исследования Ире имели, по крайней мере, то следствие, что он изучил свой язык до основания» (см. E. af Sotberg, *Johan Ihres Lefverne, K. Vitterhets Akademiens Handlingar*, 4, 1783, стр. 399 и сл.).

Наиболее многочисленные и удачные наблюдения над языком XVIII в. мы находим в работах Свена Хува (Sven Hof, учитель в Скара, ум. в 1786 г.), особенно в его «Правильной орфографии шведского языка» («*Svenska Språkets rätta skrifsätt*») 1753 г. и в «Вестгётском диалекте» («*Dialectus Vestrogothica*») 1772 г. Хув приводит множество характерных различий между вестгётским и упландским говором, под которым он понимает разговорный язык столицы и области вокруг оз. Меларен. «Написание должно следовать правильному произношению», утверждает Хув. Основой шведской грамматики «как в отношении правописания, так и во всем остальном» должен служить не только стокгольмский диалект: «нужно точно исследовать *dialectus sotternis* и то, что принято в правильной речи разумными и порядочными людьми в большинстве областей».

Наибольшее влияние на развитие шведского языка оказал в этот период Абрахам Сальстет (Abraham Sahlstedt, ум. в 1776 г.) своими работами, изданными по поручению Академии наук: «Шведская грамматика» («*Svensk grammatika*») 1769 г. и «Шведский словарь» («*Svensk ordbok*») 1773 г. Словарь 1773 г. сыграл очень большую роль, так как на его норму равнялись в течение долгого времени. Сальстет не был крупным филологом, но отличался практическим взглядом на вещи и в соответствии с характерными для того времени требованиями порядка и постоянства хотел установить общезначимые и простые орографические и грамматические правила. Привычное употребление («*bruket*») является для него нормой правильности языка.

Сальстет был уроженцем Стокгольма, и поэтому его правила чаще всего опираются на разговорный язык образованных кругов столицы. Главной целью его словаря было устранение многочисленных дублетов; он всегда выбирал из нескольких параллельных форм только одну, руководствуясь при этом совершенно верным принципом предпочтить наиболее закономерное, наилучшим образом согласующееся со всем строем языка в целом. Сальстет стремился, между прочим, ввести твердую норму употребления окончаний **-et** и **-it** с тем, чтобы **-et** стало окончанием прилагательного и причастия (например, *galet* «неверное», *bundet* «связанное»), а **-it** — супина (например,

bundit — супин от **binda** «вязать»). Однако это правило прочно вошло в литературный язык только в XIX в. (ср. **brödet är uppätet** «хлеб съеден», но **han har ätit upp brödet** «он съел хлеб»)*.

С конца XVIII в. признанным авторитетом в вопросах языковой практики становится основанная в 1786 г. Шведская академия, одной из задач которой была «забота о чистоте, силе и величии шведского языка». Особенно большую роль сыграла изданная Академией в 1836 г. грамматика**.

Наиболее выдающимися шведскими языковедами XIX в. были Ю. Э. Рюдквист (J. E. Rydqvist, библиотекарь Королевской библиотеки, ум. в 1877 г.), Адольф Норен (Adolf Noreen, профессор Упсальского университета, ум. в 1925 г.), Аксель Кок (Axel Kock, профессор Лундского университета, ум. в 1935 г.), Эсайас Тегнэр (Esaias Tegnér, профессор Лундского университета, ум. в 1928 г.) и Густав Седершёльд (Gustav Cederschiöld, профессор Высшей школы в Гетеборге, ум. в 1923 г.).

Период от Далина до наших дней характеризуется прежде всего огромным ростом литературы. Благодаря прессе, народной школе и работе по народному образованию она приобрела такое значение для народа, какого никогда ранее не имела. Литературный язык быстро развился и усовершенствовался в соответствии с его различными задачами. В области орфографии и морфологии была выработана полностью фиксированная норма, которая изменяется лишь незначительно, в настоящее время, пожалуй, только в результате сознательного вмешательства. В синтаксисе

* Соответствующее различие было проведено (в середине XVIII в.) в написании супина и причастия от слабых глаголов: **huset är målat** «дом покрашен», но **han har målat huset** «он покрасил дом», **Ijuset är brändt** «свеча сожжена», но **han har bränt Ijuset** «он сжег свечу». Это различие чисто орфографического порядка было, однако, устранено орфографической реформой 1906 г.

** Языковые задачи Академии ясно сформулированы в ее уставе:

«§ XXI. Первым и важнейшим делом Академии является забота о чистоте, силе и величии шведского языка как в науках, так, особенно, в поэтическом искусстве и красноречии, во всех его видах, в частности в том, который служит для толкования божественных истин...»

§ XXII. Поэтому обязанность Академии состоит в выработке шведского словаря и грамматики, а также в написании работ, могущих способствовать укреплению и развитию хорошего вкуса».

и словаре, напротив, непрерывно происходят изменения: возникают новые типы предложений, новые способы выражения, новые слова, часто образуемые по образцу других языков. В стилистическом отношении литературный язык испытал влияния, более или менее длительные, со стороны всех литературных направлений последних столетий: классицизма, романтизма, реализма и т. д.

XVIII век совмещает такие противоположности, как риторический высокопарный стиль Густава III и Ленберга (Lehnberg), с одной стороны, и ярко выраженный реализм Линнея (Linné), Валленberга (Wallenberg) и Самуэля Эдмана (Samuel Ödman) — с другой. Оба направления получили продолжение в XIX в.; ср., например, речи Тегнера и Валлина (Wallin) с рассказами из народной жизни Альмквиста (Almqvist) и «Воспоминаниями» («Minnepe») Гейера (Geijer). Оба направления отразились и на развитии прозаического стиля нашего времени. В романе и драме развитие шло все время по линии приближения к стилю непринужденного рассказа и естественного диалога. Наряду с Виктором Рюдбергом (Rydberg) особенно большую роль сыграли Стриндберг (Strindberg) и Сельма Лагерлёф (Lagerlöf). Стиль Стриндберга, свежий и яркий, приправлен вульгаризмами и элементами профессионального языка. Для стиля Сельмы Лагерлёф характерны: необыкновенная многосторонность, чрезвычайно развитая способность принародливаться к различным темам и синтаксис, близкий к синтаксису устной речи. Проза газет, журналов, научно-популярной литературы, учебников и т. д., которую Густав Седершёльд называл «нормальной прозой», постепенно утратила в значительной мере свой прежний логический и риторический характер и превратилась, особенно за последние десятилетия, в более простую, живую и деловитую форму выражения. Публичная речь стала играть такую роль, как никогда раньше. Благодаря этому в значительной степени сгладилась та пропасть между разговорным и письменным языком, на которую с полным основанием жаловались ранее.

В языковом развитии современного шведского языка (*nusvenska*) ведущими являются две главные тенденции.

Первая тенденция — оттеснение диалектов все более распространяющимся общим разговорным языком. Этот язык,

как было упомянуто, возникает в первой половине XVII в. в образованных кругах общества, при дворе и среди чиновничества*, а затем на протяжении XVII и XVIII вв. все больше укрепляется и распространяется. Однако лишь с середины XIX в. он начинает вытеснять локально ограниченные формы разговорного языка. В наши дни практически все могут говорить на литературном языке. Во многих местах крестьянские диалекты быстро идут к гибели; в других — они сохраняются лучше, хотя и утратили в большей или меньшей степени свою прежнюю чистоту.

Другая ведущая тенденция — постоянно возрастающее влияние письменного языка на разговорный. В известной мере развитие идет сейчас в противоположном направлении, чем раньше. Произношение, соответствующее написанию (при чтении вслух или в публичной речи), воспринимается как образцовое и оказывает воздействие сначала на более изысканный разговорный, а затем и на повседневный бытовой язык. Письменная форма того или иного слова определяет в известных границах его произношение. Можно привести следующие показательные примеры:

1. Диалектное, так называемое «толстое» l (например, в **mala** «молоть», **blå** «синий»)⁶⁵ рано заменилось в «языке образованных» обычным l. В диалектах **rd** > «толстое» l, но в литературном языке под влиянием написания этот переход не произошел, и **rd** произносится сейчас как альвеолярное **d**: **gård** «двор» (**go:d**), **bord** «стол» (**bɔ:d**) и т. д.

2. Большое количество форм, в которых произношение соответствовало «звуковым законам», заменилось формами, соответствующими написанию: **taji** — супин от **taga** «брать», **draji** — супин от **draga** «тащить» — заменились **tagit**, **dragit**; вместо **gläjje** «радость», **kejja** «цепь» установилось произношение **glädje**, **kedja**; вместо **ronna** «краснеть» и **dronning** «королева» — **rodna** и **drottning**; вместо **vammal** «сермяжина» — **vadmal**; вместо **köft** «купленный» — **köpt**; вместо **tross** «вопреки», **plass** «площадь» — **trots**, **plats**; до сих пор обнаруживаются колебания в произношении **ledsen** «печальный», **ledsam** «скучный», **låtsa** «притворяться», **matsäck** «мешок с провизией» и др. (возможно

* O. Strandberg, Urban Hiärnes ungdom och diktning, 1942, стр. 30 и сл.

произношение *lefsen* и *lessen* и т. п.). Старая форма *körka* «церковь» еще борется с *kyrka*.

3. Старое произношение предлогов *av* «от», *efter* «после», *under* «под», *till* «к» и наречия *utdan* «прочь» — *åv* или *å* (например, *de' vart intåv* «из этого ничего не вышло» и т. п.), *ätter*, *unner*, *te'* и *unna(n)* — постепенно исчезает.

4. Признак инфинитива *å* (например, *å läsa* «читать») также все больше уступает место *att* (например, *att läsa*), т. е. форме, соответствующей написанию. Все чаще слышится орфографическое *-t* в конце слова (например, *huset* «дом», *ropat* — супин от *ropa* «звать», *varit* — супин от *vara* «быть»), в том числе и в Свеаланде.

В литературном шведском языке звук долгое *o*, развившийся из *ä* и обозначаемый в орфографии посредством *å* (например, в *båt* «лодка»), совпал с *ö*, возникшим в результате удлинения др.-швед. *б* (например, *kol* «уголь», *sova* «спать»). Большинство диалектов различает эти звуки. В результате совпадения звуков в литературном языке ряд слов, первоначально имевших *ö*, стал писаться с *å*: *fågel* «птица», *hål* «дыра», *skåda* «смотреть», *spår* «след» и т. д. Однако в общем звук *o*: все еще передается в современной орфографии двумя различными способами.

В письменном языке в период раннего новошведского языка исчезли последние остатки различий в склонении между мужским и женским родом; но в «Библии Густава Васы» еще различаются *mīn* «мой» и *mījn* «моя», *en* «один» и *eēn* «одна». Употребление применительно к предметам местоимения *den* вместо *han* «он» или *hon* «она» появляется впервые в канцелярском языке в XVI в., а с XVIII в. — и во всех других типах языка. Оно перешло также в разговорный язык образованных людей, после того как под влиянием письменного языка были устраниены остающиеся до сих пор в диалектах формальные признаки рода в артиклях и других словах, служащих определениями к существительным (в литературном языке *sol-en* «солнце» так же, как *stol-en* «стул» — с определенным артиклем *-en*; в диалектах же — *sol-a*, ж. р., и *stol-en*, м. р., или *sol-en* и *stol-n*). Этому несомненно способствовало раннее совпадение мужского и женского рода в языке Стокгольма, произшедшее, повидимому, вследствие значительной примеси немецкого населения: местоимение *han* «он» стало применяться здесь

к существительным как прежнего мужского (например, *månen* «луна», *foten* «нога»), так и прежнего женского рода (например, *solen* «солнце», *handen* «рука»).

Иностранные элементы в современном шведском языке. В эпоху реформации большое влияние на шведский язык приобрел верхненемецкий; проводником этого влияния был в первую очередь перевод библии. Оно заметно сказывается в порядке слов, а также в словообразовании и словарном запасе. Особенно усилилось немецкое влияние во время тридцатилетней войны, а в середине XVII в. оно достигло уже кульмиационной точки. Этому способствовала иммиграция немецких ремесленников, рудокопов и ученых. Английский посол в Стокгольме в 1653—654 гг. Уайтлок пишет в своем дневнике, что немецкий язык в Швеции понимают почти повсеместно. О широком распространении немецкого языка среди бюргерства говорит и тот факт, что поэт XVII в. Люсиорд (Lucidor) значительную часть своих эпиграфий писал по-немецки. Примерами немецких заимствований этого времени служат: *främling* «чужеземец», *fänrik* «прaporщик», *rekryt* «рекрут», *kund* «клиент», *spion* «шпион», *elfenben* «слоновая кость», *fackla* «факел», *prakt* «великолепие», *tapper* «храбрый», *munter* «веселый», *hurtig* «проводорный», *ordentlig* «правильный, порядочный», *riktig* «верный, правильный», *träffa* «встречать», *skaffa* «доставать», *skilda* «изображать», *värva* «вербовать»; слова с приставками *an-* (например, *anförvant* «родственник», *anhörig* «родной, близкий», *anföra* «руководить»), *er-* (*ersätta* «заменять»), *ge-* (*gehör* «слух»), *härt-* (*härtleda* «выводить»); часть слов с приставками *be-* (*begynna* «начинать») и *för-* (*fördärva* «портить»). Ряд профессиональных терминов вошел в шведский язык из языка немецких горнорабочих: *gruva* «рудник, копь», *hytta* «плавильный завод», *schakt* «шахта», *skiffer* «сланец», *blyerts* «графит» и др. К этому же времени относится заимствование некоторых голландских слов, особенно морских терминов: *ballast* «балласт», *bark* «баржа», *bramsegel* «рамсель», *galeas* «галеас», *kaj* «набережная», *kätting* «цепь», *rotting* «индийский тростник», *aktie* «акция» и др.

Начиная с эпохи Возрождения в состав всех европейских языков, особенно французского, вошло множество

латинских и греческих слов. Они образуют фундамент интернациональной научной и технической лексики. Многие из этих слов были заимствованы в XVII в. также и шведским языком, например, лат. **datum** «дата», **gratis** «бесплатно», **karta** «карта», **basis** «база», **delta** «дельта», **eros** «эпос» и т. д.; слова с суффиксом **-ion** (**nation** «нация» и др.)*. Влияние латинского синтаксиса со свойственными ему причастными оборотами, в сильной степени уменьшившееся в XVI в. в народном языке библии, в течение XVII в. снова возрастает у ряда писателей.

В середине XVII в. в кругах аристократии наряду с немецким языком начинает употребляться и французский. К этому периоду относится заимствование в шведском литературном языке ряда французских слов, например, **affär** «дело», **respect** «уважение», **trafik** «сообщение».

Никогда еще на протяжении новошведского периода шведский язык не был так засорен иностранными словами, как в XVII в., что относится в особенности к канцелярскому языку. Но вместе с тем в этот период пробуждаются сознание ценности родного языка и стремление к очищению его от иностранных слов. Наиболее ярким выражением этого стремления являются стихотворная «Калоба шведского языка» («*Thet svenska språkets klagemål*») Скугечера Бэргбу (Skogekär Bergbō)** и предисловие Шерньельма к «Сокровищнице старого языка свеев и гётов» («*Gambla Svea och Öötha mäles fatebur*»). Самуэль Колумбус считал, однако, что ревностная борьба с иностранными словами

* О заимствованиях из классических языков см. E. Wessén, *Svensk språkhistoria*, ч. II, 1943, стр. 97 и сл.

** Скугечер Бэргбу так рисует картину языковых отношений в Швеции: «Когда собирается общество, то, о чем бы ни шла речь, кажется постыдным говорить по-шведски. Теперь больше не здороваются и не прощаются иначе как по-немецки или, возможно, по-французски... Куда ни повернешься, везде слышишь „мусье“, знакомый и незнакомый тотчас отвечает: „Serviteur“... Между тем, говорит Скугечер, шведский язык столь же древен и богат, как и латинский; он вполне может обойтись без иностранных заимствований. Хотя язык и меняется и многие из старых слов забыты, все же по-шведски пишут правильно и сейчас «в наших простых селах среди наших крестьян». Таким образом, языковому смешению в городах, особенно в Стокгольме, автор противопоставляет язык деревни, где крестьянство сохранило чистый шведский язык.

должна быть «до некоторой степени смягчена и ограничена». Он писал: «Заемствованные слова, которые перестали быть чужими, должны сохраняться; прочие же должны быть изгнаны из страны».

Шернъельм и его школа ввели в шведский язык некоторые исландские и древнешведские слова: *alster* «творение», *ätt* «род», *gåta* «загадка», *åtbörd* «жест», *tärna* «девушка», *snille* «гений», *flock* «группа, гурьба», *idrott* «занятие», соврем. «спорт», *fager* «красивый», *digna* «изнемогать», *tima* «слушаться», *härlja* «опустошать».

В XVIII в. французское влияние усиливается, достигая своего апогея к концу столетия. Французский язык становится языком дипломатии, двора и высшего общества. Однако большое количество заимствованных в этот период слов вошло только в литературу и разговорный «язык образованных слоев»; позже эти слова снова вышли из употребления*. В силу своего звучания, ударения и формы французские слова не могли ассимилироваться шведской лексикой с той же легкостью, как немецкие. Но многие из них все же были прочно усвоены языком. Таковы, например, *buljong* «бульон», *sås* «соус», *supé* «ужин», *väst* «жилет», *paraply* «зонт», *toalett* «туалет», *tambur* «передняя», *salong* «салон», *schäslong* «шезлонг», *scen* «сцена», *ridå* « занавес», *kuliss* «кулиса», *talang* «талант», *annon* «объявление», *portmonnä* «портмоне» (заимствовано около 1850 г.), *kusin* «кузен, кузина», *tant* «тетка», *frisör* «парикмахер», *kommendör* «командир» и другие слова на -ör, *kår* «корпус»; далее, прилагательные *intressant* «интересный», *elegant* «элегантный», *frivol* «фривольный» и др. Значительная часть этих слов (но не все; ср., например,

* Для языковых отношений густавианского общества типична *tant Q.*, о которой рассказывает в «Кузинах» (*Cousinerña*, 1834 г.) Софи фон Кнорринг: «Свою раннюю молодость *tant Q.* провела здесь же на Сваншё, у аристократических берегов Меларена, всегда под надзором неизбежной в то время старой гувернантки-француженки, которая ее постоянно опекала и муштровала. Здесь она получила свое воспитание, состоявшее от начала до конца в совершенном овладении французским языком, или, скорее, в искоренении шведского. В результате она даже в старости примешивала к каждой фразе на одну треть французские слова». Картина, рисуемая писательницей, показывает также реакцию младшего поколения, направленную против такого смешения языков.

scen «сцена», **chiffonjé** «шифоньерка», **assiett** «тарелка», и др.) читается и пишется в соответствии с шведскими правилами. Однако своим ударением на последнем слоге все эти слова резко выделяются на фоне старого шведского словарного запаса. Правда, в отдельных случаях ударение изменилось, например, в словах: **bygå** «бюро», **konjak** «коньяк», **tobak** «табак» оно перешло на начальный слог. В ряде случаев появились параллельные формы: **momang** «момент» (написание установилось в соответствии с французским произношением) и **moment** (произношение установилось в соответствии с французским написанием), **rejäl** «реальный» (с развившимся между гласными «вставным» *j*) и **reel**. Заемствованные из французского языка существительные (в большинстве односложные) имеют во множественном числе окончание **-er** (**kåger** «корпуса», **pjäser** «пьесы», **tanter** «тети» и т. д.).

В начале XIX в., в период романтического «гётского движения», в шведский язык входит некоторое количество древнескандинавских слов: **id** «усердие», **mäla** «говорить», **fylking** «боевой порядок», **drapa** «хвалебная песнь».

Реакция против иностранных заимствований в языке с большой силой обнаруживается в XIX в., особенно в творчестве Виктора Рюдберга. Его борьба за очищение языка была направлена в первую очередь против немецких элементов. В работе «Немецкий или скандинавский шведский» (*Tysk eller nordisk svenska*) 1873 г. Рюдберг настаивал на том, чтобы старые скандинавские слова употреблялись возможно шире и не вытеснялись без надобности немецкими заимствованиями. Он критикует комиссию по пересмотру перевода Библии за употребление ряда немецких слов и предлагает использовать их скандинавские дублеты. Так, по мнению Рюдберга, вместо **anförvant** «родственник» следовало употребить **frände**, вместо **gestalt** «образ» — **skepnad**, вместо **barmhärtighet** «милосердие» — **misskund**, вместо **bevara** «сохранять» — **gömma**, вместо **betala** «оплачивать» — **gälda**, вместо **bistå** «поддерживать, помочь» — **hjälpa**, вместо **erfara** «узнавать» — **röna**, вместо **erinra** «напоминать» — **påminna**, вместо **fråga** «спрашивать» — **spörja**, вместо **frukta** «бояться» — **rädas**, вместо **förlora** «терять» — **mista** и т. д. Рюдберг считал, что во многих случаях приставка **be-** совершенно излишняя; например,

befrämjа «способствовать», **beskydda** «оберегать», **beväpna** «вооружать» могут быть заменены бесприставочными **främj**а, **skydda**, **värpa**. Пуризм Рюдерга находил свое выражение также и в том, что он вводил в язык старые скандинавские слова и создавал новые. Между прочим, он ввел в обиход такие слова, как **kynne** «нрав», **rön** «испытание», **etterdöme** «пример», **dödsbo** «наследство», **arvsägen** «традиция», **eldhåg** «энтузиазм», **dagteckna** «датировать», **dryfta** «обсуждать», **stäcka** «обрезать», **äksa** «просить, требовать».

В конце XIX в. на шведском языке сказывается влияние также датского и норвежского языков, шедшее через литературу и прессу. Шведский словарный запас значительно обогащается словами из этих скандинавских языков. К числу их относятся: **betingelse** «условие», **bestyrelse** «управление», **besvikelse** «разочарование», **upplevelse** «переживание», **förälskelse** «влюблённость», **förståelse** «понимание», **självövervinnelse** «преодоление себя», **hänsyn** «учет, внимание», **samfärdsel** «сообщение», **räckvidd** «досягаемость, охват», **uppsving** «взлет, подъем», **diktning** «поэзия», **genombrott** «победа», **levebröd** «насущный хлеб», **kräsen** «разборчивый», **ensartad** «одинаковый», **storartad** «великолепный», **säregen** «особенный, характерный», **vansklig** — современное значение «трудный, сомнительный», **rundhånt** «щедрый», **spränglärd** «невероятно ученый, преученный», **nedärvd** «унаследованный», **berika** «обогащать», **häntyda** «указывать», **höra hemma** «быть родом, принадлежать», **tillnärmelsevis** «приблизительно», **obönhörligen** «неумолимо».

Что касается заимствований из английского языка, то отдельные английские слова появились в шведском языке в XVII в., например, **potatis** «картофель», **schal** «шаль» (засвидетельствовано уже в конце XVIII в., вначале часто в полуанглийской форме **schawl**). В конце XIX в. английское влияние принимает уже значительные размеры, а за последние десятилетия английские заимствования буквально наводнили шведский язык. В особенности это относится к таким областям, как коммерческая деятельность, одежда, промышленность, техника, спорт. Таковы, например, слова: **strejk** «забастовка», **lockout** «локдаут», **bojkott** «бойкот», **budget** «бюджет», **trust** «трест», **sport** «спорт», **rekord** «рекорд», **starta** «стартовать», **jobb** «работа», **klubb** «клуб»,

gentelman «джентльмен», **snobb** «сноб», **humbug** «обман», **flirt** «флирт», **ulster** «пальто (особого покроя)», **scarf** «шарф», **slips** «галстук», **overall** «пальто», **pyjamas** «пижама», **pullover** «фуфайка», **jumper** «джемпер», **sweater** «свитер», **hall** «зал, крытый рынок», **tunnel** «туннель», **räls** «рельс», **koks** «кокс», **lunch** «второй завтрак», **kex** «кекс», **grapefrukt** «грейпфрут», **service** «обслуживание», **campa** «стать лагерем», **camping** «расположение лагерем», **goodwill** «добрая воля», **smart** «ловкий» и др. Подобные англицизмы распространились в основном в языке прессы, в то время как в языке науки преобладают германизмы⁶⁶.

О р ф о г р а ф и я⁶⁷. Вопросы орфографии были предметом острого внимания уже в XVIII в. Сторонниками реформы выступают, между прочим, С. Г. Тессин в своей «Речи о славе и совершенствовании шведского языка» («Tal om Svenska Språkets Rykt och Upodlande») 1746 г., Свен Хув («Что слышит ухо, должен видеть глаз») и Юхан Ире. Среди более консервативно настроенных были А. Сальстет («Обычай — высший закон орфографии») и А. Ботин (A. af Botin). Последний в своей работе «Шведский язык в речи и на письме» («Svenska språket i tal och skrift») 1777 г. выдвинул следующую последовательность орфографических принципов: 1) обычай, 2) этимология, 3) согласие между звуком и буквой.

Грамматика и словарь Сальстета определили надолго орфографическую норму. В то же время Шведская академия включила в свою программу реформу орфографии. В 1801 г. появилось «Сочинение о шведской орфографии» («Afhandling om svenska stafsättet») Леопольда (Leopold), где он устанавливает принципы, на которых должно строиться шведское правописание. Он отвергает здесь этимологическое и фонетическое написания и в основном примыкает к обычай, принимает принцип привычного употребления. По его мнению, не следует менять написания в тех случаях, когда «все лучшие писатели пишут, руководствуясь обычаем, и полностью согласуются друг с другом». Но обычай иногда бывает неопределенным и колеблющимся; в этих случаях Леопольд стремится внести «порядок в существующее употребление». Важным нововведением явилось написание большого количества иностранных слов согласно их шведскому произношению, а не

по их иностранной орфографии: *läjtnant* «лейтенант», *kapten* «капитан», *kusin* «кузен, кузина», *aktör* «актёр», *direktör* «директор», *reson* «резон, основание», *kaffe* «кофе», *sås* «соус», *familj* «семья», *butelj* «бутылка», *konselj* «совет», *fåtölj* «кресло», *bukett* «букет», *porträtt* «портрет», *reträtt* «отступление», *attack* «атака», *flöjt* «флейта», *fabrik* «фабрика» и др.*

Работа Леопольда в течение долгого времени играла решающую роль для шведской орфографии, между прочим благодаря популяризации предлагавшихся им написаний в «Шведском правописании» («Svensk rättstafningslära») Альмквиста, выдержавшем между 1829—1881 гг. 19 изданий. Между тем, этимологический принцип снова стал выдвигаться на первый план, по крайней мере в теории, у представителей направления, считавшего, что правильность языка должна определяться с историко-литературной точки зрения, а именно, у Ю. Э. Рюдквиста, В. Рюдберга, Ганса Хильдебранда и др. Рюдквист, самый выдающийся языковед середины XIX в., принимал деятельное участие в работе Шведской академии над усовершенствованием языка; под его наблюдением вышел «Список слов Шведской академии» («Svenska akademiens ordlista»), 1 изд., 1874 г.

В 1869 г. в Стокгольме был созван Скандинавский съезд по вопросам правописания. Целью его было «устранить ненужные различия в правописании отдельных скандинавских языков с тем, чтобы совпадения между языками, воспринимаемые ухом, стали также видимыми для глаза». Из шведских ученых значительную роль на съезде играли М. Б. Рихерт (M. B. Richert, профессор Упсальского

* Этому принципу придания иностранным словам шведской формы, поскольку они в достаточной мере вошли в язык, следовали и в дальнейшем, в том числе и в «Списке слов Шведской академии» («Svenska Akademiens ordlista»): *kåg* «корпус», *ballong* «баллон, шар», *batalj* «битва», *billard* «бильярд», *emalj* «эмаль», *salong* «салон», *terräng* «территория», *säsong* «сезон», *kufé* «купе», *soaré* «вечер, вечеринка», *vu* «вид», *revy* «ревю, обозрение», *memoareg* «мемуары», *toalett* «туалет», *ras* «раса», *lojal* «лойяльный», *strejk* «забастовка», *intervju* «интервью», *enkät* «анкета», *suvenir* «суvenir, подарок», *potpurri* «попури», *essä* «(газетная) статья», *rutt* «дорога», *träd* «морской путь», *bojskaut* «бойскаут» и др.

университета, ум. в 1886 г.) и Артур Хаселиус (*Artur Hazelius*)*. Последний вскоре после этого опубликовал работу «О шведском правописании» (*Om svensk rättstafning*, 1870—871 гг.), где он особенно подчеркивал важность фонетического принципа: «Главной задачей письма всегда должна быть передача устной речи или произношения; эта передача должна осуществляться «не только возможно точнее, но и по возможности простейшими средствами». В то же время Хаселиус считал, что реформы должны проводиться умеренно и с учетом «исторического развития правописания».

В середине восьмидесятых годов XIX в. разработка шведской орфографии вступила в новый период. Вопрос о реформе был поставлен в академических кругах, и аргументация реформаторов была заимствована у нового лингвистического направления, укрепившегося в это время в шведских университетах, прежде всего в Уппсале. Созданное в 1885 г. «Общество по вопросам правописания» с Ад. Нореном (тогда еще доцентом) во главе требовало радикальный реформы на основе строго фонетического принципа (*jöra* «делать», *sårj* «горе», *järtा* «сердце», *juga* «лгать», *lungn* «спокойный», *tjänna* «чувствовать», *tjöld* «холод», *sjed* «ложка», *sjuta* «стрелять», *sjärna* «звезда», *råck* «сюртук», *håpp* «надежда», *åva* «спать» и др. вместо принятых в современной орфографии *göra*, *org*, *härtा*, *ljuga*, *lagn*, *känna*, *köld*, *sked*, *skjuta*, *stjärna*, *rock*, *hopp*, *sova*).

Новая важная точка зрения на орфографию была изложена Тегнёром в его работе «Естественное и противопоставленное в вопросе о шведском правописании» (*Natur och onatur i fråga om svensk rättstavning*) 1886 г.

Тегнёр выдвинул в качестве важного принципа практического правописания наряду с произношением морфологическую связь между словами и формами: то, что связывается между собой в нашем сознании, должно писаться единообразно, несмотря на различие в произношении, например, *hög* «высокий — спр. р. *högt* (произносится

* Протоколы Скандинавского съезда по вопросам правописания напечатаны в *Språk och stil*, 3, 1903. См. также K. J. L y n g b y, *Det nordiske Retskrivningsmøde*, 1869.

hökt), trygg «надежный» — ср. р. **tryggt** (произносится **trykt**), **gud** «бог» — род. п. **guds** (произносится **guts**), **god** «хороший» — ср. р. **godt** (произносится **gott**) и т. д. Разумное правописание должно строиться на основе хорошо рассчитанного соотношения между фонетическим и «ассоциативным» (т. е. морфологическим) принципом. О том, каким именно должно быть это соотношение, споры продолжаются до сих пор.

Выступление Тегнера сломило острие крайних тенденций «Общества правописания». Тегнер рекомендовал провести реформу умеренно и по этапам. Это и было сделано частично в 1889 г. в 6-м издании «Списка слов Шведской академии» (было установлено написание **kvinna** «женщина», **kväll** «вечер», **jakt** «охота», **prakt** «великолепие», **präst** «пастор», **järn** «железо» вместо старых **qvinna**, **qväll**, **jagt**, **pragt**, **prest**, **jern**), а частично королевским циркуляром 1906 г., изменившим передачу на письме звуков **t** и **v**. Было отменено написание **åt** (например, в среднем роде прилагательных и причастий: вместо **godt** «хорошее», **rödt** «красное», **blindt** «слепое», **kastadt** «брошенное», **böjdt** «согнутое» было установлено написание **gott**, **rött**, **blint**, **kastat**, **böjt** и т. д.). Было отменено написание **hv**, **fv** и **f** для обозначения звука **v** (например, вместо **hvit** «белый», **hval** «кит», **hvem** «кто» установлено написание **vit**, **val**, **vem**; вместо **haf** «море», **half** «половина», **gifva** «давать», **ärfva** «наследовать» — написание **hav**, **halv** **giva**, **ärva**)*.

ЛИТЕРАТУРА

а) Словари

«Svenska Akademiens ordbok» (SAOB); с 1893 г. вышло 16 томов (A—L).

F. A. Dahlgren, Glossar öfver föräldrade eller ovanliga ord och talesätt, 1914—1916.

* О проблеме орфографии (кроме приведенных выше работ Хаселиуса и Тегнера) см.: B. Hesselman, Ortografiska reformer i språkhistorisk belysning («Språk och stil», 19, 1919); H. Ideforss, Rättstavningsfrågan som praktiskt och teoretiskt problem («Redogörelse för H. Latinläröverket i Göteborg, 1930—1931»); G. Daneil, Till frågan om en skriftspråksreform, 1935; Wellander, Språkvård och kulturarv, 1943.

O. Östergren, *Nusvensk ordbok*; с 1915 г. вышло 5 томов (A—S).

I. A. Lyttkens o. F. A. Wulff, *Svensk ordlista med uttalsbeteckning*, 1911.

E. Hellquist, *Svensk etymologisk ordbok*, тт. I—II, 1920—1922, 2 изд., 1935.

E. Hellquist, *Det svenska ordförrådets ålder och ursprung*, тт. I—II, 1929—1932.

L. Levander o. E. Wessén, *Våra ord*, 1932.

Из более старых словарей можно назвать:

E. Schröderus, *Dictionarium quadrilingue*, 1929.

Jonas Petri Gothus, *Dictionarium latino-sueco-germanicum*, 1640.

H. Spegel, *Glossarium Sveo-Gothicum eller Svensk Ordbok*, 1712.

A. Sahlstedt, *Svensk ordbok*, 1773.

E. Wester, *Svenskt och fransyskt lexikon*, 1807.

A. Dalin, *Ordbok öfver svenska språket*, 1850—1853.

б) Важнейшие работы по грамматике и истории языка

A. Noreen, *Vårt språk*, тт. I—VII, 1903—1925 (не закончено).

B. Hesselman, *De korta vokalerna i och y*, 1909—1910.

B. Hesselman, *Uppländsk n som skriftspråk* («Uppland»), 2, 1908).

B. Hesselman, *Studier i svensk formlära*, тт. I—II («Språk och styr»), 1911 и «Nysvenska studier», 1931).

N. Lindqvist, *Bibelsvenskans medeltida ursprung* («Nysvenska studier»), 1929).

N. Lindqvist, *Nya testamentet i Gustav Vasas bibel* (введение), 1941.

J. Palmér, *Undersökningar i Olaus Petris språk*, тт. I—IV, 1934—1942.

E. Hellquist, *Studier i 1600-talets svenska*, 1902.

Hj. Lindroth, J. Th. Bureus, *Den svenska grammatiskens fader*, 1911—1912.

A. Åkerblom, *Runii svenska rim*, 1915.

Hesselman, *Введение к Dalin, Then swånska Argus*, изд. Svenska Vitterhetssamfundet, 1919.

R. Wikander, *Studier över stil och språk i Dalins Argus*, 1924.

G. Lindblad, *Abraham Sahlstedt och den svenska substantivbörningen*, 1919.

G. Bergman, *Svenska språket genom tiderna* («Svenska folket genom tiderna»), 13, 1940).

E. Tegnér, *Om genus i svenska*, 1892.

G. Cederschiöld, *Om svenska som skriftspråk*, 1897, 5 изд.—1924.

E. Wellander, *Riktig svenska*, 1939, 2 изд.—1941.

Лучшие современные грамматики:

N. Beckman, *Svensk språklära*, 1904.

G. Daniel, *Svensk språklära*, 1932.

Из старых грамматик можно назвать:

A. Sahlgren, *Svensk grammatika*, 1769.

A. Botin, *Svenska Språket i tal och skrift*, 1777, 2 изд.—1792.

P. Möberg, *Försök till en lärobok i allmänna och svenska grammatiken*, 1815, 2 изд.—1825.

L. M. Enberg, *Svensk språklära*, utg. av Svenska Akademien, 1836.

C. J. L. Almqvist, *Svensk språklära*, 1832, 4 изд.—1854.

Обширную библиографию дает Noreen, *Vårt språk*, 1903.

Ежегодные библиографические обзоры см. в «Arkiv för nordisk filologi» и «Acta Phisiologica Scandinavica».

в) Журналы

«Språk och stil», 1901—1920.

«Nysvenska studier», с 1921 г.

«Årsskrift för Modersmålslärarnas förening», с 1916 г.

«Svenska landsmålen», с 1879 г.

«Namn och bygd», с 1913 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и ниже Вессен говорит о *riksspråk* или *litteraturspråk*, т. е. о «государственном» или «литературном языке», имея в виду язык, принятый в качестве «правильного» на всей территории данного государства и используемый в литературе, прессе, публичной речи и т. д. Следует подчеркнуть, что оба термина Вессена недостаточно конкретны в историческом плане. На самом деле, речь должна идти о национальном языке, представляющем категорию определенной исторической эпохи (см. предисловие).

Развиваясь вместе с нацией, национальный язык становится одним из ее существенных признаков. Товарищ Сталин писал об этом в своей работе «Марксизм и национальный вопрос»:

«Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целости России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак, общность языка, как одна из характерных черт нации» (Соч., т. 2, стр. 293).

И далее, в определении нации, товарищ Сталин указывает: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (там же, стр. 296).

У Вессена мы, разумеется, не найдем ни слова о том, что формирование национального языка обусловлено развитием капитализма.

О национальном языке см. В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., 4 изд., т. 20, стр. 365—424; И. В. Стalin, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 290—367.

² Понимание скандинавских говоров как являющихся в историческом плане вариантами одного и того же языка связано у Вессена с *правязыковой схемой* буржуазной лингвистики, анализ и критика которой даются в предисловии. Большая близость

скандинавских диалектов между собой — не результат их развития из воображаемого единого прайзыка, а следствие определенных, исторически сложившихся связей между носителями этих диалектов. Так, близкое сходство говоров шведской области Сконе с датскими говорами о. Зеландии является, в частности, следствием того, что до 1658 г. Сконе была частью Дании. Аналогичным образом объясняется близость норвежских говоров Трённелага и шведского емтландского говора, или, в еще большей степени, шведского говора района Хэрьедаль: Емтланд и Хэрьедаль входили в состав Норвегии до 1645 г.

Как неоднократно указывал Н. Я. Марр, критикуя прайзыковую теорию буржуазного языковедения, языковое развитие идет не путем движения от первоначального прайзыкового единства к все большему раздроблению, а, наоборот, путем схождения от первоначальной множественности к все большему объединению. Возникновение национальных языков (см. прим. 1) относится к эпохе капитализма, в то время как для предшествующей феодальной эпохи характерна значительная языковая раздробленность, так как основной формой существования устной речи в эту эпоху является поместно-территориальный говор. Бесписьменные крестьянские диалекты в современном буржуазном обществе пережиточно сохраняют старую языковую раздробленность эпохи феодализма. Границы тех или иных явлений диалектной речи (так называемые изоглоссы), скрещиваясь друг с другом, своеобразно отражают конкретную историю данного края и, в частности, феодальное районирование страны, как и еще более старое племенное деление, что так блестяще было показано Фр. Энгельсом на материале прирейнских диалектов Германии (см. Ф. р. Энгельс, Францкий диалект, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 412—439). Примером диалектных различий, являющихся в значительной мере продолжением расхождений между старыми племенными языками, могут, в частности, служить различия группы гётских и свейских говоров.

³ Перечисляемые Вессеном группы скандинавских диалектов географически распределяются следующим образом (см. карту):

Ютские говоры: в Дании — на Ютландском полуострове.

Говоры датских островов: на островах Зеландия (датск. произн. Съелан), Фюн, Лангеланн, Лолланн, Фальстер, Мёнт и ряде мелких островов, входящих в состав Дании.

Южношведские говоры: в ленах Кристианстад, Мальмехус (составляют старую область Сконе), Крунуберг и в южной части ленов Кальмар и Йёнчёпинг (все три лена входят в старую область Смоланд), в лене Блекинге и в южной части лена Халланд. К этой же группе Вессен относит говор о. Борнхольма, политически входящего в состав Дании.

Гётские говоры — в ленах Эльвсборг и Скараборг (входят в старую область Вестергётланд), в юго-западной части лена Йёнчёпинг. К гётским говорам близок вермландский говор (в лене Вермланд).

Свейские говоры: а) «верхнешведские» — в ленах Упсала, Стокгольм, в западной части лена Вестманланд (входят в область Упланд), в южной части лена Евлеборг (т. е. в области Естрик-

ланд и в южной части области Хельсингланд), в северной и восточной частях лена Сёдерманланд и в юго-восточной части лена Коппарберг (т. е. в области Даларна); б) «среднешведские» (центрально-шведские) говоры — в южной и западной частях лена Сёдерманланд, в южной части лена Эребру (область Нэрке), северо-восточной части лена Эстергётланд, в лене Кальмар, к северу от г. Кальмар, и на о. Эланд. Среднешведские говоры занимают промежуточное положение между верхнешведскими и гётскими.

В особую группу следует выделить д а л ь с к и е говоры в Эстердаларна и Вестердаларна (северная и западная части лена Коппарберг). Дальские говоры сильно отличаются от остальных шведских говоров. Для дальских говоров характерна большая дробность. Вессен в своей работе «Наши говоры» (*Våra folkmål*, 1935) дает следующую картину диалектной пестроты в Даларна: «Диалекты меняются не только от прихода к приходу, но и от деревни к деревне. Крестьянина из Эльвдалена (к северо-западу от озера Сильян) лишь с трудом поймут в противоположном районе Мура (на восточном берегу озера), а если он попадет в Рэттвик или Лександ (к юго-востоку от озера Сильян), то, чтобы его поняли, он должен будет говорить по-шведски (т. е. должен будет пользоваться литературным языком)».

Н о р л а н д с к и е говоры: в ленах Норбotten, Вестерботтен, Вестернорланд, Емтланд и в северной части лена Евлеборг.

В о с т о ч н о ш в е д с к и е говоры: в Финляндии — на Аландских островах, в губерниях Васа (на побережье Ботнического залива, примерно от района Коккола, швед. Гамла Карлебю, — на севере, до Сипю, швед. Сидебю, — на юге), Турку и Усима (на побережье Финского залива до г. Котка на востоке).

Г у т н и с к и й говор: на о. Готланд.

В о с т о ч н о н о р в е ж с к и е говоры: к северу и востоку от линии, проходящей от залива Шиен в западном направлении немного севернее г. Валё и далее на север вдоль хребта Лангфьельль к устью р. Раумы.

З а п а д н о н о р в е ж с к и е говоры: к югу и западу от этой линии, а также в северной Норвегии — к северу от г. Биндален.

Принятое скандинавскими языковедами распределение скандинавских говоров на перечисленные выше группы базируется в значительной мере на традиционно выделяемых, по существу более или менее формальных признаках, главным образом фонетических. Реальные отношения между диалектами значительно сложнее: каждое лингвистическое явление, наличествующее в том или ином диалекте, имеет в действительности свою границу (изоглоссу), не совпадающую с изоглоссами других явлений. В связи с этим возможна различная классификация говоров в зависимости от того, какой признак берется за основу классификации. Например, норвежские диалекты делятся описанной выше линией на западнонорвежские и восточнонорвежские по признаку отсутствия или наличия так называемого «равновесия» гласных (*likevektsloven*), заключающегося в том, что гласный окончания ослаблялся после первоначально долгого слова и сохранял свое качество после краткого слова (ср. в восточнонорвежских диалектах *finne* «находить» с -е после долгого слова и

svara «отвечать» с -а после краткого слога)*. В то же время норвежские диалекты делятся на северные и южные по другому признаку, а именно, по произношению ІІ и пп. В северных диалектах они произносятся как палатальные, в южных — без палatalизации. Граница между северными и южными диалектами начинается немного севернее Бергена, поднимается дугой над Сogneфьордом и несколько к востоку от него, а затем опускается к озеру Раннсфьюр и выходит к границе Норвегии немного южнее Кунгсвингера.

Подлинно научная классификация диалектов, отражающая их действительные связи, может быть создана только на основе всестороннего учета всех их основных особенностей в тесной связи с историей края и его населения. Примером такого подхода к диалектам является классический труд Энгельса «Франкский диалект» (см. прим. 2).

* «Периодом викингов» в истории народов скандинавских стран буржуазная историография называет период приблизительно с 800 до 1050 г. Это названиедается по внешнему, вторичному признаку, не характеризующему производственных отношений данного общества. Поэтому мы берем выражение «период викингов» в кавычки, которых у Вессена нет. На самом деле, время с IX в. было периодом разложения первобытно-общинного строя и начала феодализации в Скандинавии. Его можно охарактеризовать словами Энгельса как период «развивающейся из родового строя военной демократии». «Военной потому, — пишет Энгельс, — что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» («Происхождение семьи, частной собственности и государства», Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140). В этот период возникают военно-грабительские организации — дружины. «Если вождю дружины нечего было делать в ближайших окрестностях, он направлялся со своим отрядом к другим народам, у которых... можно было рассчитывать на добычу» (там же, стр. 121). Из Скандинавии такие дружины направлялись в большом количестве в разбойничьи морские походы против разных стран Европы. Участники этих дружин и назывались викингами (предполагают, что слово «викинг» происходит от *v'k* «бухта, залив»).

* Долгим слогом называется слог, в состав которого входит долгий гласный или дифтонг (например, первый слог в др.-исл. *þíða* «ждать», *aunga* «глаз»), или же краткий гласный, за которым следует долгий согласный или группа согласных (например, др.-исл. *skinn* «кожа», *maðr* «человек»). Кратким называется слог, в котором за кратким гласным следует один краткий согласный (например, в др.-исл. *koma* «приходить»).

и связано с тем, что заливы использовались викингами как базы для набегов). В континентальной Европе викинги обычно называли «норманнами», т. е. «северными людьми». Скандинавские разбойничье дружины (главным образом шведские) направлялись и на восток. На Руси и в Византии викинги были известны под именем «варягов» (др.-исл. *vætingjar*; происхождение этого слова точно не установлено).

Нередко скандинавские дружины поступали на службу к тому или иному чужеземному королю или князю, пополняя собой ряды наемного войска. Так, наемники-варяги служили в войсках византийского императора и нередко у русских князей. Широко развивающуюся на определенном этапе у всех германских племен систему военного наемничества Энгельс справедливо называл «позором и проклятием германцев». Со второй половины IX в. экспедиции викингов стали сочетаться с территориальными захватами. В это время викинги, главным образом датчане, овладели в Англии территорией к северу от Темзы, и эта занятая ими область получила название *Danelag*, т. е. «поселение данов». Позже, с 1016 по 1042 г., вся Англия временно находилась под властью датского короля. Во Франции после неоднократных опустошительных набегов викинги добились того, что в 911 г. французский король отдал им область, получившую от имени норманнов название Нормандии.

Походы викингов сыграли значительную роль в истории Скандинавии, так как здесь, как и в других странах, проходивших аналогичный этап своего развития, «грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей» (Энгельс, там же, стр. 140). Увеличивается имущественное неравенство внутри скандинавского общества, что, в свою очередь, способствует дальнейшему разложению первобытно-общинного строя.

В скандинавских странах широко распространены романтизация и героизация викингов и раздувание их роли в исторических судьбах ряда европейских народов. Как известно, шведские и вообще зарубежные буржуазные историки доходят до того, что приписывают викингам создание, в частности, Русского государства. Полная несостоятельность этой «теории» совершенно очевидна. Известно, что восточнославянские племена имели князей и государственные объединения до появления варягов в Новгороде; кроме того, варяги были здесь ничтожной кучкой воинов-наемников, быстро растворившейся в местном славянском населении и перенявшей от него язык, веру и обычай. Известно также, что культура Руси того времени стояла выше культуры варваров-норманнов. Поэтому ясно, что миф о «норманском происхождении» Русского государства (как и вообще поэтизация викингов), не имея под собой никаких реальных оснований, служит лишь орудием националистической пропаганды в руках наиболее реакционных кругов господствующих классов скандинавских стран, в первую очередь Швеции. Подробное разоблачение этого мифа см. в книге В. В. Мародина, *Образование древнерусского государства*, 1945, стр. 208 и сл., в статье акад. Б. Гревко, *О роли варягов в истории Руси* (по поводу статьи шведского профессора Тура Арне), *«Новое время»*, № 30, 1947, и в книге акад. Б. Гревко, *Киевская Русь* 1944.

⁵ Даневирке (*Danevirke*, буквально «создание данов») — оборонительный вал, возведенный в начале X в. для защиты южной границы Дании от набегов саксов. Вал Даневирке был построен в восточной части южного Шлезвига от залива Шлей до р. Трене (притока Эйдера). Далее на запад обе названные реки образовывали естественный оборонительный рубеж.

⁶ О древних германцах см. Ф. Энгельс, К истории древних германцев, Соч., т. XVI, ч. I; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I, гл. VII—VIII; «Древние германцы», сборник документов, вступительная статья и редакция А. Д. Удальцова, 1937.

⁷ См. предисловие.

⁸ Вессен дает традиционный в буржуазной науке перечень древних западногерманских языков, в котором остается неотраженным важный племенной язык франков-иствеонов, легший в основу не только современного голландского, но и всех западнонемецких диалектов вдоль среднего течения Рейна. В советской германистике принято деление западногерманских племенных языков на три группы, соответствующее тому племенному делению, которое дает опирающийся на свидетельство римского историка I в. н. э. Плиния Старшего и на ряд других исторических и лингвистических данных Фридрих Энгельс (см. его фрагмент «Германские племена», Соч., т. XVI, ч. I, стр. 376—389). Согласно этому делению, мы различаем: а) ингвейонские языки — языки саксов, англов и фризов, б) иствеонский, или франкский, — племенной язык с рядом подразделений, в) герминонские языки (в том числе баварский, алеманский и др.).

⁹ Бирка — один из наиболее значительных торговых городов в Швеции в IX—X вв., расположенный, по всей вероятности, на о. Бьёркё, одном из островов на оз. Меларен (название «Бирка», видимо, латинизированная форма швед. *Birkö*, более поздняя форма — современное *Björkö*).

¹⁰ В данном случае Вессен вслед за всем буржуазным языковедением называет «важнейшей чертой», определяющей взаимоотношения между группами германских языков, совершенно случайный фонетический признак, охватывающий лишь ничтожное количество слов и форм и потому мало о чем говорящий. Этот признак приводится Вессеном только потому, что он отлично укладывается в традиционную схему. Именно против оперирования подобными случайными, выхваченными из связи со всем строем языка формальными признаками возражал Энгельс в упомянутом выше (см. прим. 2) труде «Франкский диалект», когда применительно к классификации немецких говоров указывал, что «кабинетная ученость втискивает мало известные или совсем не известные ей живые народные говоры в прокрустово ложе a priori сконструированных признаков» (Соч., т. XVI, ч. I, стр. 425).

Для понимания приводимых Вессеном древнеисландских и шведских примеров (в которых *w* почти везде отсутствует) необходимо учесть факт раннего выпадения в скандинавских языках звука *w*.

в большинстве положений в неударном слоге. На наличие этого *w* в предшествующую эпоху указывает ряд моментов, например, лабиальный умлаут от *a* (см. прим. 11) в др.-исл. *dogg* или сохранение *w* (*v*) в некоторых косвенных падежах, например, от *tryggr* — вин. п. ед. ч. *tryggvan*; в древнешведском языке указанием на наличие в более раннее время *w* служит *-i-* в корне (дальнейшее развитие лабиального умлаута от *a*), особенно при наличии формы того же корня с гласным *a*; ср., например, др.-швед. *dugga* «моросять» (др.-исл. *doggva* «падать росой») и *dagg* «роса».

¹¹ У м л а у т о м вообще называется свойственная всем германским языкам частичная ассимиляция (уподобление) гласного корня гласному последующего слога. В скандинавских языках выделяются два вида умлаута:

1. П а л а т а л ь н ы й у м л а у т — палатализация (смягчение) коренного гласного при наличии в последующем слоге *i*, *j* (в древнеисландском языке также при наличии палатальных *ѓ* и *g*). Палатальный умлаут проявляется в том, что *a* переходит в *e*, *o>ø*, *u>y*, *au>ey* (или *øy*), *jo>jø*, *ju>jy*; соответственно изменяются и долгие гласные (*á>æ* и т. д.); например, др.-исл. *tellja* «считать» от *tal* «число», *mæli* «говорю» от *mál* «речь», *söñir* «сыновья» от *sonr* «сын», *dylja* «укрывать» от *dulr* «укрытие», *drøymi* (или *freyml*) «внизу сон» от *draumr* «сновидение» и т. д.

2. Л а б и а л ь н ы й у м л а у т — огубление коренного гласного при наличии в последующем слоге *i* или *w*. Лабиальный умлаут проявляется в том, что *a* переходит в открытое *o* (в древнеисландском изображалось как *o*), *e>ø*, *i>y*, *ei>øy* (редко). Из долгих гласных подвергаются лабиальному умлауту только *á (>o)* и *í (>y)*; например, др.-исл. *sögur* «саги» — мн. ч. от *saga* «сага», *sörom* «ранам» — дат. п. мн. ч. от *sár* «рана», *øngva* «никакого» — вин. п. ед. ч. от *enge* «никакой, никто» и т. д.

Палатальный умлаут дает во всех скандинавских языках чередование, играющие затем роль своеобразного грамматического средства, используемого при образовании множественного числа некоторых существительных; ср. швед. *hand* «рука» — *händer*, дат. *Haand* с тем же значением — *Hænder*, новонорв. *hand-hender*; при образовании сравнительной и превосходной степеней некоторых прилагательных, ср. швед. *lång* «длинный» — *längre* — *längst*, дат. *lang* — *længere* — *længst*, буквмол. *lang* — *lengre* — *lengst* и т. д.

Бессен, как и другие представители компаративистики, различает еще третий тип умлаута, так называемый «*а*-умлаут», расширение коренных гласных *i* и *o* соответственно в *e* и *o* при наличии *a* или *o* в последующем слоге: др.-исл. *níðr* «вниз» — *pedan* «снизу», *sonr* «сын» — *sonar* «сына» (род. п. ед. ч.). Примеров этого умлаута в скандинавских языках очень немного, и он выводится компаративистами в большей мере из сопоставления с другими германскими языками (где такие факты действительно имеются), чем из наблюдения над самим скандинавским материалом. Наоборот, при взгляде на факты скандинавских языков не через призму праязыка отмечается явление, прямо противоречащее теории «*а*-умлаута», — явление широкого параллелизма вариантов с узким и широким глас-

ным в одних и тех же фонетических позициях и, в частности, в одних и тех же словах и формах. Примерами такого параллелизма могут служить *stige stege* «лестница», *gull gol* «золото» и др. (см. А. Норрееп, *Altisländische und altnorwegische Grammatik*, 1903, § 154—155). Даже приведенная выше форма *sing* непоказательна, так как наряду с ней стоит «незакономерная», с точки зрения Вессена («возникшая по аналогии»), форма *sont*. Отметим кстати, что сам Вессен не смог проиллюстрировать «а-умлаут» в древнеисландском языке на вполне ясном примере, так как в приведенной им форме *þóðin* никакого *а* в суффиксе нет и оно лишь предположительно восстановливается здесь компаративистами на основе сравнения с другими германскими языками.

¹² Говоря здесь о латинском ударении, Вессен имеет в виду отношения дописьменного периода, которые проявляются в выпадении или ослаблении гласных, бывших в дописьменный период неударными, например, *terereri* > *terregi* «я возродил» (ср. *rereti* «я родила»). См. Линдсей, Краткая историческая грамматика латинского языка, русск. пер. 1948, стр. 31 и сл.

¹³ Аллитерация — повторение одинаковых начальных согласных ударных слов. Древнероманская поэзия строилась на принципе аллитерации; см. пример из Эдды:

þar sitr Sigurðr
sveiti stokkinn,
Fafnís hiarta
við funa steikir (Fafnismál).

«Там сидит Сигурд, покрытый кровью, жарит на огне сердце Фафни».

В примере Вессена согласные, однако, как будто отсутствуют. Здесь предполагается аллитерация на так называемый «смычно-гортанный» или «сильный приступ» («Knacklaut»), т. е. шум, сопровождающий начало ударного гласного, начинающего слово (или часть сложного слова). «Сильный приступ» мы находим и в современном немецком языке (например, 'Un'ordnung «беспорядок»). Предполагают, что он был в древних германских языках и мог аллитерировать в стихе.

Ингвеоны, иствеоны и герминоны — названия трех главных групп западногерманских племен (см. прим. 8) наряду с четвертой северногерманской группой гиллевионов-скандинавов и пятой, восточногерманской, объединяющей готов, бургундов и т. д.

¹⁴ Акад. Н. Я. Марр прямо указывал на позднее происхождение имен прилагательных. В статье «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком» он писал: «Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основою для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных; имена существительные по функции становятся, служа определением, прилагательными, которые также выделяются» («Избранные работы», т. II, стр. 417). Это значит, что первоначальное тождество существительных и прилагательных,

о котором говорит здесь Вессен, вовсе не есть только формальное тождество типа склонения, как он его понимает, и что корни такого тождества лежат глубже, в мышлении человека соответствующей эпохи. Согласно новому учению о языке, прилагательные поздно выделяются из прежде единой категории имен, так как самое отвлечение признака от предмета происходит лишь на более высокой ступени развития человеческого мышления. Полисемантизм первоначального предметно-качественного имени — прообраза стадиально позднейших существительных и прилагательных — вскрывается на материале языков, для которых характерно «более конкретное восприятие предмета неразрывно с его качественным состоянием» (акад. И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, 1945, стр. 209).

¹⁵ В приводимых Вессеном древнеисландских примерах **-п** отсутствует, потому что **-п**, стоявшее на конце слова, очень рано отпало в скандинавских языках. Только в древнейших памятниках скандинавской письменности — рунических надписях — до VII в. включительно конечное **-п** еще сохраняется. См., например, форму *Igingon* «Игинги» (имя собственное), род. п. ед. ч. ж. р., на стейнstadском камне (около 600 г.). То же наблюдается в глаголах: *dalidun* «украсили», З л. мн. ч., на камне из Туне (около 550 г.). В древнеисландском языке суффикс **-п-** сохранился в слабом склонении только в родительном падеже множественного числа существительных женского и среднего рода, например, *gatna* «дорог», *hjartna* «сердец».

¹⁶ Скандинавские языки имеют два типа определенного артикля:

1) постпозитивный, или суффигированный, следующий за существительным, к которому он относится и с которым пишется слитно, например, швед. *gatan* «улица», дат. *Gaden* (ср. без артикля *gata*, *Gade*); форма существительного с суффигированным артиклем называется «определенной» в противоположность «неопределенной» форме, не соединенной с этим артиклием;

2) так называемый свободностоящий артикль, употребляющийся в тех случаях, когда перед существительным стоит определение-прилагательное. Свободностоящий артикль предшествует прилагательному, например, швед. *den långa gatan* «длинная улица», дат. *den lange Gade*.

¹⁷ А бл а у т — очень древнее по своему происхождению чередование гласных, как качественное (задний гласный — передний гласный), так и количественное (долгий гласный — краткий гласный — нуль, т. е. отсутствие гласного), представленное в том или ином виде во всех индоевропейских языках. Чередование такого типа имеет место и в русском языке: *везу*—*воз*, *возить*; *лежу* — *ложе*, *положить* (качественное чередование); *уволить*, *улов* — *улавливать* (старое количественное чередование, так как гласный *о* в славянских языках был в древности кратким, а гласный *а* — долгим). В германских языках чередование по аблautu получило широкое применение, особенно в глагольных формах так называемого сильного спряжения, о котором здесь и говорит Вессен.

¹⁸ Редуплицирующими глаголами называют глаголы, образующие в некоторых германских языках (готском, частично в древнеис-

ландском и англосаксонском) прошедшее время с помощью удвоения (редупликации) начальной части корня, например, гот. *faiþan* «складывать», прошедшее время *faiþalþ* (произносится *fēþalþ*). В личных окончаниях никакой разницы между редуплицирующими и остальными сильными глаголами, образующими свои формы с помощью аблautа, нет. В скандинавских и западногерманских языках редупликация подверглась стяжению, промежуточные стадии которого за- свидетельствованы формами типа англосакс. *leolc* «играл» (гот. *laihalk*) или др.-исл. *tega* «гребь» (инфипитив *teða*).

¹⁹ Говоря здесь о «точном соответствии», Вессен имеет в виду звуковое соответствие, согласно которому ё германских языков со- поставляется с ю латинского и других индоевропейских языков.

²⁰ Фактически в разряд отыменных образований следует за- числить, повидимому, и побудительные глаголы, вы- деляемые Вессепом в особую группу. Эти глаголы в германских языках образовывались первоначально не непосредственно от сильных глаголов, как об этом говорит Вессен, а от имен со значением действия, огласовка которых обычно совпадала с огласовкой прошедшего времени сильных глаголов. Такое понимание побудительных глаголов существенно облегчает трактовку дентального прошедшего германских языков как первоначально сложной формы, образованной с вспомогательным глаголом «делать».

²¹ Вессен повторяет традиционные положения так называемой теории падежного синкремизма, т. е. теории, со-гласно которой флексивные падежи исторически засвидетельство- ванных индоевропейских языков представляют собой продукт позднейшего смешения в одной форме ряда падежей, существовавших в «индоевропейском пражзыке» раздельно, каждый со своим единым значением. Теория синкремизма является попыткой объяснить с по-зиций формалистического языкознания, приписывающего флексивной форме самостоятельное значение, многозначность флексивных паде- жей реальных языков, свести многозначность к первоначальной однозначности. В действительности же, однозначные падежи — фик- ция. Каждый падеж всегда многозначен, причем его значения всякий раз уточняются конкретными лексико-сintаксическими условиями, т. е. характером словосочетания, в котором употреблен этот падеж.

²² В трактовке вопроса о происхождении грамматиче- ского рода Вессен, как и в других случаях, остается на поверх-ности явления и не пытается вскрыть его более глубоких корней. Между тем, в трудах акад. Н. Я. Марра и других советских лингви- стов убедительно показано, что грамматическому роду стадиально предшествовала классификация предметов по их связи с данным коллективом, по их социальной функции, в частности — активности и пассивности в хозяйственной жизни. Позднейшим переосмыслением этих категорий и явились одушевленность и неодушевленность, о которых говорит здесь Вессен. О происхождении грамматического рода см. работы Н. Я. Марра: «Язык и мышление» (1931), «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема» (1930), «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории» (1929), «Лингви- стически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с

историей материальной культуры» (1926) и др. и книгу акад. И. И. Мещанинова, Новое учение о языке, 1936.

²³ Более естественно и правильно другое толкование названия Норвегии: слово *vegr* в древненорвежском и древнескандинавском языках означало не только «путь», но и «сторону», например: *til høgra vefs* «с правой стороны», *innra veginn* «внутренняя часть, сторона (двора)». Поэтому **nordvegr* означало, видимо, «северная сторона», *austrevegr* — «восточная сторона».

²⁴ «Прасеверным языком» Вессен называет язык древнейших рунических надписей с конца II до IX в. Термин «prasеверный» связан с методологическими установками буржуазного языкоznания, с его прайзыковой схемой (критику ее см. в предисловии). Буржуазные лингвисты, в том числе и Вессен, считают, что позднейшие скандинавские языки развились из «prasеверного», бывшего единым и одинаковым на всей территории, где жили предки современных шведов, норвежцев и датчан. Между тем, подлинный характер языка древнейших рунических надписей не может считаться выясненным в науке. На первый взгляд, этот язык действительно производит впечатление в значительной степени единообразного на всей территории распространения надписей (в Дании, южной и центральной Швеции и южной Норвегии). Однако это кажущееся единообразие является, повидимому, следствием того, что поддающихся убедительной расшифровке рунических надписей указанного периода немного и, кроме того, они очень кратки. Высказывалось даже предположение, что часть этих надписей была сделана вообще не на скандинавском, а на каких-то других германских языках (готском, западногерманских). Вместе с тем надо учесть, что владение руническим письмом было достоянием очень узкого круга лиц, и данные древнейших рунических надписей нельзя отождествлять с фактами живого народного языка того времени. Так или иначе, тот «prasеверный» язык, о котором говорят компаративисты как о реальном языке, является в значительной степени не языком реальных памятников, а плодом сравнительно-грамматической реконструкции, которая воссоздает единый, якобы, язык вместо ряда, повидимому, различных языков, существовавших в действительности. Об этом свидетельствует, в частности, характерное признание самого Вессена (см. стр. 45): «Грамматику и словарный запас прасеверного языка приходится в значительной мере восстанавливать на основе сравнения с более поздними скандинавскими и другими германскими языками».

²⁵ Руны — древнейшие германские письмена, вырезывавшиеся на дереве, металле, роге, позже на камне. Происхождение рун в точности неизвестно, но, повидимому, они восходят к одному из средиземноморских алфавитов, так как отдельные рунические знаки обнаруживают несомненное сходство с латинскими и греческими буквами. Специфически угловатая форма рун объясняется, очевидно, тем, что первоначально они вырезывались главным образом на волнистом материале — на дереве. Этимология слова «руна» (гот. *gýpa* «тайна») говорит об использовании рунического письма в целях магии. На это же указывает и свидетельство Тацита о том, что германцы пользовались для гадания палочками с вырезанными на них знаками.

К эпохе рунического письма восходят различные скандинавские и германские термины, связанные с техникой письма и чтения: существительные «буква» — швед. *bokstav* (буквально «буковая палочка»), гот. *bōka* (также от названия дерева бука) и «книга» — швед. *bok*, гот. *bōkōs* (мн. ч. от *bōka* и др.); глаголы «читать» — швед. *läsa* (первоначально «собирать», т. е. собирать палочки с вырезанными на них рунами), англ. *to read* (первоначально «гадать, отгадывать»,ср. нем. *raten* в этом последнем значении), «писать» — англ. *to write* (буквально «вырезать», нем. *ritzen* «царапать») *.

Первоначально рунический алфавит у различных германских племен был одинаков и состоял из следующих 24 букв:

ᚠ ᚢ ᚦ ᚩ ᚪ ᚭ ᚮ ᚯ ᚱ ᚤ ᚬ ᚰ ᚲ ᚴ ᚶ ᚷ ᚸ ᚹ ᚾ ᚻ ᚽ ᚿ ᚻ ᚽ ᚿ ᚻ ᚽ ᚿ
f u þ a r k g w h n i j p e R s t b e m l n g d o

Этот рунический алфавит изображен на ряде памятников: одно из древнейших его изображений — надпись на кюльверском камне, найденном на о. Готланд. Применительно к скандинавским руническим надписям этот общегерманский рунический алфавит называют старшим в отличие от специфически скандинавского — младшего рунического алфавита (см. прим. 29). Древнейшие скандинавские надписи старшими рунами относятся к концу II в. (надпись на наконечнике копья, найденном в южной Норвегии у Стабу) и к III в. (надписи на наконечниках копий, найденных в Вимосе, на острове Фюн, и в Мус, на острове Готланд). Всего в Скандинавии найдено около 150 надписей, сделанных старшими рунами. Один из наиболее известных памятников ранней скандинавской рунической письменности — надпись на золотом роге, найденном в 1734 г. в Дании (в Gal-lehus), но в 1802 г. выкраденном из музея в Копенгагене. Надпись эта относится к первой половине V в. и гласит: *ek hlewagastir holtijar horna tawido* «Я, Хлевагаст Хольтинг, сделал рог».

²⁶ В этом пункте Бессен объединяет в одной формулировке два разных явления: во-первых, умлаут (см. прим. 11), во-вторых, так называемое преломление, т. е. дифтонгизацию краткого е в ја или ё в зависимости от гласного следующего слова (е>да перед слогом с а, е>ё перед слогом с и).

²⁷ Эггьюмский камень был найден в Норвегии в 1917 г. в Согндале (фюльке Согн ог Фьордане) и представляет собой могильную плиту. Надпись на эггьюмском камне — самая большая из надписей старшими рунами, содержит около 200 рун (около 50 слов). Надпись рассказывает о магических действиях, целью которых было обеспечить неприкосновенность могилы. О магическом значении, придававшемся надписи, свидетельствует и то, что она высечена на обращенной к земле стороне плиты.

* Швед. *skriva* «писать» — другого происхождения: это латинское заимствование (лат. *scribere* «писать»).

²⁸ Надпись на рёкском камне (см. рисунок), найденном в селении Рёк в Эстергётланде,— самая длинная из всех рунических надписей; она содержит более 762 рун. Большая часть надписи выполнена шведско-норвежскими рунаами (см. прим. 29), часть — старшими рунаами и часть — рунической тайнописью. Надпись с трудом поддается расшифровке и поэтому по-разному толкуется различными учеными. Все толкователи сходятся на том, что надпись содержит магические заклинания.

²⁹ Младшим руническим алфавитом называется 16-значный алфавит, употреблявшийся в скандинавских рунических надписях с IX в. и представлявший собой видоизменение старшего, общегерманского.

В надписях до конца X в. можно различить два типа младших рун: с одной стороны, употреблявшиеся в Швеции и Норвегии:

ᚠ ᚦ ᚩ ᚪ ᚫ ᚮ ᚰ ᚭ ᚯ ᚱ ᚲ ᚴ ,
f u th o r k h n i a s t b m l R

с другой — употреблявшиеся в Дании:

ᚠ ᚦ ᚩ ᚪ ᚫ ᚮ ᚰ ᚭ ᚯ ᚱ ᚲ ᚴ
f u th a r k h n i a s t b m l R
v o o g e ä ä o d p

Около 1000 г. шведско-норвежские руны были вытеснены датскими, которыми и написано большинство рунических памятников, найденных в Швеции и Норвегии.

³⁰ Заселение Исландии происходило в течение IX — XI вв. в период разложения первобытно-общинного строя и формирования феодализма в Норвегии (см. прим. 4). Впервые скандинавы попали на остров между 860 и 870 гг., а в 874 г. началась его колонизация. Тогда же было основано поселение, из которого впоследствии вырос г. Рейкьявик — столица Исландии. Особую роль в колонизации Исландии сыграли внутриполитические события в Норвегии, а именно, объединение ее под властью короля Харальда Прекрасноволосого, окончательно завершившееся после победы над рядом норвежских племенных вождей, одержанной Харальдом в битве при Хафсфьорде (872 г.).

Попытки Харальда ввести в Норвегии феодальные порядки (превращение независимых ховдингов — родовой знати — в ленников короля, обложение бондов — свободных крестьян — поборами и повинностями и пр.) вызвали массовую эмиграцию недовольных, направлявшихся главным образом в Исландию. Сложившийся в Исландии общественно-политический строй характеризовался многочисленными чертами, типичными для дофеодальных отношений (отсутствие королевской власти, верховная власть общего народного собрания свободных крестьян — альтинга, существовавшего с 930 г., и пр.). Многочисленные явления, характерные для дофеодальной эпохи, сохранились и в области идеологии. В частности, хотя христианство было формально принято на альтинге (1000 г.), но в то же время по решению альтинга в частной жизни разрешалось сохранять язычество. В течение двух столетий культ старых языческих богов продолжал существовать с христианством, не подвергаясь преследованию. Образование не стало в Исландии монополией духовенства, как это было на континенте Европы. Указанными обстоятельствами и объясняется сохранение в исландской литературе

старого эпоса, отражавшего в значительной мере идеологию первобытно-общинного строя.

Независимая исландская республика просуществовала до 1263 г., когда была подчинена норвежским королем; с 1397 г. о. Исландия переходит под власть Дании (о дальнейшей истории Исландии см. прим. 37).

³¹ Важнейшие памятники древнеисландской литературы — так называемые эддиические песни, стихи скальдов и прозаические саги.

Эддиические песни — произведения народного эпического творчества, возникшие в период между IX и XII вв. и передававшиеся в устной традиции до XIII в., когда они были записаны. Название «эддиические» связано с тем, что большая часть их входит в сборник, найденный в 1643 г. в Исландии Брюньольфом Свейнссоном и ошибочно названный им «Эддой Сэмунда». Название «Эдда» он перенес на этот сборник с другого литературного произведения, действительно называвшегося «Эддой» — прозаического учебника для скальдов, написанного около 1222 г. Снорри Стурлусоном (1178—1241 гг.), выдающимся историком, поэтом и политическим деятелем Исландии (происхождение самого слова «Эдда» спорное). «Эдда» Снорри получила в скандинавской филологии название «Младшей», так как предполагалось, что ее источником послужила «Старшая», т. е. поэтическая, Эдда. Названия «Старшая» и «Младшая Эдда» теперь отвергнуты наукой, но встречаются в более старой литературе (еще в XIX в.). Брюньольф Свейнссон и позднее все филологи до XIX в. включительно считали автором сборника эддиических песен исландского ученого Сэмунда Мудрого (1056—1133 гг.). Эддиические песни написаны аллитерационным стихом (см. прим. 13). По содержанию они подразделяются на мифологические, морально-поучительные и героические. Эти песни представляют собой важный источник сведений о древнескандинавской языческой мифологии, о сказаниях, сложившихся у скандинавов еще в эпоху «великого переселения народов», и вообще об идеологии дофеодальной и переходной к феодализму эпохи. Эддиические песни отличаются высокой художественностью и глубоко народны по своему характеру. В этом отношении им противоположна скальдическая поэзия. Скальды — дружинные и придворные певцы. Они слагали хвалебные песни в честь королей (драпы), песни, направленные против личных врагов (ниды) и другие стихи по тому или иному конкретному поводу. Наряду с аллитерацией в более поздних стихах скальдов начинается использование рифмы. Стиль и поэтика скальдов отличаются чрезвычайной формальной сложностью и вычурностью.

Из саг, т. е. прозаических рассказов, наиболее ранние и интересные — родовые саги, повествующие о лицах и событиях исландской истории со времени заселения острова и приблизительно до начала XI в. Саги отличаются своеобразным наивным реализмом и написаны языком, близким к устному, разговорному языку. На основе традиции родовой саги постепенно развиваются так называемые «романтические саги» фантастического содержания, среди которых встречаются прозаические обработки песен героического эпоса и пересказы средневековых рыцарских романов.

Еще в XII в. в Исландии появились исторические труды. Первые из них были написаны Сэмундом (на латинском языке) и Ари Торгильссоном (1067—1148 гг.), автором «Книги об исландах» (*Íslendingabók*), в которой описываются заселение Исландии, образование альtinga, письменная фиксация законов и некоторые другие события.

О древнеисландской литературе см. М. И. Стеблин-Каменский, Исландская литература, 1947. Из переводов произведений древнеисландской литературы на русский язык укажем перевод части эддических песен С. Свириденко (Эdda, Скандинавский эпос, т. I, 1917), переводы «Саги о Вольсунгах» Б. И. Ярхо (1934) и «Саги о Фритьофе» А. И. Смирницкого (1935). Более полную библиографию переводов исландской литературы на русский язык см. в указанной брошюре Стеблина-Каменского.

³² Магнус де ла Гарди (1622—1686 гг.) — шведский государственный деятель и дипломат; особо поощрял изучение памятников шведской старины, служившее в Швеции в XVII в. целям разжигания шовинистических настроений (см. прим. 62).

³³ Вессен считает «архаичным» исландский язык лишь потому, что в нем в отличие от английского, датского и ряда других языков аналитического строя сохранено богатство флексивных форм. Вессен, вместе с Есперсеном (см. его *«Progress in Language»*) придерживается здесь той реакционно-шовинистической позиции в германistique, согласно которой все языки, сохраняющие флексию, будто бы архаичны, а языки, утратившие флексию и развившие систему аналитических конструкций, якобы прогрессивны. В русской лингвистической литературе эти антинаучные и политически чуждые нам взгляды популяризовались В. М. Жирмунским и отдельными его учениками в ряде работ (*«Развитие строя немецкого языка»*, *«История немецкого языка»* в сборнике *«Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении»* и некоторые другие).

³⁴ Орфография и морфология современного исландского языка действительно мало отличаются от орфографии и морфологии древнеисландского. Это делает возможным для современного исландца чтение без затруднения древнеисландских саг. Однако в лексике и синтаксисе несомненно налицо глубокое различие между современным и древним языком: в новоисландском возникло много новых слов, обогатилась система подчиняющих союзов, развились новые предлоги, используемые в логически расчлененной речи, появились новые, более сложные конструкции предложения. Поэтому понимание человеком, знающим только древнеисландский язык, современного исландского текста без словаря совершенно невозможно, особенно если речь идет о тексте научном, публицистическом и т. д.

³⁵ Супин в грамматике новоисландского языка называется несклоняемая именная форма глагола, которая в сочетании с вспомогательным глаголом «иметь» образует перфект и другие «относительные времена предшествия» (плюсквамперфект, предварительное будущее и т. д.), например, *jeg hefi kallað* «я звал». Супин произошел из формы среднего рода причастия прошедшего времени и сохраняет с

ней формальное тождество, на основании чего по внешней ассоциации с латинским супином (внешне совпадающим со средним родом причастия) и произошел перенос термина (хотя функционально исландский и латинский супины не имеют между собой ничего общего). Супин выделяется и грамматиками шведского языка, причем здесь у глаголов сильного спряжения он даже обособился от среднего рода причастия специальным окончанием: *jag har skrivit* «я написал», *vattnet har frusit* «вода замерзла» (супин), но *skrivet* «написанное», *fruset* «замерзшее». И в шведском и в исландском языках супин отличается от причастия, между прочим, тем, что может быть образован от любого глагола, тогда как причастие от ряда глаголов в силу их значения не образуется (от таких, например, как исл. *hlæja*, швед. *le* «смеяться», исл. *skjálfa*, швед. *skälva* «дрожать»). В других скандинавских языках положение существенно не отличается от положения в исландском языке, однако термин «супин» малоупотребителен в грамматиках этих языков и соответствующую форму называют просто «причастием прошедшего времени».

³⁶ М у зыкальны м называется такой тип ударения, при котором слоги отличаются друг от друга высотой тона. В шведском языке различают два типа музыкального ударения: 1) ударение *п р о с т о е*, называемое также *akut* или *у д а р е н и е м одн о с л о ж н ы х с л о в* (обозначается знаком '), и 2) ударение *с л о ж н о е*, называемое также *grav* или *у д а р е н и е м двусложных с л о в* (обозначается знаком '). Простое ударение часто находим, однако, и в двусложных словах. В словах с простым музыкальным ударением, например, в *tál* «речь», опред. форма *tálet*, тон является или просто падающим, или просто восходящим (при вопросе; в речи западных областей Швеции, так же как в норвежском языке, и при утверждении). В словах со сложным ударением, например, в *tála* «говорить», тон на первом слоге несколько падает, а на следующем слоге поднимается, примерно на терцию. Различие обоих типов музыкального ударения может иметь смыслоразличительное значение; ср., например, *slútet* «конец», *áxel* «плечо», *móder* «моды» с простым ударением и *slütet* «оконченное», *Axel* «Аксель» (имя), *móder* «мать» с ударением сложным.

О музыкальном ударении в шведском языке см. А. Н о г е е п, *Vårt språk*, т. II, раздел B, гл. 4, 1903; G. D a n e l l, *Svensk Ijudlära*, гл. 13—14, 1937.

³⁷ Приводимое Вессеном объяснение причин последовательной борьбы с иностранными заимствованными словами в исландском языке совершенно неудовлетворительно. Ведь в качестве главной причины этой борьбы Вессен выдвигает «трудность приспособления иностранных слов к старой системе словоизменения». Однако такая «трудность» сама по себе не препятствует заимствованию. Доказательством этого могут служить хотя бы те заимствованные слова, которые вошли в исландский язык и стали склоняться как исландские слова (например, приводимое Вессеном слово *dama* — мн. ч. *dömtir*). Утверждение Вессена, что слова, склоняемые подобным образом, «кажутся смешными», является следствием того, что он подходит к ним с меркой того языка, из которого они заимство-

ванны, или своего родного шведского языка, где эти и подобные им слова не изменяют коренного гласного при образовании форм множественного числа (*dam* — *damer*).

Взгляд Бессена на исландский пуранизм — проявление характерного для буржуазного ученого стремления скрыть факт воздействия общественных и политических факторов на развитие языка и объяснить языковые явления внутренними свойствами самого языка. В действительности, острая борьба против иностранных слов в исландском языке есть своеобразное проявление национального самосознания и форма национальной борьбы. В Исландии, в условиях векового угнетения со стороны Дании, борьба за чистоту и культивирование родного языка, живой интерес к родной (древнеисландской) литературе являлись важными элементами в мобилизации национальных сил и в отстаивании национальной самостоятельности против иноземных угнетателей.

Борьба исландцев за национальную независимость привела к тому, что на протяжении XIX в. Исландия постепенно добилась автономии во внутренних делах, а в 1918 г. была провозглашена независимым государством, связанным с Данией только личной унией. В 1941 г. альтинг принял решение о расторжении унии. В результате всенародного голосования в мае 1944 г. Исландия была окончательно отделена от Дании и провозглашена республикой. Однако еще в 1940 г. в Исландии высадились английские войска, впоследствии замененные американскими. После окончания Второй мировой войны вплоть до настоящего времени не прекращаются происки американского империализма, направленные на то, чтобы лишить Исландию самостоятельности и превратить ее в одну из стратегических баз США в северной Атлантике.

³⁸ Бессен не дает эти молохи приводимых им здесь слов, изобретенных исландскими пуристами, считая, повидимому, что она сама по себе понятна для большинства его шведских читателей. Между тем, для читателей-нескандинавов разъяснение здесь совершенно необходимо, тем более что пути создания чисто исландских обозначений для понятий, передаваемых в большинстве европейских языков с помощью так называемой «интернациональной» (главным образом греческой и латинской по своим элементам) лексики, представляют своеобразный интерес. Приведем поэтому этимологию некоторых из указанных Бессеном слов. Среди них прежде всего можно выделить группу слов, существовавших и раньше в языке в такой же форме, но не имевших значения, приданного им пуристами, например, *hjól* «велосипед», буквально «колесо» (как и нем. *Rad*); *mynd* «фотография», буквально «образ, картина»; *bólga* «вспаление», буквально «нарыв»; *sjóðr* «касса», буквально «кошелец»; *utvarg* «радиопередача?», буквально «выбрасывание» (ср. норв. *kringkastning*, англ. *broadcasting* с тем же значением и этимологией); *flokkur* «(политическая) партия», буквально «группа, толпа, стая»; *bylting* «революция», буквально «переворот», от глагола *bylta* «опрокидывать, переворачивать»; *sími*, используемое для обозначения телефона и телеграфа, буквально «веревка»; для дифференциации значений «телефон» и «телеграф» используются сложные слова *talsími* «говор+веревка» и *ritsími* «письмо+веревка».

Такой же характер имеют и многие другие сложные слова, специально образованные для выражения того или иного сложного понятия. Так, парикмахер обозначается как «волосорез», портной как «плательерез», библиотекарь как «книгохранитель», термометр как «тепломер», барометр как «воздухомер», театр как «дом игр», фильм как «живая картина», термос как «теплохранитель», пенсия как «последующая зарплата», резина как «тягучая кожа», электричество как «янтарная сила». О последовательности исландского пуритана говорят, например, тот факт, что подобным же образом обозначаются даже привозные, не растущие в Исландии экзотические плоды: банан (буквально «кривоплод»), апельсин («сверкающий плод»), помидор («красный плод»). Философская терминология, названия наук строятся по тому же принципу: философия обозначается словом *heimspeki* от *heim* «мир» и *speki* «мудрость»; в целях передачи наших образований с суффиксом *-izm* для обозначения философских направлений, взглядов, образа мыслей употребляются сложные слова со вторым элементом *hyggja* «мнение, умонастроение», например, *efnishyggja* «материализм» (первый элемент *efni* «материя, вещества»), *efunarghyggja* «скептицизм» (*efun* «сомнение»), или *-syni* «взгляд», например *bjartsyni* «оптимизм» (*bja:t* «яркий, ясный»), *bölsyni* «пессимизм» (*böl* «дурной, зловещий»). Названия наук строятся подобным же образом со вторым элементом *fræði* «знание»: *eðlisfræði* «физика» (*eðli* «природа», ср. русск. природоведение), *efnafræði* «химия» (буквально «веществознание»), *dýrafraði* «зоология» (*dýr* «зверь, животное») и т. д. Для обозначения специалиста данной отрасли знания к названию науки прибавляется суффикс *-ing*, старый германский суффикс родственных и фамильных имен. Так получаются *efnafræðingur* «химик», *verkfræðingur* «техник» и т. п. Примерами суффиксальных образований могут служить еще слова, образованные со старым орудийным суффиксом *-il*: *hreyfili* «мотор» от глагола *hreyfa* «двигать» (буквально «двигатель»), *gerill* «бактерия» от глагола *gera* «делать» (буквально «делатель», ср. русск. *возбудитель*).

³⁹ Для Вессена, ищущего повсюду «влияния» и «заимствования», характерно, что даже такое естественное в пору позднего средневековья явление, как употребление народного языка вместо латыни в деловых документах, — явление, обусловленное развитием буржуазных отношений в недрах феодального общества, — он объясняет для норвежского языка примером Англии, а для шведского языка — примером Норвегии.

⁴⁰ Эстланн, Трённелаг и Вестланн — исторические области Норвегии. Эстланн по территории соответствует нынешним фюлькам Хедмарк, Оппланн, Бускеруд, Акерсхус, Вестфёлль, Остфёлль и части Телемарка. Центром Эстланна был г. Осло. Трённелаг расположен к северу от Эстланна и охватывает фюльки Нур-трённелаг, Сёр-трённелаг и часть фюлька Мёре ог Ромдален. Центром этой области был Нидарос (нынешнее название Тронхейм). Вестланн охватывает фюльки Согн ог Фьордане, Хордаланн, Ругаланн, Вестагдер, Аустагдер и части фюльков Мёре ог Ромдален и Телемарк. Центром Вестланна был г. Берген.

⁴¹ Подходя к языку с идеалистических позиций буржуазного языкознания, Вессен стремится объяснить факт «гибели норвежского письменного языка» в первую очередь имманентными, в самом языке лежащими причинами. Лишь во вторую очередь он признает, что «политические и культурные условия» со своей стороны «способствовали» этому процессу. Это объяснение Вессена не выдерживает критики. Консерватизм письменного языка, ломка формального строя устного языка, разрыв между письменным языком и устной речью — все эти факторы не могут привести и никогда не приводили сами по себе к переходу литературы на какой-либо чужой язык, как это произошло в Норвегии. Да и сами периоды ломки в языке всегда бывают связаны с общественно-историческими причинами. Подлинную причину того, что письменным языком Норвегии в определенный момент стал датский язык, следует искать в истории страны. Оказавшись в силу ряда условий позади других скандинавских стран в своем экономическом развитии, Норвегия с XIV в. подпадает под датское владычество, юридически закрепленное Кальмарской унией 1397 г. Силы сопротивления иноземному игу были в Норвегии значительно слабее, чем в Швеции, вследствие чего датское владычество просуществовало здесь до 1814 г. Датская корона проводила в Норвегии политику искусственного насаждения датского языка в качестве языка государственного управления, письменности и культуры, а после реформации (1536 г.) — и церкви. Естественным следствием всего этого и была гибель норвежского письменного языка.

⁴² Eufemia visor — переводы на шведский язык трех стихотворных рыцарских романов «Ивен или Рыцарь льва», «Флор и Бланшфор» и «Герцог Фредрик Нормандский». Переводы были сделаны по заказу норвежской королевы Евфимии (ум. в 1312 г.), предназначавшей их в свадебный подарок своему зятю, шведскому герцогу Эрику.

⁴³ См. прим. 54.

⁴⁴ В шведском и датском литературных языках и в ряде диалектов этих языков в ходе исторического развития произошло слияние мужского и женского рода в одну морфологическую категорию «общего рода», противоположного «среднему». Букмол, продолжая традицию датского языка, также имеет только «общий» и «средний» род. Норвежские говоры сохранили все три рода. Лансмол имеет три рода. Введение в 1938 г. трех родов в букмол является важным этапом на пути сближения обоих языков.

⁴⁵ В духе культивируемых в Швеции реакционных идей «нордизма», «скандинавской общности» и т. д. Вессен находит «достойным сожаления», что норвежский язык идет в своем развитии особыми путями, в ряде моментов отдаляясь от литературных шведского и датского языков. Возражая против сближения норвежского литературного языка с живым говором и против преодоления «языкового раскола», Вессен хотел бы навязать норвежцам другой путь — путь сближения с шведским языком, сохранения в угоду шведско-

му и датскому языкам тех черт риксмола, которые чужды народным говорам Норвегии, и даже введение этих черт в лансмол.

⁴⁶ Предание, отраженное датским историком XII в. Свеном Огесёном (Svend Aagesøn), автором хроники «Compendiosa historia regum Daniae», приписывает королеве Тюре руководство возведением пограничного вала Даневирке (см. прим. 5). Это объясняет нам эпитет «спасительница Дании», которым сопровождается имя Тюры на еллинском камне. В скандинавской художественной литературе Даневирке нередко называется «валом Тюры» (например, *Tyras vold* в стихотворении Ибсена «Брат в беде»). Однако некоторые ученые считают, что слова *tanmarkar but* являются, возможно, приложением к *kimga* и, следовательно, их надо относить к королю Горму и читать не «спасительница Дании», а «спаситель Дании» (*but* значит буквально «благо, спасение» и может относиться к слову как мужского, так и женского рода).

⁴⁷ «Рунический кодекс» написан особыми, так называемыми пунктированными (*stungne*, буквально «колотыми») рунами, представляющими собой переделку 16-значного рунического алфавита под влиянием латинского: при помощи дополнительных точек и черточек, прибавлявшихся к некоторым рунам, было увеличено их количество, так что каждой букве латинского алфавита (в том виде, в каком он применялся датскими рукописями) стала соответствовать особая руна. Таким образом устранилось серьезное несовершенство младшего рунического алфавита, обозначавшего одной руной звонкие и глухие звуки (*b* и *p*, *d* и *t*, *g* и *k*), звуки с умлаутом и без него (например, *a* и *ä*). Пунктированные руны выглядели следующим образом:

1 3 1 1 2 2 * 1 2 1 2 1 1 2 R 4 1 1 1 1 1 1 1 1
a b d e f g h i k l m n o r g s t t h u v y z æ ö

Эти руны появились впервые в Дании в XI в.

⁴⁸ Речь идет о медицинской книге, написанной каноником в Роскильде Хенриком Харпестренгом. По не вполне достоверным сведениям, Харпестренг умер в 1244 г.

⁴⁹ Хемминг Гад (1440—1520 гг.) — шведский епископ и государственный деятель. Гад активно участвовал в войне за независимость, которую Швеция вела против датчан (в частности, непосредственно руководил военными операциями). О речи Гада в 1510 г., направленной против датчан, сообщает шведский историк XVI в. Иоганн Магнус. В 1518 г. вместе с несколькими другими шведскими аристократами (в частности, с Густавом Васой) Гад был захвачен датчанами и увезен в Данию, после чего перешел на сторону датского короля (в то время как Густав Васа бежал из плена и стал во главе народного восстания против датчан).

⁵⁰ Stød, буквально «толчок, перерыв», — характерная фонетическая особенность датского языка, отличающая его от других скандинавских языков. Эта особенность заключается в смыкании голосовых связок, прерывающем на мгновение поток воздуха в момент произнесения того или иного звука. Stød может иметь фонологическое значение, являясь смыслоразличительным средством; ср., например, hund' (орфографическое Hund) «собака» (с «перерывом») и hun (hun) «она» (без «перерыва») или lam'eð (Lammet) «ягненок» и lameð (lammet) «расслабленный, парализованный». Противоположность слов с «перерывом» и без него заменила противоположность между двумя типами музыкального ударения (см. прим. 36), существовавшую раньше в датском и сохранившуюся в шведском и норвежском языках, так же как и в некоторых датских диалектах (в южной Ютландии).

⁵¹ Саксон (около 1150 — 1216 гг.) — известный ученый, получивший за свою ученость имя Грамматика (Saxo Grammaticus), автор известной, написанной по-латыни, истории Дании «Oesta Danorum» («Деяния данов») или «Historia Danica» (впервые была издана в Париже в 1514 г.). Эта история представляет собой в значительной мере пересказ древних сказаний и песен. Для нашего времени ценность труда Саксона заключается как раз в том, что он служит источником сведений о древнескандинавских героических сказаниях.

⁵² Вессен не идет дальше признания того факта, что на развитие национального языка, который он называет «государственным» (см. прим. 1), оказали влияние такие факторы, как «централизация культурной жизни» или «распространение грамотности». Будучи типичным буржуазным ученым, он не показывает более глубоких причин, лежавших в основе описываемого им процесса унификации письменного и устного языка, которыми, несомненно, являлись сдвиги в социально-экономическом укладе жизни страны. Разговорная форма национального языка возникает в XVII в. потому, что именно XVII век был для феодальной Швеции временем интенсивного развития капиталистических отношений, временем расцвета шведской торговли, мореплавания и промышленности, в частности железноделательной. Кроме того, Вессен определенно переоценивает роль королевского двора и дворянства и совсем не учитывает творческой роли народных масс в создании национального языка.

⁵³ См. прим. 34.

⁵⁴ Биргитта (1303 — 1379 гг.) — церковная и политическая деятельница и писательница. Ее «Откровения» («Revelationes») — сочинение мистическое (она описывает здесь свои «видения») и в то же время политическое, критикующее действия короля Магнуса Эрикссона (1316 — 1374 гг.) с позиций шведской феодальной знати (шведские феодалы были недовольны Магнусом за его попытки ограничить привилегии знати и церкви). Биргитта была основательницей нового монашеского ордена биргиттинцев (монастыри по уставу этого ордена были организованы в различных скандинавских странах).

⁵⁵ Эрикова хроника — рифмованная хроника, рассказывающая о событиях шведской истории, начиная с 1249 г. (кресто-

вый поход ярла Биргера в Финляндию, т. е. военная экспедиция с целью захвата финских земель и подчинения населения шведским феодалам) до избрания Магнуса Эрикссона в 1319 г. королем Швеции.

⁵⁶ Говоря об архаическом характере древнешведского языка, Вессен снова, как мы видели это и выше, в главе об исландском языке, имеет в виду первую очередь чисто формальный момент — богатство флексивных форм. Ср. сказанное по этому поводу в прим. 33.

⁵⁷ См. прим. 39.

⁵⁸ Останавливаясь на иностранных заимствованиях в шведском языке, Вессен ни словом не упоминает о заимствованиях из славянских языков. Между тем, уже в древнейший период в шведский язык вошел ряд важных слов, заимствованных из русского и других языков славянской группы. Примерами таких слов могут служить: *torg* «рынок, площадь», заимствование которого свидетельствует о более высоком экономическом развитии древней Руси по сравнению со Швецией, *gräns* «граница», названия судов — *lodja* «ладья, барка», *pråm* «паром», слова *lave* «широкая скамья, лавка, полати», *folk* «переводчик, tolmac». Возможно, что старым заимствованием из славянских языков является также *flog* «плуг». Позже в шведский язык попадают, например, такие заимствования, как *gurka* «огурец», *droska* «дрожки», *vojlok* «войлок», *astrakan* — сорт яблок, повидимому, завезенный в Швецию из России возвращавшимися после Великой Северной войны военнопленными (см. E. Hellquist, Det svenska ordförträdetets ålder och ursprung, 1929, стр. 957). Через посредство русского языка в шведский язык вошли слова *silke* «шелк», *saffian* «сафьян», *mammut* «мамонт» и ряд других слов из восточных языков.

О заимствованиях из русского языка советской эпохи см. прим. 66.

⁵⁹ Говоря о «важных событиях в начале нового времени», Вессен имеет в виду, во-первых, уничтожение датского владычества над Швецией в результате народного восстания, во главе которого стоял Густав Васа (1495—1560 гг.), и восстановление политической независимости страны (расторжение Кальмарской унии и избрание Густава Васы королем в 1523 г.); во-вторых, реформацию, проведенную в Швеции в 1527 г.

⁶⁰ Олаус Петри (1493—1552 гг.) был главным деятелем шведской реформации. Ученик Лютера и Меланхтона, переводчик «Нового завета» и ряда других церковных книг, автор первой шведской драмы «Tobiæ Commedia» и некоторых других сочинений, Олаус Петри в течение ряда лет был одним из ближайших сотрудников Густава Васы, но затем подвергся опале.

⁶¹ Шернельм (1598—1672 гг.) — придворный поэт. Наиболее значительное его произведение — дидактическая поэма «Геркулес» (написана в конце 1640-х годов.). Подробнее см. прим. 62.

⁶² «Периодом великордражавия» («Storhetstiden») шведская буржуазная историография именует период 1611—1720 гг., когда Швеция

стала господствующей державой на севере Европы, захватив, в частности, Ливонию и (по Столбовскому миру 1617 г.) берега Невы, а также (по Вестфальскому миру 1648 г.) южное (немецкое) побережье Балтийского моря. Попытка дальнейшей экспансии при Карле XII (1697 — 1718 гг.), направленная против России, привела шведов к поражению в Великой Северной войне (1700 — 1721 гг.).

Для «периода великодержавия» характерна националистическая-экспансионистская идеология, проявлявшаяся, в частности, в стремлении возвеличить прошлое Швеции, а также шведский язык. В это время получают широкое распространение фантастические идеи о «превосходстве» шведского языка над всеми другими как, якобы, самого древнего. В частности, Шернъельм писал, что скандинавы лучше всех сохранили язык, на котором люди говорили до всемирного потопа. Правда, современный Шернъельму шведский язык рассматривался им и его приверженцами как уже «немного испорченный» в сравнении с древнешведским и другими древними скандинавскими языками, а потому последние усиленно изучались с целью практического использования их словарного запаса для пурристических замен и обогащения шведского языка. Так, например, в свою поэму «Геркулес» Шернъельм ввел сто таких заимствованных из древнешведского языка слов, которые были совершенно непонятны его современникам, так что потребовали даже разъяснения в специальном приложении к поэме.

Крайним проявлением шовинистических настроений «периода великодержавия» было произведение профессора Упсальского университета Улува Рудбека (1630—1702 гг.) «Atland» (выходило с 1679 по 1702 г. на латинском и шведском языках). «Атланд» — абсурдная попытка доказать, что Швеция и есть тот самый остров Атлантида, о котором упоминает Платон, и что в Швеции лежат истоки европейской и мировой культуры. Пытаясь подтвердить свой нелепый тезис, Рудбек занимается фантастическими этимологиями, объясняя, например, имена римских и греческих богов и героев как исказенные шведские слова (так, Геркулес от шведских слов *härt* «войско» и *kille* «голова» и т. п.).

⁶³ Для понимания названия «Glossarium Sveo-Gothicum», т. е. буквально «Свео-готский словарь» надо учесть, что в этот период шведские филологи и историки безоговорочно отождествляли древнерусский народ готов и шведское племя гётов, что, с одной стороны, объяснялось, возможно, наивностью и несовершенством лингвистических познаний того времени, а с другой — использовалось как аргумент, «подтверждающий» древность шведской культуры, и тем самым служило лишним поводом для националистической пропаганды. В нашем переводе мы говорим о «свео-гётском словаре», поскольку название «свео-готский» могло бы быть неправильно понято.

⁶⁴ У л у в Д а л й н (1708—1763 гг.) — поэт и историк, издатель еженедельного литературного журнала «Шведский Аргус» (с 1732 г.), библиотекарь королевской библиотеки. Основные произведения Далйна: поэма «Шведская свобода», политический памфлет «Сага о лошади», трагедия в стихах «Брюнхильда», комедия «Завистник» и т. д. Из мелких произведений наиболее удачными счи-

таются идиллии и сатирические стихи. Наиболее известное историческое сочинение Далайна: «История Швеции от ее начала до нашего времени».

⁶⁵ «Толстое I» — специфический сонорный звук, представленный в большинстве шведских диалектов, а также в произношении некоторых шведов, пользующихся литературным языком. Норен называет этот звук «апико-какуминальным». Данэлль (*Svensk Ijudlära*, 4 изд., 1937) следующим образом описывает его артикуляцию: «Кончик языка сперва оттягивается назад и подымается кверху, не касаясь, однако, нёба, затем быстрым движением вперед возвращается в нейтральное положение, по пути задевая на мгновение за альвеолы. По способу своего образования этот звук скорее всего мог бы быть охарактеризован как дрожащий особого рода» (стр. 24).

⁶⁶ Для Вессена как для буржуазного ученого характерно, что, подробно останавливаясь на различного рода заимствованных словах, проникших в шведский язык, он совершенно не упоминает о с о в е т и з м а х. Между тем, после Великой Октябрьской социалистической революции в шведский язык, как и во все другие языки мира, вошло большое количество слов, заимствованных из русского или калькированных с русских образцов и выражавших понятия, которые возникли в процессе революционной борьбы русского пролетариата, социалистической революции и социалистического строительства в СССР. К числу таких слов принадлежат: *sovjet*, *bolsjevik*, *sovjetbruk* (или *sovjetjörgbruk*) «совхоз», *kollektivbruk* (или *kollektivjordbruk*) «колхоз», *semärsplan* «пятилетка», *självkritik* «самокритика», *arbetarreserver* «трудовые резервы», *kulturfalats* «дворец культуры», *pionjärpalats* «дворец пионеров», *Röda Armén* «Красная Армия» (в последнее время *Sovjetiska Armén*) и производное *rödarmist* «красноармеец»; выражения *det socialistiska uppbyget* «социалистическое строительство», *överskrifta planen* «перевыполнять план» и многие другие.

Во время Великой Отечественной войны советского народа и в послевоенный период в связи с общим усилением лагеря демократии и ростом международного авторитета Советского Союза неизмеримо возрастает и международное значение русского языка. Это приводит и в шведском языке к усилению потока советизмов, ко все более частому их употреблению. Примерами советизмов военных лет могут служить *partisan* и образованные с ним сложные слова *partisanrörelse* «партизанское движение», *partisanbragd* «партизанский подвиг», *hjältflygare* «летчик-Герой Советского Союза» и т. д.

Советизмы входят в шведский язык в первую очередь через переводы на шведский язык произведений Ленина и Сталина, а также советской художественной литературы.

О более старых заимствованиях из славянских языков см. прим. 58.

⁶⁷ Та трактовка вопросов шведской орфографии и споров вокруг этих вопросов, которую дает Вессен, явно неудовлетворительна. Орфография любого языка — не вопрос академической теории, а вопрос сугубо практический и политический, — вопрос

о доступности или недоступности данного литературного письменного языка для широких народных масс. Между тем, Вессен не пытается дать какую-либо оценку противоборствующим направлениям в вопросе об орфографии, не показывает прогрессивности одних точек зрения (фонетического и морфологического принципа в орфографии, т. е. написания слов и форм по их звучанию или по звучанию других, связанных с ними форм современного языка), не вскрывает реакционности других (традиционного или исторического принципа, т. е. написания согласно происхождению данного слова или его истары установившейся орфографии). Вессен не дает никакой критики современной шведской орфографии, консервативной и антидемократической по своим основным установкам. Сохраняя традиционные способы написания, шведская орфография чрезвычайно противоречива. Так, звук *o* обозначается посредством букв *å* (*sång* «песня», *gå* «идти») и *o* (*folk* «народ», *sova* «спать»); в то же время буква *o*, кроме обозначения звука *o*, употребляется и для обозначения звука *ø* (*ost* «сыр»); звук открытого *e* может обозначаться буквами *e* (*regn* «дождь») и *ä* (*ätt* «род»), а буква *e* используется для обозначения двух фонологически разных звуков, открытого *e* (*regn*) и закрытого *e* (*eld* «огонь», *ed* «клятва»). Как эти, так и другие противоречия шведской орфографии (например, написание звука *ſ* двенадцатью различными способами) создают для широких масс излишние трудности при овладении грамотой, служат дополнительным барьером, отделяющим народные массы от «образованного» господствующего класса.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Введение	21
1. Область распространения скандинавских языков	21
2. Взаимоотношения скандинавских языков с другими родственными языками	24
3. Скандинавские этнические названия	40
4. Прасеверный язык	44
Исландский язык	51
1. Древнеисландский язык	51
2. Новоисландский язык	60
Фарерский язык	68
Норвежский язык	71
1. Древненорвежский язык	71
2. Новонорвежский язык	77
Датский язык	86
1. Древнедатский язык	86
2. Новодатский язык	93
Шведский язык	100
1. Рунический шведский язык	101
2. Классический древнешведский язык	103
3. Поздний древнешведский язык	109
4. Ранний новошведский язык	115
5. Поздний новошведский язык	123
Примечания	141

Карта скандинавских диалектов